

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

С.П. Матвеев,
доктор юридических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ORGANISATION AND LEGAL PROBLEMS OF STAFFING SUPPORT OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Статья посвящена актуальным вопросам комплектования кадров в системе органов внутренних дел. На основе анализа действующего законодательства сформулированы выводы по вопросам подготовки кадров для органов внутренних дел.

The article is devoted to topical issues of staffing support in the system of law enforcement agencies. Some conclusions based on the current legislation analysis and concerned with personnel training for law enforcement bodies are drawn.

Одной из важнейших стратегических задач в рамках общенациональной реформы российского государства и гражданского общества выступает модернизация системы образования. Как отмечено в Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751[1], государство обязуется «принять на себя вместе с общественностью ответственность за настоящее и будущее отечественного образования, являющегося основой социально-экономического и духовного развития России».

В условиях реформирования российского образования в прессе продолжают дискуссии о путях развития, системе, структуре образовательных организаций, формах и методах, применяемых в образовательном процессе. В том числе активно

обсуждается вопрос о необходимости существования и перспективах ведомственных образовательных организаций, соотношении их с общеобразовательными профессиональными организациями, проблемах, связанных с подготовкой кадров для органов внутренних дел. Данный вопрос неоднократно рассматривался в качестве объекта диссертационных исследований [2. — С. 8].

Среди прочих мер, принимаемых в процессе реформы органов внутренних дел, производится сокращение штатной численности сотрудников, а также количества учебных заведений системы МВД Российской Федерации. В связи с этим все чаще высказываются предложения о ликвидации ведомственных образовательных организаций высшего профессионального образования и осуществлении подготовки специалистов для системы органов внутренних дел на базе гражданских

вузов. Подобная позиция обосновывается опытом зарубежных стран, например Австралии, США, где на службу в полицию принимаются лица, имеющие образование, полученное в гражданских вузах, и дополнительно прошедшие полицейскую подготовку в специализированных учебных центрах.

Таким образом, подготовка специалистов для системы органов внутренних дел возможна на основе обучения их в ведомственных образовательных организациях, а также в гражданских вузах. Какой из способов является наиболее перспективным, действенным и оптимальным, позволяющим обеспечить систему органов внутренних дел стабильными, обученными современным методам полицейской работы кадрами, способными эффективно выполнять поставленные перед ними задачи?

Набор специалистов для службы в органах системы МВД Российской Федерации, окончивших гражданские вузы, обходится государству значительно дешевле, поскольку стоимость подготовки специалиста в ведомственном вузе гораздо выше. Кроме того, комплектование кадров органов внутренних дел за счет гражданских специалистов позволяет сократить количество ведомственных учебных заведений, и, соответственно, общую штатную численность сотрудников органов МВД Российской Федерации, что в конечном итоге приведет к экономии бюджетных средств.

Однако, несмотря на столь привлекательную перспективу, необходимо отметить, что решение кадровой проблемы органов внутренних дел исключительно с помощью гражданских специалистов стало бы непростительной ошибкой.

Исторически сложилось, что в России, как и в других странах на протяжении длительного периода сохраняется практика подготовки кадров для органов МВД с помощью специальных образовательных программ, а также ведомственных учебных заведений. Системы подготовки специалистов для службы в органах внутренних дел в иностранных государствах имеют свою специфику и обусловлены конкретными историческими реалиями и национальными традициями. Вместе с тем общей тенденцией является то, что признается необходимость специальной, отличной от общегражданских учебных заведений, подготовки кадров, способных осуществлять функции по охране общественного порядка, обеспечению безопасности населения, сохранности имущества граждан и государства.

В Российской империи в конце 19 — начале 20 века полицейские кадры подготавливались посредством функционирования специальных школ, курсов для сотрудников среднего и низшего состава. В 1910 году такие школы действовали в 14 губерниях [9].

Наряду со специальными школами и курсами сотрудники МВД получали образование в учеб-

ных заведениях юридического профиля. Это прежде всего относилось к подготовке руководящего состава полиции. Так, будущие сотрудники полиции обучались на юридических факультетах Московского, Петербургского, Казанского и других университетов. Однако юридическое образование, полученное в общегражданских учебных заведениях, не всегда служило гарантией последующей успешной службы в органах МВД. Например, выпускники Александровского (Царскосельского) лицея не были востребованы на практической работе в департаментах МВД [10]. Несмотря на то, что была предпринята попытка специализировать учебное заведение на подготовке кадров для МВД, данный опыт не удался, и в 1851 году Александровскому (Царскосельскому) лицейу было разрешено распределять выпускников по другим министерствам.

Тем не менее следует констатировать, что специальные школы и курсы, осуществлявшие подготовку кадров для МВД, сыграли большую роль в развитии и реформировании полицейских органов Российской империи, поскольку до появления в России организаций специального полицейского образования, штаты МВД комплектовались либо лицами, практически не имеющими образования, либо бывшими военными, не имевшими опыта полицейской работы. Все это негативным образом отражалось на эффективности деятельности полиции и жандармерии, а также дискредитировало эти органы в глазах общества.

В первые годы советской власти продолжалась традиция подготовки кадров для системы органов внутренних дел (теперь уже милиции) в специализированных учебных заведениях и на курсах. В 1918 году подобные учебные заведения функционировали в Москве, Петрограде, Владимире, а затем и в других губерниях и стали основой совершенствования системы подготовки кадров для милиции в последующие годы [11].

История свидетельствует, что к 1930 году в молодой советской республике уже сформировалась централизованная специализированная система подготовки кадров младшего и среднего начальствующего состава милиции на курсах и в специализированных школах. Данная система развивалась и совершенствовалась в соответствии с политическими, идеологическими взглядами высшего руководства страны, а также определялась экономическими ресурсами РСФСР.

В послевоенный период для системы милиционного образования была характерна тенденция сокращения специальных учебных заведений, что объяснялось недостатком бюджетного финансирования, с одной стороны, и установкой партийных органов на полную ликвидацию преступности в СССР в ближайшие годы — с другой. Нехватку сотрудников в милиции было решено компенсировать посредством укрепления ее рядов партийно-комсомольскими кадрами, не

имевшими опыта оперативно-следственной работы. Однако такой опыт не привел к заметным положительным результатам. Например, в Ивановской области в период немногим более года из органов внутренних дел было уволено 775 сотрудников (около 20% всего личного состава), большинство из которых составляли коммунисты и комсомольцы, принятые в органы после партийно-комсомольского набора [12].

Новый этап формирования системы подготовки кадров для органов внутренних дел связан с образованием в 1966 году Союзно-республиканского министерства охраны общественного порядка СССР, переименованного в 1968 году в Министерство внутренних дел СССР. В рамках данного министерства получила дальнейшее развитие система ведомственного образования, направленного на подготовку профессиональных кадров для органов внутренних дел.

Как указывалось выше, в настоящее время в Российской Федерации сохраняется система ведомственной подготовки кадров для органов внутренних дел.

Критериями эффективности подготовки специалистов в ведомственных образовательных организациях МВД России являются отзывы практических работников о выпускниках, статистика карьерного роста выпускников, эффективность их служебной деятельности. Однако в последние годы особую актуальность приобретает проблема текучести кадров в органах внутренних дел, отток молодых сотрудников. Анализ данной ситуации закономерно становится объектом научных, социологических исследований. Соответствующие исследования проводились и в области кадровых проблем органов внутренних дел. Так, анализируя текучесть кадров, М.С. Шуклин делает вывод о том, что выпускники ведомственных образовательных организаций МВД России более адаптированы к условиям службы и, соответственно, гораздо реже увольняются в первые ее годы, чем другие категории граждан, поступивших в органы внутренних дел. Это, по мнению автора, объясняется целенаправленной морально-психологической подготовкой курсантов и слушателей и целым рядом других факторов, обусловленных специфичным учебным процессом ведомственных вузов [13].

Несмотря на указанные положительные моменты, процесс подготовки специалистов в ведомственных образовательных организациях не лишен недостатков, о чем делаются выводы как на уровне руководства МВД России, так и в рамках научных исследований. Так, С.Ю. Миронченко отмечает снижение уровня профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел [8. — С. 6], В.М. Морозов связывает улучшение работы правоохранительных органов с необходимостью поиска новых подходов к качеству подготовки сотрудников [3. — С. 3]. В качестве решения указанных

проблем С.Ю. Миронченко предлагает, в частности, в гражданских вузах, финансируемых из государственного бюджета, создавать специальные факультеты и кафедры государственной правоохранительной службы. При этом делается вывод, что это «способствует повышению качества обучения слушателей (курсантов)».

Данное суждение недостаточно обоснованно, с нашей точки зрения, прежде всего потому, что предлагаемые специальные факультеты и кафедры государственной правоохранительной службы еще не созданы в гражданских вузах и делать вывод об их эффективности преждевременно. Кроме того, говоря о подготовке кадров для органов внутренних дел, следует помнить, что обучение будущих сотрудников имеет существенную специфику, включающую в том числе первоначальную подготовку, практические стрельбы, специальную физическую подготовку, режим секретности, морально-психологическую подготовку, служебную дисциплину и другие обязательные атрибуты становления профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел. Обеспечение подобного учебного процесса в гражданских вузах потребует вложения значительных финансовых средств для создания необходимой учебно-материальной базы, при том что результат подобного эксперимента не гарантирован и может оказаться гораздо хуже ожидаемого. В то же время необходимо подчеркнуть, что современные ведомственные вузы МВД России обладают достаточной учебно-материальной базой для того, чтобы успешно решать поставленные перед ними задачи подготовки кадров.

Кроме того, принимая во внимание тот факт, что приоритетным для сотрудников органов внутренних дел является юридическое образование и определенная часть правовых дисциплин может преподаваться гражданскими специалистами, другую большую часть дисциплин учебного плана вряд ли возможно объединить в рамках одной специальной (или специализированной) кафедры, осуществляющей подготовку специалистов для органов внутренних дел. Конечно, в рамках факультета «государственной правоохранительной службы» возможно объединение необходимого количества кафедр, однако и в этом случае могут возникнуть проблемы. Перечень правоохранительных органов не определен законодательно, однако если принять во внимание те государственные органы, которые прямо в законодательных актах называются правоохранительными, то правомерно сделать вывод о том, что этот перечень достаточно широк и направления правоохранительной деятельности этих органов характеризуются особой спецификой и разноплановостью.

В связи с этим возникает вопрос о том, как более грамотно и методически верно объединить подготовку сотрудников полиции, МЧС, ФСИН, таможенных органов, прокуратуры и других ор-

ганов в одном учебном процессе? Это сделать весьма непросто. Кроме того, необходимо ответить на вопрос: а нужно ли такое объединение? Например, в Воронежском институте МВД России в течение 12 лет подряд осуществлялась подготовка специалистов для системы ФСИН на основе межведомственного договора. Объективно процесс подготовки будущих сотрудников полиции и сотрудников ФСИН существенно отличается сообразно задачам, стоящим перед этими ведомствами. Поэтому в институте были оборудованы специализированные учебные кабинеты, согласован с ФСИН учебный план, подготовлены сотрудники из числа профессорско-преподавательского состава, специализирующиеся на обучении курсантов и слушателей для системы ФСИН. Тем не менее руководство ФСИН пришло к выводу о целесообразности подготовки кадров в ведомственных вузах этой системы, и, поскольку в Воронеже был учрежден институт ФСИН России, обучение специалистов для этой системы в Воронежском институте МВД России было прекращено.

Таким образом, 12-летний эксперимент межведомственной подготовки кадров для правоохранительных органов показал, что предпочтение было отдано все-таки ведомственной подготовке. Данный подход соответствует концепции подготовки кадров, закрепленной в законодательстве. Так, п. 2 статьи 76 Федерального закона от 30 ноября 2011 года «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] предусматривает обучение кадров для системы органов внутренних дел преимущественно в образовательных организациях МВД России.

Вместе с тем, как показывает практика, проблема комплектования органов внутренних дел однозначно не может быть разрешена с помощью лишь выпускников ведомственных образовательных организаций, прежде всего в силу их малочисленности. В настоящее время в системе МВД России функционирует 17 образовательных организаций*. Количество ежегодно выпускаемых ими специалистов покрывает потребности органов внутренних дел примерно на десять процентов. Такое положение вещей, естественно, не может удовлетворять заказчика, то есть МВД России.

Существует также проблема «сезонности» выпускников. Как известно, государственная аттестация и вручение дипломов происходят в образовательных организациях МВД России в июле-августе. Соответственно, в этот же период выпускники прибывают по месту распределения в территориальные органы для прохождения

службы. Однако потребность в кадрах в территориальных органах не может быть на сто процентов согласована с цикличностью учебного процесса и зависеть от окончания учебного года. При возникновении необходимости в кадрах в течение учебного года практические органы вынуждены осуществлять поиск потенциальных сотрудников, используя другие источники.

Наряду с подготовкой кадров в образовательных организациях МВД России Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» допускает возможность обучения специалистов для органов внутренних дел в гражданских образовательных организациях. С этой целью на основании статьи 77 названного закона допускается подготовка кадров для органов внутренних дел на основе размещения государственного заказа в гражданских образовательных организациях.

Идея подготовки кадров на основе государственных заказов далеко не оригинальна в системе профессионального образования, поскольку широко использовалась в советское время. Тем не менее редакция статьи 77 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вызывает ряд вопросов.

Итак, статья 77 рассматриваемого закона имеет название «Государственный заказ на подготовку кадров для органов внутренних дел». Государственный заказ в данном случае — это договор на оказание образовательных услуг, финансируемых из государственного бюджета. Субъектами государственного заказа выступают, с одной стороны, государство в лице уполномоченных органов, с другой — образовательные организации, не входящие в систему МВД России. Однако сам механизм размещения государственного заказа статьей не регламентируется.

В п. 3 статьи 77 закона указывается, что размещение государственного заказа происходит в учебных заведениях, «имеющих государственную аккредитацию по соответствующим образовательным программам». Возникает вопрос о том, из каких источников должны финансироваться эти учебные заведения? Ответ на этот вопрос содержится в Положении о заключении договора на обучение между Министерством внутренних дел Российской Федерации (его территориальным органом на окружном, межрегиональном или региональном уровне) и гражданином Российской Федерации, предусматривающего обязательство последующего прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 января 2013 г. №21[15]. В данном нормативном акте закрепле-

* В данное число не входят научно-исследовательские организации и институты повышения квалификации.

но, что образовательная организация должна быть государственной, имеющей аккредитацию. Однако такую редакцию можно считать расширительным толкованием закона в одном случае и противоречием закону — в другом, так как в самом законе категория собственника образовательной организации не указана.

Далее, в целях реализации статьи 77 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел вправе заключать договор на подготовку специалиста с гражданином, обучающимся в образовательной организации. Каким же требованиям должен отвечать гражданин, чтобы с ним был заключен такой договор? В соответствии с п. 2 Положения о заключении договора на обучение между Министерством внутренних дел Российской Федерации (его территориальным органом на окружном, межрегиональном или региональном уровне) и гражданином Российской Федерации, предусматривающего обязательство последующего прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, гражданин должен: достигнуть 18 лет; владеть русским языком; иметь соответствующее здоровье; получать первое образование по дневной форме обучения; обучаться за счет средств из федерального бюджета.

Представляется, что условие обучения гражданина только за счет средств федерального бюджета существенно ограничит сферу применения государственного заказа на подготовку кадров для органов внутренних дел, и соответственно, возможность более широкого конкурентного отбора кандидатов из числа обучающихся. Как известно, в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [16] образование может быть получено как за государственный счет, так и на платной основе, при этом условия платного обучения регламентируются локальными нормативными актами образовательных организаций и законодательством Российской Федерации. Правилами приема в вузы в 2014 году предусмотрено, что не менее десяти процентов мест в вузах на бюджетных отделениях должны быть зарезервированы для абитуриентов-инвалидов, инвалидов-военнослужащих и других категорий граждан, желающих получить образование. Эти лица по состоянию здоровья не могут служить в органах внутренних дел. Если принять во внимание тот факт, что среди современной молодежи наблюдается негативная тенденция распространения наркомании, употребления спиртных напитков и общего ухудшения состояния здоровья, то выбор кандидатов для заключения договора с органами внутренних дел окажется не так широк, как хотелось

бы. Возможно, в этой ситуации целесообразнее расширить контингент потенциальных субъектов договора за счет лиц, обучающихся на платной основе в государственных образовательных организациях?

Ориентация на студентов, обучающихся за государственный счет, имеет и другую сторону — данный подход ограничивает в правах тех лиц, которые оплачивают учебу из собственного кармана. Это, в свою очередь, противоречит принципу равного доступа граждан к службе в органах внутренних дел, предусмотренному статьей 4 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ЛИТЕРАТУРА

1. СЗ РФ. — 2000. — № 41. — Ст. 4089.
2. Нарбутов Р.В. Полиция Российской империи (1862—1917 гг.): историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1992.
3. Морозов В. М. Социальные проблемы подготовки кадров правоохранительных органов: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта: дис. ... д-ра социол. наук. — М., 2000.
4. Костылев А. О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи, 1980—1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
5. Кикоть В.Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002.
6. Бардымова Л. А. Организационно-правовые проблемы работы с молодыми сотрудниками по закреплению их на службе в органах внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.
7. Кольцова М. В. Профессиональная подготовка полицейских кадров Российской империи в период с 1907 г. до февраля 1917 г.: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
8. Миронченко С. Ю. Правовые и организационные основы подготовки кадров органов внутренних дел в условиях реформы системы государственной службы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
9. Труды комиссии по преобразованию полиции. — СПб., 1911. — Т. IV. — Прил. IV. — С. 67—74.
10. Кобозев А.А. Профессиональная подготовка полицейских кадров в период образования и становления МВД Российской империи [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.regiment.ru/Lib/C/291.htm> (дата обращения: 01.10.2013 г.)
11. Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование: автореф. дис. д-ра юрид. наук. — М., 2005.
12. Материалы ДГСК МВД России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dko->

mvd.ru/news-view-464.html (дата обращения: 02.10.2013 г.).

13. Шуклин М.С. Проблемы трудовой адаптации и текучесть молодых кадров органов внутренних дел в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2006 (дата обращения: 02.10.2013 г.).

14. СЗ. РФ. — 2011. — №49. (ч. 1). — Ст. 7020.

15. СЗ. РФ. — 2013. — №3. — Ст. 172.

16. СЗ. РФ. — 2012. — №53 (ч. 1). — Ст. 7598.

REFERENCES

1. SZ RF. — 2000. — №41. — St. 4089.
2. Narbutov R.V. Politsiya Rossiyskoy imperii (1862—1917 gg.): istoriko-pravovoy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1992.
3. Morozov V. M. Sotsialnyie problemyi podgotovki kadrov pravoohranitelnyih organov: sravnitel'nyiy analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta: dis. ... d-ra sotsiol. nauk. — M., 2000.
4. Kostylev A. O. Organizatsionno-pravovyye aspektyi raboty s kadrami politsii i zhandarmerii Rossiyskoy imperii, 1880—1917 gg.: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2000.
5. Kikot V.Ya. Organizatsionno-pravovoe i informatsionnoe obespechenie realizatsii kadrovoy politiki MVD Rossii v sfere podgotovki kadrov: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2002.
6. Bardymova L. A. Organizatsionno-pravovyye problemyi raboty s molodyimi sotrudnikami po zakrepleniyu ih na sluzhbe v organah vnutrennih del: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003.

7. Koltsova M. V. Professionalnaya podgotovka politseyskih kadrov Rossiyskoy imperii v period s 1907 g. do fevralya 1917 g.: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2005.

8. Mironchenko S. Yu. Pravovyye i organizatsionnyie osnovyi podgotovki kadrov organov vnutrennih del v usloviyah reformyi sistemyi gosudarstvennoy sluzhbyi Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008.

9. Trudyi komissii po preobrazovaniyu politsii. — SPb., 1911. — T. IV. — Pril. IV. — S. 67—74.

10. Kobozev A.A. Professionalnaya podgotovka politseyskih kadrov v period obrazovaniya i stanovleniya MVD Rossiyskoy imperii [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.regiment.ru/Lib/C/291.htm> (data obrascheniya: 01.10.2013 g.).

11. Kozhevina M.A. Militseyskoe obrazovanie v Sovetskoy Rossii: organizatsiya i pravovoe regulirovanie: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk. — M., 2005.

12. Materialy DGSK MVD Rossii [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.dko-mvd.ru/news-view-464.html> (data obrascheniya: 02.10.2013 g.).

13. Shuklin M.S. Problemyi trudovoy adaptatsii i tekuchest molodyih kadrov organov vnutrennih del v sovremennoy Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2006. (data obrascheniya: 02.10.2013 g.).

14. SZ. RF. — 2011. — №49. (ch. 1). — St. 7020.

15. SZ. RF. — 2013. — №3. — St. 172.

16. SZ. RF. — 2012. — №53 (ch. 1). — St. 7598.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Матвеев Сергей Прокофьевич. Начальник кафедры гражданского, трудового и финансового права. Доктор юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: ser35031333@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-00.

Matveyev Sergey Prokofievich. The head of the civil, labour and financial law chair. Doctor of Law, Associate Professor.

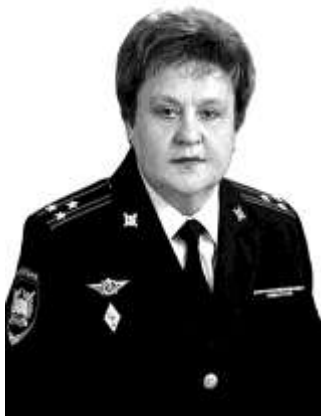
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 200-53-00.

Ключевые слова: органы внутренних дел; подготовка кадров; договор; кадровая политика; полиция.

Key words: law enforcement agencies; personnel training; treaty; personnel policy; police.

УДК 342

Т.М. Занина,
кандидат юридических наук, профессор

С.С. Нехорошева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF MINORS: PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье рассматриваются основные вопросы совершенствования административно-правового статуса несовершеннолетних, проблемы привлечения их к административной ответственности и применения к ним санкций.

The article deals with the main issues of improving the administrative and legal status of minors, the problems of attracting to administrative responsibility and application of sanctions.

Одним из приоритетных направлений социальной политики современного правового государства является создание рациональной системы соблюдения и реализации прав детей. Человек с момента рождения становится обладателем определенной совокупности прав, которые необходимо защищать с детства. Правовое положение несовершеннолетних нашло отражение в ряде научных работ, где авторы обращают внимание на необходимость урегулирования их правового статуса, порядка осуществления ими права на защиту, а также вопроса их ответственности, в том числе и административной [1, 2]. В России за 2012 год каждое двадцатое преступление было совершено несовершеннолетними или при их участии, привлечено к административной ответственности свыше 59 тыс. несовершеннолетних [3]. Количество административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, остается по-прежнему весьма высоким.

Все это предопределяет целесообразность проведения специальных правовых исследований по вопросам совершенствования административно-правового статуса несовершеннолетних, а также оптимизации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Исследование юридических проблем защиты прав детей наиболее уместно начинать с рассмотрения административно-правового статуса ребенка, где «пространство личной свободы ограничивается интересами государства, в связи с чем его правовое положение должно быть максимально четко определено, чтобы исключить любое незаконное ограничение или нарушение прав и свобод» [4].

Правовой статус ребенка закреплен в международных нормативно-правовых актах, прежде всего в Конвенции ООН 1989 г. «О правах ребенка» [5], и во внутригосударственном законо-

дательстве, например в Федеральных законах от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [6], от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ [7] «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и др.

Сложность в определении понятия «правовой статус ребенка» заключается в том, что до сих пор в юридической литературе не существует единого мнения о статусе ребенка как особом субъекте. Работы, рассматривающие природу правового статуса ребенка, отличаются односторонностью, без выявления специфики статуса несовершеннолетнего в процессе реализации конкретных правовых отношений. Особенность их прав и обязанностей позволяет говорить о том, что дети обладают специальной правоспособностью по сравнению с совершеннолетними субъектами права. Это объясняется тем обстоятельством, что по достижении установленного законом возраста они могут как приобретать, так и утрачивать отдельные права и обязанности, влияющие на формирование их правового статуса.

Иными словами, наличие возрастных границ является одной из особенностей, присущих правовому статусу ребенка. Вместе с тем возрастное ограничение является достаточно условным, прежде всего в части, касающейся субъективных прав. Психологические и возрастные особенности конкретного несовершеннолетнего могут не соответствовать установленному в законе моменту наступления юридической зрелости. Это обусловлено тем, что этапы и границы детства в значительной степени подвержены социальным изменениям. Подросток может отставать в своем развитии или, наоборот, развиваться быстрее своих сверстников. Установление возрастных границ должно учитывать происходящие в обществе изменения, в том числе и акселерацию молодежи. Устанавливая тот или иной возраст привлечения к административной ответственности, законодатель необходимо принимать во внимание рекомендации медиков, психологов, правоприменительных органов, практику применения конкретных видов ответственности к несовершеннолетним правонарушителям.

Во многих отраслях права (уголовном, гражданском и других), существуют специальные нормы, защищающие несовершеннолетних в подобных ситуациях. В административно-правовом статусе подростка данное положение не закреплено, что представляет собой правовой пробел, требующий законодательного урегулирования. Наступление административной ответственности возможно только для лиц, которые осознают фактический характер своих действий

(бездействия) и понимают их социальное значение. Необходимо законодательно установить единый подход к решению вопроса возрастных ограничений, уровню психофизического и социального развития личности подростка.

Рассматривая административно-правовой статус несовершеннолетних, необходимо остановиться на неотъемлемой его части, а именно — административной ответственности.

В теории административного права существуют различные точки зрения о понятии административной ответственности. Следует согласиться с мнением таких ученых, как Д.Н. Бахрах, Д.П. Звоненко, А.Ю. Малумов, которые понимают под административной ответственностью применение административных санкций за правонарушение [8]. А основной особенностью административной ответственности несовершеннолетних при применении к ним санкций за противоправное поведение является смещение акцента с карательного на воспитательный. С одной стороны, характер и сила воздействия наказания должны быть соразмерны с потребностями административно-юрисдикционной защиты соответствующих нарушенных общественных отношений, а с другой — поощрять процесс изменения поведения, давать возможность несовершеннолетнему почувствовать ответственность за свои поступки и понять, как они отражаются на других. Это обусловлено тем, что поведение подростков, которое не соответствует общепринятым социальным нормам и ценностям, во многих случаях связано с процессом их роста и, как правило, самопроизвольно изменяется по мере взросления.

Таким образом, применяемые к несовершеннолетним административные наказания обладают меньшим объемом степени лишения либо ограничения их прав и свобод. Дети, при прочих равных обстоятельствах, должны нести более мягкую ответственность, чем взрослые в подобных ситуациях.

Е.Ю. Корчагина отмечает ещё ряд особенностей административной ответственности несовершеннолетних, которые, на наш взгляд, объективны:

1) сужение сферы применения административной ответственности, заключающееся в ограничении набора применяемых к несовершеннолетним санкций, то есть невозможность претерпевания ими всех негативных последствий совершенного противоправного поведения. Из предусмотренных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях мер административного воздействия к несовершеннолетним применяются лишь две — административный штраф и предупреждение. Закон не предусмотрел специальных видов административных наказаний,

применяемых исключительно к подросткам, однако существуют определенные особенности применения некоторых из них. Например, штраф назначается как мера наказания при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка либо имущества. При их отсутствии административный штраф взыскивается с родителей. В качестве дополнительной гарантии обеспечения прав несовершеннолетних закон запрещает применять к лицам в возрасте до 18 лет административный арест, исходя из гуманистических соображений, особенностей личностных и психологических характеристик несовершеннолетних;

2) дуалистическую природу юридического факта совершения подростком административного правонарушения, который является самостоятельным основанием для применения к нему принудительных мер воспитательного характера, а также основанием для наложения административной ответственности на родителей либо законных представителей [9], в связи с чем мы можем сделать вывод о необходимости введения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях соответствующей статьи о принудительных мерах воспитательного воздействия, применяемых при освобождении несовершеннолетнего от административной ответственности. Поскольку меры, применяемые к несовершеннолетним, должны преследовать, прежде всего, цель воспитания и исправления подростков, а также предупреждения совершения ими новых административных правонарушений и преступлений.

Говоря о том, что набор применяемых к несовершеннолетним административных санкций узко ограничен, отметим также, что уже неоднократно делались предложения о введении в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях вида наказания, альтернативного штрафу. Так, например, С.Ф. Мазурин высказывался об осуществлении несовершеннолетним общественно полезной работы (на уборке общественных мест, благоустройстве территории) [10]. Введение подобного вида наказания обуславливается материальным положением лиц в возрасте до 18 лет. Как правило, речь идет о подростках из неблагополучных семей, не имеющих работы, учебы, а соответственно, и средств погасить штрафы. Предполагается, что использование именно этих мер воздействия станет действенным средством воспитания уважительного отношения к труду со стороны правонарушителей.

В июне 2012 года Федеральным законом №65-ФЗ [11] в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены изменения, согласно которым административная ответственность дополнена таким видом

наказания, как обязательные работы. Данный вид административных наказаний в нашей стране применяется с 1 января 2013 года.

Обязательные работы заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ (благоустройство территорий, уборка мусора и т. п.). Обязательные работы назначаются исключительно по постановлению судьи и устанавливаются на срок от 20 до 200 ч., а отбываются не более четырех часов в день.

В настоящее время Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает обязательные работы только в санкциях отдельных административных норм, таких как:

1) нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2 КоАП РФ);

2) организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка (ст. 20.2.2 КоАП РФ);

3) блокирование транспортных коммуникаций (ст. 20.18 КоАП РФ).

Являясь новой для российского административного законодательства мерой воздействия, обязательные работы широко используются в других странах. В настоящее время этот вид наказания применяется во Франции, Германии, США, Испании, Польше, Венгрии и иных государствах. В зарубежных странах обязательные работы в основном рассматриваются как наказание, которое назначают за совершение незначительных правонарушений в порядке замены краткосрочного тюремного заключения или денежного штрафа. Это наказание отбывается на бесплатных работах, предоставляемых как государственными учреждениями, так и частными предприятиями и общественными организациями.

Уголовный кодекс Российской Федерации ввел наказание в виде обязательных работ как для взрослых, так и для несовершеннолетних преступников ещё в 1996 году. Но данный вид наказания не действовал до 2006 года по причине отсутствия необходимых условий для его исполнения. Несовершеннолетним в настоящее время обязательные работы в уголовном судопроизводстве назначаются на срок от 40 до 160 часов по месту жительства не более 2-3 часов в день. Как показал опрос сотрудников ПДН территориальных органов МВД России, данная мера уголовного наказания является достаточно эф-

фективной в профилактике преступлений и правонарушений несовершеннолетних. Кто-то из подростков старается больше не нарушать закон, так как в процессе исполнения наказания их ближайшему окружению становится об этой работе известно, чего им не хочется. Других же, наоборот, приглашают в дальнейшем подрабатывать в период летних каникул в организации, где они отбывали наказание, уже с получением заработной платы, что является положительной мотивацией к правомерному поведению.

Можно согласиться с В.К. Дуоным, который определяет карательный элемент содержания данного вида наказания следующими его свойствами:

- 1) обязательность работ, что обеспечивается возможностью государственного принуждения;
- 2) непрестижность работ и невозможность для правонарушителя самому выбрать их вид;
- 3) бесплатность выполняемых работ;
- 4) выполнение работ в свободное от основной работы или учебы время;
- 5) выполнение их по месту жительства правонарушителя, где подросток может быть узан близкими и знакомыми, что во многих случаях усиливает карательное и воспитательное воздействие наказания [12].

В связи с вышесказанным и учитывая, что законодателем не установлены ограничения для применения данной меры наказания к несовершеннолетним, на наш взгляд, представляется необходимым закрепление обязательных работ как вида административных наказаний, применяемого и к несовершеннолетним правонарушителям. Следует только учитывать особенности привлечения подростков к административной ответственности, характер совершенных правонарушений, их общественную опасность и тяжесть последствий, причины и условия, способствующие их совершению, условия семейной жизни и воспитания, окружающую подростка среду, возраст и уровень интеллектуального развития правонарушителя.

Представляется, что данный вид административного наказания можно будет применять к подросткам, достигшим возраста 16 лет, не имеющим работы или учебы, либо учащимся подросткам с перенесением исполнения обязательных работ на летние месяцы и каникулы, что повлияло бы на них только положительным образом. Подобное исполнение наказания (в рассрочку) практикуется уже в других странах. На положительное влияние такого нововведения указывал и М.И. Кольцов.

По его мнению, это возможно по следующим причинам:

- а) исполнение наказания не повлияет на учебу подростка, так как у него не будет возможно-

сти объяснять невыученные уроки работой, а отсутствие на работе — занятиями или мероприятиями в школе;

- б) в летнее время он будет занят и вести противоправный образ жизни ему будет затруднительно;

- в) проблематичными станут определенные виды отдыха (поездки), что станет для несовершеннолетнего своеобразным «дополнительным наказанием»;

- г) ожидание исполнения наказания может быть сдерживающим фактором его противоправного поведения в этот период [13].

Карательный аспект административных санкций, хотя бы и в смягченном виде применяемых к несовершеннолетним, не должен порождать только страх наказания. Он должен оказывать на них полноценное воспитательное воздействие. Использование труда связано с его социальной природой — быть материальной основой воспитания личности. Посредством труда происходит воспитание подростка в духе уважения к интересам общества, развитие трудовых навыков, таких качеств, как дисциплинированность, добросовестность, уважение к Закону.

Подводя итог, следует сказать, что, изучая административно-правовой статус несовершеннолетних, важно понимать, какое место они занимают среди других индивидуальных субъектов правовых отношений. Необходимо учитывать особый характер взаимодействия данной категории граждан с системой органов исполнительной власти и местного самоуправления, что требует, в свою очередь, применения особого порядка административно-правового регулирования их статуса. Участие несовершеннолетних в большом количестве правоотношений обуславливает необходимость более четкого нормативного закрепления их правового статуса, в связи с чем, на наш взгляд, необходимо определить следующие направления совершенствования норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях:

- 1) дополнить соответствующие статьи, касающиеся административной ответственности несовершеннолетних, санкцией в виде обязательных работ;

- 2) дополнить ст. 2.3 «Возраст, по достижении которого наступает ответственность» положением относительно оценки психического состояния несовершеннолетнего, совершившего административное правонарушение, где указать, что лицо, достигшее возраста, предусмотренного данной статьей, но из-за отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения административного правонарушения не могущее в полной мере осознавать фактический характер и обще-

ственную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, не подлежит административной ответственности;

3) разработать и включить в кодекс принудительные меры воспитательного воздействия для несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутко О.В. Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004. — 241 с.

2. Танаева З.Р. Проблемы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс]. — URL: <http://uralraj.ru/> (дата обращения: 17.10.2012).

3. Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2012 году: аналитические материалы. — Москва: ЭПК МВД России, 2013. — 150 с.

4. Черёмухина Ю.А. Административно-правовой статус несовершеннолетних детей как объекта административной опеки. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. — 376 с.

5. О правах ребенка: Конвенция ООН от 20 ноября 1989 г. // ВВС СССР. — 1990. — №45. — Ст. 955.

6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ (с изм. и доп. на 30.12.2012 г.) // СЗ РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3802.

7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ (с изм. и доп. на 30.12.2012 г.) // СЗ РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3177.

8. Административное право России: учебник для вузов / под ред. Д. Н. Бахраха. — М.: Эксмо, 2010. — 318 с.

9. Корчагина Е.Ю. Административно-юрисдикционная деятельность комиссий по делам несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2001. — 23 с.

10. Мазурин С.Ф. Административные правонарушения несовершеннолетних на транспорте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1997. — 19 с.

11. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: Федеральный закон РФ от 8 июня 2012 г. №65-ФЗ // Российская газета. — 2012. — 9 июня.

12. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. — Курск: РОСИ, 2000. — 504 с.

13. Кольцов М.И. Применение наказаний к несовершеннолетним: исторический, современ-

ный российский и зарубежный опыт: монография. — Тамбов: Изд. дом. ТГУ им Г.Р. Державина, 2009. — 170 с.

REFERENCES

1. Butko O.V. Pravovoy status rebenka: teoretiko-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2004. — 241 s.

2. Tanaeva Z.R. Problemyi privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti nesovershennoletnih pravnarushiteley [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://uralraj.ru/> (data obrascheniya: 17.10.2012).

3. Sostoyanie pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii i osnovnyie rezultatyi deyatel'nosti organov vnutrennih del i vnutrennih voysk v 2012 godu: analiticheskie materialy. — Moskva: EPK MVD Rossii, 2013. — 150 s.

4. CherYomuhina Yu.A. Administrativno-pravovoy status nesovershennoletnih detey kak ob'ekta administrativnoy opeki. — Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2004. — 376 s.

5. O pravah rebenka: Konventsia OON ot 20 noyabrya 1989 g. // VVS SSSR. — 1990. — № 45. — St. 955.

6. Ob osnovnyih garantiyah prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyiy zakon RF ot 24 iyulya 1998 g. №124-FZ (s izm. i dop. na 30.12.2012 g.) // SZ RF. — 1998. — № 31. — St. 3802.

7. Ob osnovah sistemyi profilaktiki beznadzornosti i pravnarusheniy nesovershennoletnih: Federalnyiy zakon RF ot 24 iyunya 1999 g. №120-FZ (s izm. i dop. na 30.12.2012 g.) // SZ RF. — 1999. — №26. — St. 3177.

8. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov / pod red. D. N. Bahraha. — M.: Eksmo, 2010. — 318 s.

9. Korchagina E.Yu. Administrativno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost komissiy po delam nesovershennoletnih: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2001. — 23 s.

10. Mazurin S.F. Administrativnyie pravnarusheniya nesovershennoletnih na transporte: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 1997. — 19 s.

11. O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnyih pravnarusheniyah i Federalnyiy zakon «O sobraniyah, mitingah, demonstratsiyah, shestviyah i piketirovaniyah»: Federalnyiy zakon RF ot 8 iyunya 2012 g. №65-FZ // Rossiyskaya gazeta. — 2012. — 9 iyunya.

12. Dyunov V.K. Problemyi ugovnogo nakazaniya v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoy praktike. — Kursk: ROSI, 2000. — 504 s.

13. Koltsov M.I. Primenenie nakazaniy k nesovershennoletnim: istoricheskiy, sovremennyiy rossiyskiy i zarubezhnyiy opyt: monografiya. — Tambov: Izd. dom. TGU im G.R. Derzhavina, 2009. — 170 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Занина Татьяна Митрофановна. Начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473)200-52-90.

Нехорошева София Сергеевна. Адьонкт кафедры административного права и административной деятельности ОВД.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: nehorosheva_ss@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473)200-52-94.

Zanina Tatiana Mitrofanovna. Chief of the chair of administrative law and administrative activity of the Internal Affairs Bodies. Candidate of law, professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel.(473) 200-52-90.

Nekhorosheva Sofia Sergeevna. Post-graduate cadet of the chair of administrative law and administrative activity of the Internal Affairs Bodies.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

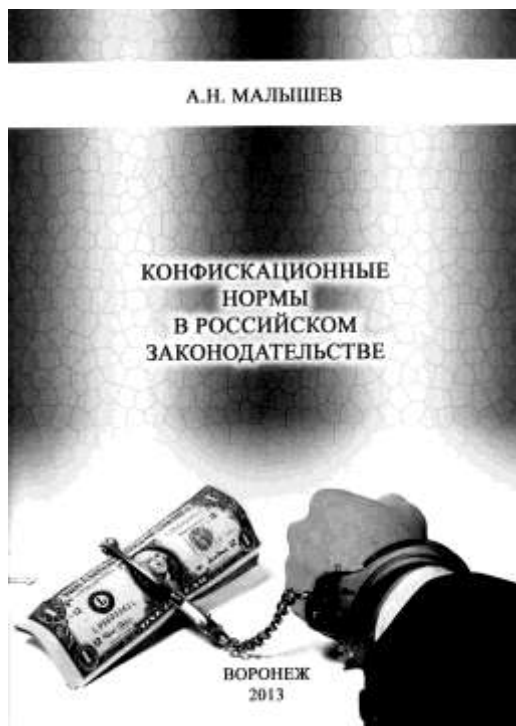
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 200-52-94.

Ключевые слова: административно-правовой статус несовершеннолетних; административная ответственность несовершеннолетних; санкции; обязательные работы.

Key words: administrative and legal status of minors; the administrative responsibility of minors; sanctions; community service.

УДК 342.9

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Малышев А.Н.

Конфискационные нормы в российском законодательстве: монография / А.Н. Малышев; под науч. ред. Ю.В. Трунцевского. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2013. — 88 с.

Монография посвящена исследованию норм о конфискации имущества, определению её сущности и места в системе мер правового воздействия. В работе проведен подробный анализ конфискационных норм не только как меры уголовно-правового характера, но и как самостоятельного межотраслевого правового института. Конфискационные нормы, реализуемые в зарубежном законодательстве и нашедшие отражение в монографии, являются дополнительной иллюстрацией необходимости этих норм в отечественном праве.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, адьонктов, аспирантов, а также научных сотрудников и работников правоохранительных органов.

С.Р. Микаутадзе,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЦЕНТРА ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

USING OPPORTUNITIES DETENTION CENTRES FOR JUVENILE OFFENDERS IN THE IMPLEMENTATION OF PREVENTION OF JUVENILE CRIME

В статье анализируется эффективность осуществления органами внутренних дел работы по предупреждению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования организации профилактической работы, основанной на эффективном взаимодействии центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, а также использовании данными субъектами технологий комплексной, системной профилактики подростковой преступности.

The article analyzes the effectiveness of the implementation of the work of the bodies of internal Affairs of juvenile crime prevention. It is concluded on the need to improve the organization of preventive work with juveniles, based on efficient cooperation of the centers temporary detention with divisions on Affairs of minors of the bodies of internal Affairs, as well as the use of data subjects technologies for complex system of prevention of juvenile crime.

Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей¹ являются одним из субъектов в системе органов внутренних дел, обеспечивающих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Значительная роль в этом направлении деятельности принадлежит инспекциям по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, а также другим органам государственной власти и местного самоуправления, выполняющим функцию профилактики и предупреждения преступного поведения несовершеннолетних. ЦВСНП обеспечивают реализацию данной функции на

этапе помещения несовершеннолетних правонарушителей в данные учреждения по приговору суда, постановлению судьи путем осуществления индивидуальной воспитательной работы и применения мер профилактического воздействия.

Несмотря на многообразие существующих в настоящее время органов, обеспечивающих профилактику противоправного поведения несовершеннолетних, общими целями для них являются предупреждение правонарушений, социальная адаптация несовершеннолетнего, привитие ему нравственных и моральных принципов, обучение правилам человеческого общежития. Единым положительным результатом всей этой работы является отсутствие в будущем проявле-

¹Далее — ЦВСНП.

ний антиобщественного поведения, нарушений правопорядка со стороны несовершеннолетнего, с которым такая работа проводилась ранее. К сожалению, существующая практика свидетельствует о том, что добиться положительного результата удастся далеко не всегда. Несовершеннолетние зачастую не перестают совершать противоправные действия и, к сожалению, повторно совершают преступления, что свидетельствует о существенных проблемах в реализации деятельности субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних, в том числе и ЦВСНП.

Согласно п. 3 ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»², юридическим основанием помещения несовершеннолетних правонарушителей в центры временного содержания являются приговор суда или постановление судьи. Перечень указанных в Законе оснований для помещения в ЦВСНП является исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежит.

Проведенное исследование продемонстрировало, что в большинстве случаев несовершеннолетние направлялись в ЦВСНП по постановлению судьи. Практика помещения в ЦВСНП несовершеннолетних, направляемых по приговору суда в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, является для большинства регионов исключительной.

Еще одним предусмотренным в Законе юридическим основанием помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП является постановление руководителя органа внутренних дел. Несовершеннолетний по данному основанию доставляется в ЦВСНП на срок не более 48 часов, и с момента его помещения начинается срок пребывания в центре. При этом обязательность такого «предварительного» помещения в ЦВСНП для решения вопроса судьей о помещении несовершеннолетнего в центр на полноценный срок до 30 суток законом не предусмотрена. В связи с этим следует сделать вывод, что постановления судей об отказе в удовлетворении ходатайства начальника ОВД по основанию предварительного непомещения несовершеннолетнего в ЦВСНП начальником ОВД необоснованны. Исследованием установлено, что, к сожалению, подобная практика имеет место в Томской области и некоторых других регионах.

Согласно п. 1 ст. 31.1 Закона постановление о помещении несовершеннолетних, указанных в пп. 3 — 6 ч. 2 ст. 22 настоящего Закона, в ЦВСНП вместе с материалами, подтверждающими обоснованность помещения несовершенно-

летних в данные центры, направляется в суд начальником органа внутренних дел или его заместителем по месту задержания несовершеннолетних правонарушителей не позднее чем за 24 часа до истечения срока нахождения несовершеннолетних в центрах временного содержания. Следует отметить, что нарушений сроков направления постановлений вместе с материалами из органов внутренних дел о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП в ходе исследования выявлено не было.

Однако анализ материалов судебного рассмотрения ходатайств из ОВД о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП показал, что в случаях, когда несовершеннолетний не был помещен по постановлению начальника органа внутренних дел в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, материалы начальником ОВД или его заместителем направлялись в суд спустя продолжительное время с момента совершения несовершеннолетним общественно опасного деяния и вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности. Данный временной разрыв ведет к существенному снижению эффективности профилактических мер, применяемых к несовершеннолетнему в центре временного содержания.

Большое практическое значение имеет вопрос о фактических основаниях помещения несовершеннолетних правонарушителей в центры временного содержания. Как показало исследование, именно с этим вопросом связаны самые большие сложности в реализации сотрудниками ОВД положений ст. 22 Закона.

В первую очередь необходимо исходить из того, что помещение несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в ЦВСНП является мерой, направленной на социально-педагогическую реабилитацию, предупреждение повторных правонарушений, и не является ни наказанием, ни мерой государственного принуждения, применяемой в порядке уголовного судопроизводства. Закон предусматривает специальный порядок для разрешения судами отнесенных к их компетенции вопросов в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушения и нуждающихся в профилактическом воздействии со стороны уполномоченных на то органов и должностных лиц.

Следовательно, фактическим основанием помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП выступает не столько совершенное им повторно общественно опасное деяние, сколько собирательная характеристика его личности, а также

² Далее — Закон.

факторы, обуславливающие социальную деформацию личности подростка.

Именно этим следует объяснить закономерную и обоснованную практику судов, которые отказывают в удовлетворении ходатайств о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП по факту совершения им одного или даже повторного общественно опасного деяния при общей удовлетворительной его характеристике из школы, других социальных учреждений, а также характеристике его семьи и условий жизни и воспитания. К сожалению, изучение мнения сотрудников ПДН из 21 региона России дает основания говорить об отсутствии единого понимания представителями этой службы существенной особенности данного участка профилактической работы.

Справедливости ради, следует отметить мнение отдельных специалистов ОВД, которые указывают на отсутствие единства и судебной практики при вынесении решений о направлении подростков в ЦВСНП.

Так, руководитель ЦВСНП ГУ МВД России по Пермскому краю Е. Пахмутова убеждена, что многими судами центр рассматривается как учреждение пенитенциарной системы, что не соответствует действительной цели существования данных учреждений [1]. Начальник ЦВСНП ГУ МВД России по г. Москве Т. Мешкова в одном из своих выступлений указала на то, что в отдельных судах при рассмотрении материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП применяется произвольное толкование норм Закона относительно однократного совершения несовершеннолетним общественно опасного деяния или административного правонарушения. По мнению большинства судей, помещению в ЦВСНП должно предшествовать стабильно противоправное поведение подростка, что не согласуется с положениями статьи 22 названного Закона. Утрачивается смысл данной меры профилактики, так как законодатель предусмотрел помещение несовершеннолетнего в ЦВСНП именно в целях недопущения повторных правонарушений [2].

Обоснованность данных претензий со стороны специалистов ЦВСНП и ПДН неоспорима. Случаи отказа судьями в удовлетворении ходатайств из ОВД о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП по причине отсутствия доказательств их устойчивой антиобщественной направленности установлены и в ходе проведения настоящего исследования.

Следовательно, ходатайство сотрудников ПДН о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП, основанное на доказанности его причастности к совершению общественно опасного

деяния, не обосновывает фактическую необходимость пребывания подростка в данном профилактическом учреждении и требует установления обстоятельств, обуславливающих социальную деформацию несовершеннолетнего, объективную необходимость защиты его жизни, здоровья, а также предупреждения совершения им повторных правонарушений путем проведения с ним индивидуальной профилактической работы методами, практикуемыми специалистами указанных центров.

В соответствии со ст. 31.1 Закона ходатайства начальников (заместителей начальников) ОВД о помещении несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП должны сопровождаться материалами, подтверждающими фактическую обоснованность помещения подростка в данное учреждение, необходимость и практическую целесообразность применения к данному подростку мер воспитательного воздействия. Отсутствие в материалах дел справок и заключений от вышеуказанных субъектов профилактики не дает возможности судье составить полную картину о подростке, степени социальной деформации его личности, существенности условий, оказывающих влияние на его формирование в обществе, характере проведенной с ним профилактической работы, ее достаточности и эффективности. Возможно, что в ряде случаев вместо помещения подростка в ЦВСНП достаточно было бы скорректировать проводимую с ним индивидуальную профилактическую работу и подключить к ней максимальное число субъектов профилактики.

Так, постановлением судьи Октябрьского района г. Липецка 29 апреля 2012 г. отказано в удовлетворении ходатайства о помещении несовершеннолетнего К. в ЦВСНП в связи с тем, что несовершеннолетний К. состоит на учете ПДН непродолжительное время (с 20 марта 2012 г.), проведение профилактической работы с подростком в надлежащем порядке и объеме за такой непродолжительный срок практически невозможно. Учитывая характеризующие данные, возраст К., особенности условий его воспитания, успеваемость в школе, суд посчитал возможным не направлять К. для исправления в ЦВСНП.

Данные обстоятельства дают основания полагать, что между органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в том числе в системе органов внутренних дел, недостаточно отлажены должное взаимодействие и обмен информацией, они не владеют в достаточной степени технологиями комплексной, системной профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Необходимо сделать одну оговорку. Исследованием установлено, что проблемы должного взаимодействия между ПДН и ЦВСНП частично обусловлены в большинстве регионов объективными обстоятельствами, связанными со значительной удаленностью ЦВСНП от отделов полиции в областных округах и районах и, как следствие, невозможностью обеспечения сопровождения материалов и поддержания их в суде специалистами ЦВСНП.

Тем не менее всесторонний анализ обстоятельств ненадлежащего взаимодействия данных служб приводит к заключению о том, что отмеченный организационный аспект лишь частично обосновывает указанную нами в качестве одной из главных проблему единства и системности профилактической работы с несовершеннолетними.

Подтверждает указанный вывод низкое качество подготовки материалов, направляемых в суд для решения вопроса о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП.

Обобщение результатов анкетирования 112 сотрудников ЦВСНП и инспекторов ПДН из 21 региона РФ показало, что на вопрос: «Как часто и по какой причине судьи отказывают в удовлетворении ходатайства руководителя органа внутренних дел или уполномоченного сотрудника органа внутренних дел о помещении несовершеннолетнего правонарушителя в ЦВСНП?» — половина респондентов ответили, что судьи отказывают в удовлетворении такого ходатайства в 75% случаев, мотивируя свое решение:

а) отсутствием в материалах, представленных сотрудниками органа внутренних дел о помещении несовершеннолетнего правонарушителя в ЦВСНП, документов, подтверждающих совершение подростками административных правонарушений, — 15% респондентов;

б) отсутствием или недостаточностью характеризующих материалов на несовершеннолетнего правонарушителя — 35%;

в) недостижением правонарушителем возраста наступления административной ответственности — 10%;

г) отсутствием или недостаточностью в материалах сведений о проведенной профилактической работе — 15%;

д) отсутствием доказательств устойчивой антиобщественной направленности подростка — 12%.

Подтверждают указанный вывод и результаты интервью с судьями. Так, опрошенные указывают на то, что зачастую в материалах, представляемых из ОВД, отсутствуют документы, имеющие существенное значение для решения вопроса о возможности помещения несовершеннолетнего в вышеуказанные учреждения: нет акта жилищно-бытовых условий, нет справки подразделения по делам несовершеннолетних ОВД о проведенной с

несовершеннолетним профилактической работе, отсутствуют характеристики несовершеннолетнего. Недостаточно убедительно в ходатайстве начальника ОВД (и также без документального подтверждения) мотивируется необходимость помещения несовершеннолетнего в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел в целях «предупреждения повторного общественно опасного деяния». Чаще всего в ходатайствах ОВД указывается несколько оснований, например: с целью защиты жизни или здоровья несовершеннолетнего, с целью предотвращения совершения им повторного общественно опасного деяния, с целью установления личности. Часть материалов содержит копии представленных в суд тех или иных документов, не заверенных надлежащим образом.

К выводу о низком качестве материалов, направляемых в суд, привели и результаты непосредственного их изучения.

Так, например, анализ 58 материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП из РОВД г. Воронежа показал, что в нарушение требований п. 2 ст. 31.1 Закона в 35 (60%) из них отсутствовали необходимые данные, свидетельствующие о совершении подростками противоправных деяний, комплексной характеристике их из социальных учреждений, необходимости защиты жизни или здоровья либо предупреждения совершения ими повторного общественно опасного деяния, а также о проведенной с подростками профилактической работе.

В некоторых случаях в материалах не было документов, подтверждающих совершение подростками административных правонарушений до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Отсутствие в материалах указанных данных и сведений влекло принятие судом решения об отказе в удовлетворении ходатайства ОВД о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП.

Подобная негативная практика характерна и для других регионов страны. Так, судом Красноармейского района г. Волгограда 19 апреля 2012 г. отказано в удовлетворении ходатайства о помещении несовершеннолетнего Ф. в ЦВСНП в связи с отсутствием в представленных в суд материалах определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в связи с недостижением возраста, с которого наступает административная ответственность.

Постановлением Ашинского городского суда Челябинской области от 26 июня 2012 г. отказано в удовлетворении ходатайства ОМВД России по Ашинскому району Челябинской области о помещении в ЦВСНП несовершеннолетнего К. Основанием для принятия такого решения послужило отсутствие в материалах сведений о проведенной с подростком профилактической работе.

В связи с отсутствием в представленных в суд материалах сведений, свидетельствующих о необходимости защиты жизни или здоровья либо предупреждения совершения повторного общественно опасного деяния, Карталинским городским судом Челябинской области 5 марта 2012 г. отказано в удовлетворении ходатайств о помещении в ЦВСНП несовершеннолетних К. и Б. По аналогичным основаниям суд Ленинского района г. Магнитогорска отказал в помещении в ЦВСНП двух подростков [3].

Таким образом, исследованием доказано, что некачественно собранный материал может послужить обоснованной причиной отказа в удовлетворении ходатайства о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП.

Другой проблемой, препятствующей обоснованию целесообразности и необходимости помещения несовершеннолетнего правонарушителя в ЦВСНП, является недостаточно качественное поддержание ходатайств сотрудниками ПДН и ЦВСНП в районных судах.

Обращают на себя внимание случаи неподготовленности отдельных представителей подразделений по делам несовершеннолетних в процессе поддержания внесенных начальником ОВД ходатайств. Инспекторы обосновывают ходатайства, опираясь на ранее представленные материалы, зачастую не принимая во внимание те обстоятельства, которые имеют существенное значение для дела на момент рассмотрения его в суде, а именно то, что несовершеннолетний, которого поставили на учет в ПДН, исправил свое поведение; законные представители усилили контроль за ним; условия воспитания и проживания несовершеннолетнего изменились в лучшую сторону и т.д.

Кроме того, исследование подтвердило, что в большинстве случаев рассмотрение материалов в судах происходит без представителей ЦВСНП. Причины их отсутствия различны. Наиболее частые — территориальная отдаленность отдела (отделения) от суда и отсутствие практики совместного поддержания ходатайств при рассмотрении материалов о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП. А ведь именно сотрудник ЦВСНП при личном участии в суде по поддержанию ходатайства может разъяснить, почему такая мера может быть действенной с точки зрения достижения цели профилактики и какие конкретно меры воспитательного характера будут полезны для исправления несовершеннолетнего.

Недопустимым следует признать также отсутствие в суде представителей ПДН. Исследованием установлены и такие случаи. При том, что судьи не препятствуют такому присутствию, данные прецеденты свидетельствуют о незаинтересованности отдельных

сотрудников ОВД в достижении должного результата.

Обобщая выявленные в ходе исследования проблемы, необходимо предложить возможные варианты совершенствования работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, которые могут быть реализованы путем усиления взаимодействия основных ведомственных субъектов профилактики — ПДН и ЦВСНП. Исследование показало, что именно вопросы неэффективной организации взаимодействия выступают в качестве основного препятствия к полноценному использованию потенциала центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в осуществлении системной профилактической работы.

Анализ практики организации работы ПДН и ЦВСНП в Воронежской и некоторых других областях по применению технологий комплексной, системной профилактики правонарушений несовершеннолетних позволяет судить о ней как о заслуживающей внимания и рекомендуемой для использования в практической деятельности органами внутренних дел других субъектов Российской Федерации.

Так, в целях повышения эффективности работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, оказания практической и методической помощи сотрудникам ПДН территориальных органов МВД России на районном (городском) уровне по реализации требований Закона о помещении и содержании несовершеннолетних правонарушителей в центрах временного содержания органов внутренних дел приказом начальника ЦВСНП ГУ МВД России по Воронежской области определены зоны оперативного управления, покрывающие территорию всей Воронежской области, и проведено закрепление сотрудников ЦВСНП за данными зонами.

В приказе определены обязанности сотрудников, среди которых:

- ежемесячно до 25 числа осуществлять сбор прогнозируемых сведений о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП за совершение общественно опасного деяния на предстоящий месяц и контроль исполнения прогноза;
- изучать ходатайства в суд о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП, принимать участие в их доработке, по указанию начальника ЦВСНП осуществлять выезд в командировку для участия в судебном заседании;
- осуществлять сбор и обобщение судебных решений об отказе в удовлетворении ходатайств о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП, подготовку обзоров о характерных недостатках;
- в ходе дежурства в свободное от занятий время осуществлять мониторинг ситуации по профилактике правонарушений несовершеннолетних по закрепленным зонам с выяснением следующих данных:

а) количество несовершеннолетних, поставленных на учет, в том числе:

- за совершение общественно опасного деяния;
- за совершение административного правонарушения;

б) выявлено несовершеннолетних из других регионов, совершивших административное правонарушение, кому и через какое время переданы;

- завести контрольно-наблюдательное дело по закрепленной зоне, в котором аккумулировать:

- сведения о руководстве территориального органа, сотрудниках ПДН с указанием должности, звания, ФИО, номеров рабочего и мобильного телефонов;

- ежемесячные сведения о результатах работы по прилагаемой форме;

- прогноз о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП на предстоящий месяц, рапорт закрепленного сотрудника об исполнении прогноза.

Заслуживает внимания и организация аналитической работы, позволяющей осуществлять ведомственный контроль над профилактикой правонарушений несовершеннолетних, повышением ее эффективности с использованием возможностей ЦВСНП.

Так, в ГУ МВД России по Воронежской области на основании приказа начальника ежемесячно осуществляется сбор из ОМВД сведений о результатах работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних с нарастающим итогом, которые поступают в ЦВСНП для анализа и совершенствования деятельности.

Положительной следует признать также

практику проведения межведомственных ежегодных семинаров-совещаний, посвященных проблемам помещения несовершеннолетних в центр временного содержания, с участием представителей прокуратуры, судов, учреждений социальной защиты семей и несовершеннолетних.

Таким образом, организация профилактической работы с несовершеннолетними, основанная на эффективном взаимодействии между ПДН и ЦВСНП, а также использовании данными субъектами технологий комплексной, системной профилактики правонарушений, способна привести к положительным результатам в направлении достижения цели предупреждения преступности несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хашимова Л.Г. Надзор за исполнением законодательства при помещении несовершеннолетних в центр временного содержания // Законность. — 2013. — № 3. — С. 34—39.
2. www.prokuror.perm.ru
3. www.rg.ru

REFERENCES

1. Hashimova L.G. Nadzor za ispolneniem zakonodatelstva pri pomeschenii nesovershenno-letnih v tsentr vremennogo soderzhaniya // Zakonnost. — 2013. — № 3. — S. 34—39.
2. www.prokuror.perm.ru
3. www.rg.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Микаутадзе Сергей Романович. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Mikautadze Sergey Romanovich. Chief of the chair of criminal process. Candidate of legal sciences.

Voronezh Institute of Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospekt Patriotov, 53.

Ключевые слова: центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; профилактика; предупреждение; преступность несовершеннолетних.

Key words: center of temporary detention of juvenile offenders; prevention; prevention; juvenile delinquency.

УДК 342.9

О.А. Федотова,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

TOPICAL ISSUES OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF THE PERSONS RELEASED FROM PLACES OF IMPRISONMENT

В статье изложено авторское суждение об отдельных вопросах, возникающих у судов и других правоприменительных органов по поводу административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в связи со вступлением в силу Федерального закона от 06.04.2011 г. №64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

In this article the author's judgment about the single questions arising at vessels and other law-enforcement bodies, about administrative supervision of the persons released from places of imprisonment, in connection with the introduction about force of the Federal law of 06.04.2011 №64-FZ "About administrative supervision of the persons released from places of imprisonment".

Федеральный закон от 06.04.2011 г. №64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» вступил в силу с 1 июля 2011 года. Для применения правовых положений указанного закона суду, другим правоприменительным органам надлежит руководствоваться как нормами данного закона, так и Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). Кроме того, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. №22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре» в связи с вопросами, возникающими у судов при рассмотрении дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, даны соответствующие разъяснения, которые необходимо учитывать не только судебным

инстанциям, но и исправительным учреждениям, органам внутренних дел, а также лицам, освобожденным (освобождаемым) из мест лишения свободы, в отношении которых в суд поступило заявление об установлении административного надзора или когда таковой был уже установлен.

Вместе с тем в связи с реализацией положений вышеуказанных нормативных правовых актов, разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ как в теории, так и в правоприменительной практике имеются вопросы, требующие разрешения для надлежащего обеспечения исполнения действующего законодательства об административном надзоре и дальнейшего совершенствования теоретических положений и правовых норм в сфере административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

1. Производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, регламентировано главой 26.2

ГПК РФ, в соответствии с которой заявление об установлении административного надзора подается исправительным учреждением или органом внутренних дел, о продлении административного надзора и о дополнении ранее установленных административных ограничений — органом внутренних дел, о досрочном прекращении и частичной отмене административных ограничений — органом внутренних дел или лицом, в отношении которого установлен административный надзор, либо его представителем.

Учитывая, что производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, регламентировано нормами 26.2 ГПК РФ, суд, рассматривающий соответствующее заявление, должен руководствоваться в первую очередь нормами ГПК РФ, регулирующими порядок гражданского судопроизводства, а значит, исправительное учреждение или орган внутренних дел, подавшие в суд заявление об установлении административного надзора, являются участниками судопроизводства, на которых распространяются правовые положения ГПК РФ. Согласно пункту 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. №22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре» статьей 245 ГПК РФ дела по заявлениям об установлении, о продлении, досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене или дополнении ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений отнесены к делам, возникающим из публичных правоотношений, в связи с чем они подлежат рассмотрению и разрешению на основании статьи 246 ГПК РФ с особенностями, предусмотренными главами 23 и 26.2 ГПК РФ.

Однако такое правовое положение, на наш взгляд, является не совсем удачным и целесообразнее было бы осуществлять производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в рамках административного судопроизводства, на основе не норм КоАП РФ, а положений разрабатываемого административного процессуального законодательства, работа над которым ведется как в органах представительной власти, так и Верховном Суде РФ.

2. В соответствии с частями 2 и 3 статьи 261.5 ГПК РФ по делу об установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, заявление подается в суд по месту нахождения исправительного учреждения, а по делу об административном надзоре в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, — в суд по месту

жительства или пребывания этого лица. Если в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, определить суд, который будет рассматривать заявление об установлении административного надзора, несложно, то в определении суда, который будет рассматривать заявление органа внутренних дел об установлении административного надзора лицу, освобожденному из мест лишения свободы, сложности возникают и связаны они, в первую очередь, с местом нахождения органов внутренних дел.

Так, например, если лицо, освободившееся из мест лишения свободы, имеет на территории одного из районов города Воронежа регистрацию о месте жительства³, а на территории другого района города Воронежа непосредственно, но временно пребывает⁴ [2], то каким (по территориальности) органом внутренних дел и в какой суд должно быть подано заявление об установлении административного надзора в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы? Вправе ли Управление МВД России по г. Воронежу в такой ситуации подать заявление в суд по месту нахождения данного управления? Полагаем, что Управление МВД России по г. Воронежу вправе подать соответствующее заявление в тот суд, юрисдикция которого распространяется на территорию, где непосредственно пребывает лицо, освободившееся из мест лишения свободы.

3. В соответствии со статьей 261.7 ГПК РФ дело об административном надзоре рассматривается и разрешается судьей единолично с обязательным участием лица, в отношении которого подано заявление, а также с участием представителей исправительного учреждения или органа

³ В соответствии с ч. 1 ст. 20 ГК РФ местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает.

⁴ Согласно Закону РФ от 25 июня 1993 г. №5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» место пребывания — это гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристическая база, больница, другое подобное учреждение, а также жилое помещение, не являющееся местом жительства гражданина, в которых он проживает временно; место жительства — это жилой дом, квартира, служебное жилое помещение, специализированные дома (общежитие, гостиница-приют, дом маневренного фонда, специальный дом для одиноких престарелых, дом-интернат для инвалидов, ветеранов и др.), а также иное жилое помещение, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайму), договору аренды либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством РФ (Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 32. — Ст. 1227).

внутренних дел, которыми подано заявление, и прокурора. При этом неявка в судебное заседание заявителя или прокурора, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного заседания, не является препятствием к рассмотрению и разрешению дела. Однако обязанность доказывания обстоятельств по делу об административном надзоре лежит на заявителе.

Как полагает В.В. Аргунов, правило части 2 статьи 261.7 ГПК РФ следует толковать ограничительно и речь должна идти лишь о возможности рассмотрения и разрешения дела при неявке представителей исправительного учреждения или органа внутренних дел, одновременно являющихся и заявителями по делу, а также прокурора. Явку же поднадзорного лица следует признать обязательной во всех случаях рассмотрения дела об административном надзоре [1].

Автор же данной статьи считает что, учитывая положение части 3 статьи 261.7 ГПК РФ о том, что обязанность доказывания обстоятельств по делу об административном надзоре лежит на заявителе, суд должен во всех случаях, когда заявление об установлении административного надзора подается органом внутренних дел или исправительным учреждением, признать обязательной явку представителей исправительного учреждения или органа внутренних дел в судебное заседание.

Данный вывод следует из того, что по общему правилу рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, суд может признать обязательной явку в судебное заседание представителя органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица. В случае неявки указанные лица могут быть подвергнуты штрафу в размере до 1 тысячи рублей (ч. 4 ст. 246 ГПК РФ).

4. В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 06.04.2011 г. №64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» административный надзор устанавливается судом в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления; 2) преступления при рецидиве преступлений; 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, при наличии оснований, предусматривающих, что лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания либо лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную

либо неснятую судимость, совершило в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Как должен поступить суд, когда от органа внутренних дел поступает в суд заявление об установлении административного надзора за лицом, освобожденным из мест лишения свободы, в котором основанием является то, что лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность, но при этом данное лицо в ходе судебного заседания заявляет о том, что материалы об административных правонарушениях были составлены не в отношении него, а в отношении другого лица, которое представилось его именем?

Полагаю, что в данной ситуации суд должен отказать в удовлетворении заявления органа внутренних дел об установлении административного надзора, если заявителем не будут представлены суду доказательства о допустимости и достоверности данных, содержащихся в материалах об административных правонарушениях.

Резюмируя изложенное, надо сказать, что введение административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, является прогрессивной мерой, но в правоприменительной практике возникают вопросы, свидетельствующие о необходимости доработки правовых норм и дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ об их применении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Аргунов [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2012. — 636 с.

REFERENCES

1. Postateyniy kommentariy k Grazhdanskomu protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / A.V. Argunov [i dr.]; pod red. P.V. Krasheninnikova. — M.: Statut, 2012. — 636 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Федотова Ольга Анатольевна. Доцент кафедры теории и истории государства и права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Oliga.Fedotova@yandex.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. 200-52-92.

Fedotova Olga Anatolyevna. Assistant professor of the theory and history of the state and the right chair. Candidate of law, assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

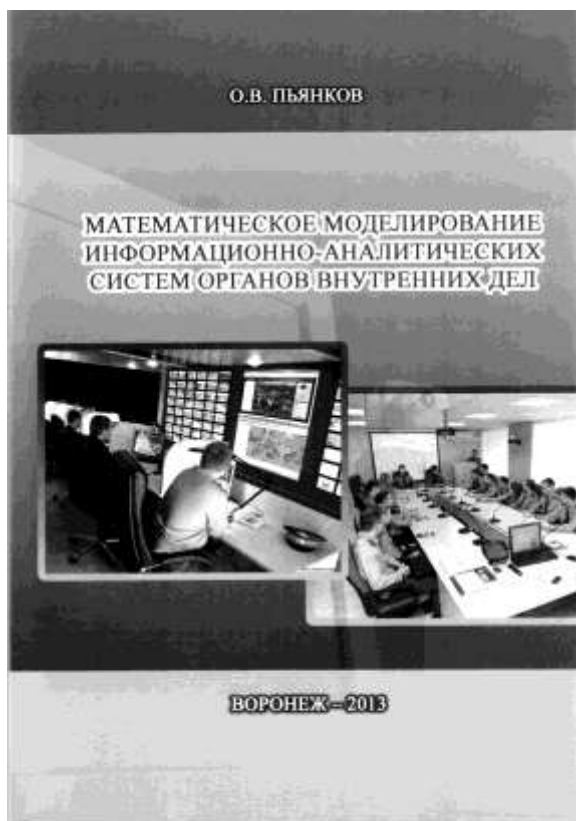
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. 200-52-92.

Ключевые слова: административный надзор; лица; освобожденные из мест лишения свободы; публичные правоотношения.

Key words: administrative supervision; the persons released from places of imprisonment; public legal relationship.

УДК 342

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Пьянков О.В.

Математическое моделирование информационно-аналитических систем органов внутренних дел: монография / О.В. Пьянков. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2013. — 85 с.

Монография содержит результаты исследований по изучению и моделированию информационно-аналитических систем органов внутренних дел. На основе применения теории конфликта, теории массового обслуживания и кластерного анализа рассмотрены различные подходы к моделированию и проектированию информационно-аналитических систем. Монография предназначена для научных сотрудников, преподавателей, адъюнктов, руководящего и начальствующего состава, сотрудников, повышающих квалификацию. Может быть использована для построения оптимальных по структуре и составу информационно-аналитических систем органов внутренних дел.

В.В. Хрулева,
кандидат юридических наук, доцент

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

MORALS AS THE BASIS LAWENFORCEMENT ACTIVITY OF POLICE

Статья раскрывает необходимость высокого уровня нравственности в деятельности полиции по обеспечению прав, свобод и законных интересов личности.

The article opens importance of development of high level of morals in police activity on maintenance laws, freedom and legitimate interests of the person.

Интеграция Российской Федерации в мировое сообщество влечет за собой необходимость приведения отечественного законодательства и правоприменительной практики в соответствие с мировыми социальными и политико-правовыми достижениями. Актуальными становятся проблемы повышения качества жизни общества, соблюдения норм гуманности, в основе которых заложена идея уважительного отношения к человеку. При этом вопросы, связанные с оценкой профессионализма сотрудников полиции, неизбежно переплетаются с повышением роли нравственных начал в их деятельности.

Реализации общепринятых правил поведения, формирующихся в правовом сознании личности, отражает уровень ее нравственно-правового мышления. Основная особенность нравственности заключается в том, что она выражается не только в содержательной стороне деятельности, но и в форме ее осуществления, выполняя важнейшую оценочную роль поведения личности в обществе.

В процессе многочисленных социально-экономических и политических реформ в государстве особое значение приобретают нормы общечеловеческой морали, особенно при кардинальной смене одних ценностных ориентаций другими. Ценности, которые отвергались

ранее, сегодня становятся необходимыми для эффективного решения глобальных задач, которые стоят перед государством. Возникает необходимость повышения роли нравственных начал в деятельности должностных лиц, депутатов, руководителей предприятий, работников средств массовой информации и, в первую очередь, сотрудников правоохранительных органов.

Проведенная в системе МВД реформа показала, что повышение профессионализма полиции, а соответственно, и ее престижа в обществе невозможно без кардинального изменения нравственных основ ее деятельности.

Нравственность является неотъемлемой составляющей общественной жизни и необходимым условием выживания людей, поскольку способствует упорядочению их отношений. Качественное осуществление правоохранительными органами своих функций немыслимо без высокого уровня нравственности сотрудников.

В настоящее время эффективная деятельность полиции составляет одну из важнейших прерогатив процесса совершенствования правовой системы нашего государства и общества в целом. Несмотря на это, процесс формирования высоконравственного полицейского наталкивается на

определенные трудности. Так, начальник ведущего университета в системе МВД России Н.В. Румянцев пишет: «Складывается печальная картина того, что в настоящее время, когда в процессе реформирования системы МВД и необходимости осуществлять свою деятельность при максимальной открытости и публичности, тем не менее, вскрываются неблагоприятные факты, которые носят характер проблемы не узковедомственной, а общей для всего российского общества» [1. — С. 2]. При этом особо отмечается, что полиция, олицетворяющая для граждан закон и защиту, в действительности имеет меньше, чем кто бы то ни был, прав на профессиональные ошибки и нравственные «пробелы» [1. — С. 1].

Понятие нравственности в юридической литературе получило самые разные толкования. Так, часть авторов под нравственностью понимают ту или иную область жизнедеятельности общества и поведения людей, в которой воплощаются идеи справедливости, добра, гуманизма, порядочности, совести и долга [2. — С. 37—38]. Другие определяют ее как совесть конкретного человека, которая основывается на принятии (или непринятии) существующих норм жизни. Она позволяет человеку сохранять свое личное достоинство в тех ситуациях, на разрешение которых не могут повлиять правовые нормы [3. — С. 12]. Поэтому нравственность — это своего рода этическая импровизация, основанная на индивидуальной совести и чувстве собственного достоинства [4. — С. 45]. В толковом словаре С.И. Ожегова нравственность определяется как «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [5].

Исходя из сказанного, понятие нравственности сводится к совокупности норм, представлений, предписаний о добре и зле, должном и недолжном, свободе и ответственности, долге, совести, вине, чести и достоинстве человека. Это социальный способ его существования среди людей [6. — С. 3].

Нравственность применительно к деятельности полиции, по замыслу реформаторов, сводится к тому, что «формируется новое поколение служителей Закона, защитников прав и законных интересов граждан. Полиция должна стать лучше того общества, в котором она существует, подавать пример законопослушного поведения и высокой культуры, служить эталоном профессионализма. В правовом и демократическом обществе структуры, стоящие на страже Закона, должны быть образцом и в морально-нравственном плане. Те есть не плыть в общем потоке социальных проблем и изъевов, прикрываясь общими словами о несовершенстве всего земного, а противостоять социальному злу и

помогать людям, которых они защищают» [1. — С. 2]. Из всех возможных вариантов оказания правовой помощи полицейский должен избирать те, которые в наименьшей степени будут причинять неудобство индивиду. Для такого сотрудника полиции должны быть равны все — и богатые, и бедные, и чиновники, и рядовые граждане.

Федеральный закон «О полиции» [7] нравственные основы ее деятельности как таковые не закрепляет, а как бы предполагает. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8] также прямо не использует понятие «нравственность», но в соответствии со ст. 4 этого закона установлено, что сотрудник органов внутренних дел обязан знать и соблюдать Конституцию РФ, законодательные и иные нормативные правовые акты РФ в сфере внутренних дел, обеспечивать их исполнение; соблюдать при выполнении служебных обязанностей права и законные интересы граждан, общественных объединений и организаций. Знание и соблюдение Конституции уже означает, что сотрудник полиции обязан чтить, уважать и соблюдать закрепленные в ней права и свободы человека и гражданина. Закон также устанавливает, что «при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен: 1) исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют содержание его профессиональной служебной деятельности; 2) заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти» [8].

Следует отметить, что правоохранительная деятельность направлена в первую очередь на обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, которое основывается на таких конституционных принципах, как законность, соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина. Характеризуя эти принципы, следует отметить, что принцип законности заключается в качественном и безусловном исполнении законов и иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность сотрудников ОВД. Принцип уважения и признания прав и свобод человека и гражданина означает, что действия по отношению к

гражданам должны строиться таким образом, чтобы их права и свободы являлись наиболее приоритетными по отношению к другим общественным ценностям.

Однако при достижении служебных целей нередко узко понимаемые потребности профессии берут верх над теми интересами общества и государства, ради которых и формируются правоохранительные органы.

В связи с этим возникает проблема так называемой профессионально-нравственной деформации. Она проявляется в применении для достижения профессиональных целей аморальных средств, отступлении от требований закона, необоснованных ограничениях прав и свобод человека и гражданина.

В литературе отмечается, что аморальность отдельных сотрудников правоохранительных органов вызвана, в первую очередь, негативными явлениями, происходящими в социальной среде [19. — С. 54]. Некоторые сотрудники ОВД в силу своих индивидуальных качеств, нравственных убеждений, моральных устоев, уровня правовой культуры не во всех ситуациях могут противостоять кризисному состоянию общества. Это, соответственно, негативно отражается на эффективности работы по борьбе с противоправными деяниями, понижает престиж органов полиции. Исходя из вышесказанного, можно говорить об искажении профессионально-нравственного сознания сотрудников правоохранительных органов, проявляющемся: во-первых, в отрицании интересов граждан, которое выражается в безразличии к людям, физическом насилии, моральном унижении человека и т.д.; во-вторых, в несоблюдении сроков оформления документов [10. — С. 11], халатности и др.; в-третьих, в потере чувства служебного долга и личной ответственности.

Решению проблемы нравственности должно помочь, в первую очередь, ведомственное образование. Именно высокий уровень образования и культуры способен обеспечить защиту личности от профессиональной деформации.

Реформирование органов внутренних дел, глубокая модернизация структуры правоохранительной системы, соответственно, повлекли определенные изменения и в сфере ведомственного образования. Возникла необходимость в организации подготовки принципиально нового высокопрофессионального ядра полицейских кадров [1. — С. 3].

Совершенствование подготовки специалистов в ведомственных вузах ориентировано, прежде всего, на усиление ее практической направленности и удовлетворение запросов органов внутренних дел в квалифицированных

специалистах, обладающих высокими нравственными качествами.

Факторами, способствующими повышению нравственности, могут послужить и улучшение материального обеспечения сотрудников полиции, и укрепление их социальных гарантий, так как они «позволяют с уверенностью прогнозировать приток и закрепление на службе в органах внутренних дел высококвалифицированных специалистов, формирование стабильного профессионального кадрового состава подразделений МВД России» [1. — С. 3].

Таким образом, для успешной правоохранительной деятельности важно формировать не только прочные мировоззренческие позиции в области права, но и твердые основы высоконравственного поведения полицейского при решении служебных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Румянцев Н.В. Полицейский должен стать эталоном профессионализма и высокой нравственности для общества, которое защищает // Парламент. газ. — 2012. — 11 апр.
2. Синцов Г.В. К вопросу об этическом воспитании юристов современной России // Рос. юстиция. — 2012. — №11. — С. 37—42.
3. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности. — М., 1985. — 64 с.
4. Воскресенская Е.В. Использование философского понятия «нравственность» // Альманах современной науки и образования. — 2009. — №1 (20). — С. 45—49.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд. — М., 1997. — 790 с.
6. Новиков А.С. Актуальные проблемы нравственности // Сборник материалов международной научно-практической конференции 9—16 мая 2009 года. — М.: РИПО ИГУМО и ИТ, 2009. — С. 3—9.
7. О полиции: Федер. закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ (в ред. от 3 марта 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 3 декабря 2012 г., с изменениями, вступившими в силу с 01.09.2013 г.) // Российская газета. — 2011. — 7 нояб.
9. Соловьев В.С. Право и нравственность. — Минск: Харвест, 2001. — 260 с.
10. Желонкин С.С. Недействительность анти-социальных сделок, нарушающих основы правопорядка и нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — СПб., 2011. — 25 с.

REFERENCES

1. Rumyantsev N.V. Politseyskiy dolzhen stat etalonom professionalizma i vyisokoy нравственности dlya obshchestva, kotoroe zaschischaet // Parlament. gaz. — 2012. — 11 apr.
2. Sintsov G.V. K voprosu ob eticheskom vospitanii yuristov sovremennoy Rossii // Ros. yustitsiya. — 2012. — №11. — S. 37—42.
3. Bratus B.S. Nравственное сознание личности. — М., 1985. — 64 s.
4. Voskresenskaya E.V. Ispolzovanie filosofskogo ponyatiya «нравственность» // Almanah sovremennoy nauki i obrazovaniya. — 2009. — №1 (20). — S. 45—49.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkoviy slovar russkogo yazyika. — 4-e izd. — М., 1997. — 790 s.
6. Novikov A.S. Aktualnye problemy нравственности // Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 9—16 maya 2009 goda. — М.: RIPO IGUMO i IT, 2009. — S. 3—9.
7. O politsii: Feder. zakon ot 7 fevralya 2011 g. №3-FZ (v red. ot 3 marta 2012 g.) // Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii. — 2011. — № 7. — St. 900.
8. O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon ot 30 noyabrya 2011 g. № 342-FZ (v red. ot 3 dekabrya 2012 g., s izmeneniyami, vstupivshimi v silu s 01.09.2013 g.) // Rossiyskaya gazeta. — 2011. — 7 noyab.
9. Solovev V.S. Pravo i нравственность. — Minsk: Harvest, 2001. — 260 s.
10. Zhelonkin S.S. Nedeystvitelnost antisotsialnykh sdelok, narushayuschiy osnovy pravoporyadka i нравственности: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — SPb., 2011. — 25 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хрулева Вера Владимировна. Доцент кафедры теории и истории государства и права. Кандидат юридических наук, доцент.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: veramailvm@mail.ru
Россия, 394086, г. Воронеж, пр. Патриотов, 53.

Hruleva Vera Vladimirovna. The senior lecturer of the theory and history of the state and the right chair. Candidate of law, assistant professor.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
The work address: 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 262-33-93.

Ключевые слова: нравственность; полиция; конституция; профессионализм.

Key words: morals; police; the constitution; professionalism.

УДК. 342

К.Д. Рыдченко,
кандидат юридических наук

В.С. Соловьев,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

LEGAL MEASURES AGAINST YOUTH EXTREMISM

В статье рассматриваются проблемы противодействия молодежному экстремизму. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного-правовых и административно-правовых норм об ответственности за экстремистские проявления.

In the article the problems of counteraction to young people extremism are considered. The proposals on improvement of criminal law and administrative law are formulated.

В современной России проблема распространения экстремизма, прежде всего национально-религиозного, выходит на первый план. События, произошедшие в районе Бирюлево-западное г. Москвы, г. Пугачёве Саратовской области, г. Кондопоге республики Карелия, селе Яндыки Астраханской области, и множество других подобных фактов свидетельствуют о том, что межнациональная рознь является преобладающим мотивом правонарушений, совершаемых на фоне массовых беспорядков. По различным оценкам, около 80% участников массовых беспорядков на почве экстремизма — молодежь, при этом около трети — несовершеннолетние [1]. Социологические исследования говорят о том, что 69% населения России считают присутствие мигрантов чрезмерным. Среди качеств, присущих мигрантам, респонденты наиболее часто называют незнание русского языка, трудности в коммуникации, низкую квалификацию при выполнении работы, неопрятный, отталкивающий внешний вид, навязывание, демонстрацию своей культуры и обычаев. Доля испытыва-

ющих раздражение по отношению к представителям других национальностей довольно высока — 68% [2]. Малую эффективность принимаемых в сфере противодействия экстремизму мер подтверждают и правоохранители. Так, лишь 15% опрошенных сотрудников территориальных органов внутренних дел оценивают работу по противодействию распространению сведений экстремистского характера как хорошую, вместе с тем 25% респондентов однозначно указывают на ее неудовлетворительную организацию [3].

Поскольку для распространения материалов экстремистского характера зачастую используются информационно-телекоммуникационные технологии, индикатором актуальности рассматриваемой проблемы может послужить мнение пользователей социальных сетей. В социологических и криминологических исследованиях доказана эффективность и разработана методология опроса пользователей социальных сетей о различных криминальных явлениях [4].

В ходе опроса пользователям предлагалось ответить, встречали ли они лозунги, фотографии,

видеоролики, группы и сообщества экстремистского содержания (унижающие, оскорбляющие или призывающие к насилию в отношении людей по мотивам социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности). В результате были получены следующие данные: 83,3% пользователей встречались с такими материалами, из них 28,6% встречают такие материалы часто, 44% — время от времени, 27,4% — в единичных случаях. Наибольшая интенсивность встреч с материалами экстремистского содержания зафиксирована среди несовершеннолетних респондентов (40% несовершеннолетних пользователей сталкиваются с такими материалами часто).

Криминологическими исследованиями установлено, что распространенными являются проявления экстремизма в форме имплицитной реакции коренного населения (постоянно проживающего на определенной местности) на интенсивную миграцию, на появление конкурирующей рабочей силы, демпингующей на рынке труда за счет более низких ожиданий оплаты труда. Фактически преступления экстремистской направленности представляют собой реакцию коренного населения на наличие в нем «неассоциированных членов». Согласно материалам судебной практики, сегментация общества происходит по наиболее очевидным признакам — внешности и языку, отличных от общераспространенных. Причины негативного отношения со стороны коренного населения России к мигрантам заключаются в том, что они не обладают минимальными знаниями русского языка, не осведомлены о положениях законодательства и не соблюдают элементарные правила поведения [5].

Социологи признают, что в молодежной, особенно подростковой, среде деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, чем у взрослых, основаниям. Большое значение в этом имеют субкультурные факторы. Принадлежность к той или иной субкультуре сопровождается противостоянием культуре традиционной. «Чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие. Не важно, живут ли в другом дворе, приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность. Поэтому социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи [6]. Именно в силу этих причин распространение экстремистских настроений в молодежной среде существенно повышает общественную опасность этого явления и усугубляет социальные последствия.

Перечисленные криминологические особенности экстремистских проявлений в молодежной среде ставят перед государством задачу по разработке эффективных уголовно-правовых и административно-правовых мер противодействия этому негативному социальному явлению. К сожалению, существующие в настоящее время меры, направленные на недопущение распространения сведений экстремистского характера, не в полной мере отвечают социальным реалиям и не способны защитить общество от экстремизма. Не отличается эффективностью и механизм применения этих мер.

Причины подобного положения дел кроются, на наш взгляд, в правоустановительной сфере. Нечеткость определения таких категорий, как «сведения экстремистского характера» и «экстремизм», не позволяет выстроить стройную систему административной и уголовной ответственности, оставляя ее формирование на откуп политической конъюнктуры.

Показательна в этом аспекте деятельность Министерства юстиции Российской Федерации по формированию и ведению Федерального списка экстремистских материалов в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1313 [7]. На момент обращения к интернет-ресурсу, на котором размещен список, большинство включенных в список интернет-сайтов, признанных экстремистскими в соответствии с решением суда, были доступны к открытию: 2102 — www.al-hakk.com (решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 10.07.2013 г.); 2103 — www.kiwi.kz (решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 10.07.2013 г.); 2106 — vdagestan.net (решение Кировского районного суда г. Астрахани от 01.08.2013 г.) и др. Доступны для скачивания аудиофайлы экстремистского содержания, размещенные по адресу poiskm.com/song/144310-Koreyskie-LEDchiki-Rossiya-dlya-churok и признанные экстремистскими в соответствии с решением Кромского районного суда Орловской области от 12.08.2013 г. Доступны к просмотру и видеоматериалы экстремистского содержания, размещенные в социальных сетях. Видеоматериал «Обращение муджахидов, участвующих в Джихаде в Афганистане 1432-2011!», размещенный в социальной сети «ВКонтакте» и признанный экстремистским в соответствии с решением Советского районного суда г. Краснодара от 17.06.2013 г., доступен как по адресу, указанному в приговоре (<http://vkontakte.ru/>)

video99783527_159760230), так и по другим адресам в социальной сети. То есть фактически сегодня федеральный список экстремистских материалов — это своего рода библиотека сведений экстремистского характера, доступных для ознакомления. Не вызывает сомнений, что в таком виде от исследуемого интернет-ресурса Министерства юстиции Российской Федерации исходит больше вреда, нежели пользы.

Еще одной проблемой правоприменения в рассматриваемой сфере является привлечение лиц к ответственности за совершение действий и распространение материалов, очень отдаленно напоминающих экстремистские. Примером могут послужить действия Георгиевского межрайонного прокурора Ставропольского края, вынесшего предупреждение в адрес главного редактора газеты «Георгиевская ТВ неделя» о недопустимости публикации сведений экстремистского характера. Поводом для вынесения предупреждения послужила публикация в газете рекламного объявления следующего содержания: «Сдам. Комната в ч/доме, в/у, въезд, русским, 1-2 чел., на длительный срок, с. Краснокумское, т. 4-86-71». Георгиевский межрайонный прокурор полагает, что авторы указанного объявления публично заявили о своем намерении предоставить жилые помещения по договору найма лицам только определенной национальности, отказывая в этом всем остальным, то есть стали осуществлять действия, способные в будущем привести к нарушению прав и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его национальной принадлежности. В результате данных действий создаются условия для фактической дискриминации граждан по национальному признаку в дальнейшем. Решением Георгиевского городского суда Ставропольского края предупреждение было признано незаконным [8]. Интересно было бы узнать позицию прокурора относительно наличия признаков экстремизма в объявлениях о знакомствах с лицами определенного пола или возраста, о наборе для обучения в духовные семинарии или другие религиозные учебные заведения и т.д.

Приведенная ситуация стала возможной в силу крайней размытости и необъяснимой широты определения экстремистской деятельности (экстремизма), содержащегося в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Фактически любое высказывание, затрагивающее хотя бы одну из личностных характеристик человека (либо одну из характеристик социальной группы) как в отрицательном, так и в положительном контексте, может быть

признано экстремистским. Более того, экстремистскими признаются и лозунги, не затрагивающие характеристик людей. Примером может послужить обвинительный приговор Головинского районного суда г. Москвы по ст. 282 УК РФ в отношении гражданина, разместившего в социальной сети лозунг «Свободу не дают — свободу берут» [9]. Анализируя приведенные выше прецеденты, можно прийти к выводу о том, что законодатель при конструировании запретительных норм (а именно такой характер носит большинство норм Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Особенной части УК РФ) допускает возможность слишком широкой их трактовки.

Серьезные проблемы заложены уже в самих нормах уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности.

Во-первых, вопросы вызывает сама формулировка, используемая законодателем. В примечании 2 к ст. 282¹ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ. Верховный Суд, конкретизируя положения уголовного законодательства, в п. 2 Постановления Пленума от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» приводит в качестве примеров преступлений экстремистской направленности деяния, предусмотренные статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, пунктом «л» части 2 статьи 105, пунктом «е» части 2 статьи 111, пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ.

Более того, в п. 8 того же постановления указано, что преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. Однако преступления, предусмотренные статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, могут совершаться не только по «экстремистским» мотивам. Вполне возможно совершение этих преступлений с корыстным мотивом, например, в случаях, когда лицо за материальное вознаграждение участвует в экстремистском сообще-

стве либо совершает действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. В таких случаях закон делает невозможным отнесение преступлений, предусмотренных статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, к экстремистским.

Во-вторых, это бессистемность формирования квалифицирующих и криминообразующих признаков преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В ст. 213 УК РФ названный мотив преступления является криминообразующим признаком, еще в десяти составах — квалифицирующим (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, ч. 2 ст. 119 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК).

Все остальные преступления, совершенные по «экстремистским» мотивам, влекут применение п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Не вполне ясна логика законодателя, сделавшего выбор «в пользу» перечисленных составов преступлений. Вполне возможно, например, доведение лица до самоубийства путем систематического унижения человеческого достоинства по мотиву национальной или религиозной ненависти или вражды. В таком случае в действиях виновного усматривается преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ с отягчающим обстоятельством, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. При этом максимальный срок наказания за совершенное преступление не должен превышать пяти лет лишения свободы. В то же время умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, квалифицируется по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, в санкции которой в качестве максимального размера наказания предусмотрены все те же пять лет лишения свободы.

Также весьма нелогичным выглядит усиление уголовной ответственности за осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (ст. 214 УК РФ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК

РФ), совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, при одновременном игнорировании возможности уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) по тем же мотивам.

Возможны два пути выхода из сложившейся ситуации. Первый — конкретизация перечня преступлений экстремистской направленности, то есть определение закрытого перечня общественно опасных деяний, ответственность за которые необходимо усиливать в связи с совершением по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, и исключение из УК РФ п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Второй — исключение из всех составов криминообразующих и квалифицирующих признаков, связанных с совершением деяний по «экстремистским» мотивам и использование только отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Сравнивая ст.ст. 148 и 282 УК РФ, можно увидеть, что ст. 282 предусматривает ответственность за унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, в то время как ст. 148 устанавливает преступность и наказуемость унижения достоинства человека либо группы лиц только по признаку отношения к религии. Таким образом, ст. 148 УК РФ является по отношению к ст. 282 УК РФ специальной нормой. Ч. 3 ст. 17 УК РФ указывает на то, что, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Таким образом, при конкуренции ст. 148 УК РФ и ст. 282 УК РФ должна применяться первая. Сравним санкции двух исследуемых норм: санкция ч. 1 ст. 148 УК РФ в качестве максимального наказания предусматривает лишение свободы на срок до одного года, в то время как санкция ч. 1 ст. 282 УК РФ — лишение свободы на срок до двух лет. Таким образом, принятие Федерального закона от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [10] фактиче-

ски смягчило ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях унижения чести и достоинства лиц, придерживающихся определенных религиозных убеждений.

Аналогичные вопросы вызывает разграничение рассмотренных преступлений и преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, то есть хулиганства, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В уголовно-правовых исследованиях религиозная ненависть определяется как стойкое отрицательное чувство, испытываемое к определенным группам [11], внутреннее осознанное побуждение, выражающее сильную неприязнь к лицам, исповедующим иную религию, не исповедующим никакой религии [12]. Стойкие отрицательные чувства или неприязнь к лицам по признаку отношения к религии вполне возможно выражать в виде оскорбления. В то же время публичное унижение чести и достоинства лиц, придерживающихся определенных религиозных убеждений, не может не нарушать общественный порядок и не выражать явное неуважение к обществу, отсюда вполне допустима квалификация такого деяния по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

В настоящее время ст. 148 УК РФ предусмотрена ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Ст. 5.61 КоАП РФ определяет оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Таким образом, виновный в совершении преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, должен совершить публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях унижения чести и достоинства верующих, то есть лиц, придерживающихся определенных религиозных убеждений. В то же время ст. 282 УК РФ устанавливает ответственность за совершение действий, направленных на унижение достоинства человека по признаку отношения к религии. Очевидно, что деяние подпадает одновременно под действие двух норм УК РФ.

Не отличается совершенством и административно-деликтное законодательство, обеспечивающее запрет экстремистских действий, в том числе оборот информации экстремистского характера. С определенной долей условности административные правонарушения в рассматриваемой сфере можно разделив на две группы:

1) правонарушения, объективная сторона состава которых заключается в осуществлении действий экстремистского характера;

2) правонарушения, реализация объективной стороны составов которых потенциально может повлечь распространение информации экстремистского характера или способствует распространению таковой.

К первой группе следует отнести правонарушения, предусмотренные следующими статьями КоАП РФ: статьей 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях»; статьей 5.62 «Дискриминация»; статьей 13.11.1 «Распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера»; статьей 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики»; статьей 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов».

Ко второй — правонарушения, предусмотренные следующими нормами КоАП РФ: статьей 5.8 «Нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях», статьей 5.12 «Изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах», частью 2 статьи 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации»; статьей 13.21 «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации»; статьей 17.10 «Незаконные действия по отношению к государственным символам РФ»; статьей 20.28 «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности».

Изучение содержания составов этих административных правонарушений указывает на определенный дисбаланс правовой защиты, при которой охране права на свободу совести и свободу вероисповедания уделяется приоритетное внимание. Вместе с тем статья 19 Конституции России декларирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоя-

тельств. Логично предположить, что по общему правилу дискриминационные проявления на основе указанных социальных критериев должны иметь симметричную правовую защиту, однако это не так. В частности, статья 5.26 КоАП РФ и статья 148 УК РФ обеспечивают правовую защиту от экстремистских проявлений религиозного характера. Сложившееся положение вещей, на наш взгляд, обусловлено чрезвычайной политизированностью процесса деликтного нормотворчества, исходящего не из интересов формирования сбалансированной системы законодательства, а из необходимости урегулировать единичный прецедент, вызвавший широкий общественный резонанс. Данные негативные тенденции следует преодолеть.

Во-первых, внесенные Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» дополнения следует признать недостаточно проработанными. Действуя в режиме исполнения общественно-политического заказа, законодатель не обратил внимания на тот факт, что дополнение статьи 148 УК РФ частями 1 и 2, предусматривающими ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, *de-facto* является пересмотром общественной опасности административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях». В результате часть 2 данной статьи, предусматривающая ответственность за оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики, вообще не может быть применена в связи с доминантой уголовного законодательства над административным. Следует устранить выявленную коллизию, исключив из статьи 5.26 КоАП РФ часть 2 и дополнив диспозицию части 1 статьи фразой «, если такое деяние не влечет уголовной ответственности».

Во-вторых, считаем возможным провести градацию дискриминационных действий в рассматриваемой сфере на основе способа распространения информации об экстремистской деятельности. Вряд ли так называемый «панк-молебен» группы «Pussy Riot» вызвал бы столь широкий резонанс, если бы его фрагменты не транслировались средствами массовой информации и коммуникации. Взяв за основу юридико-

лексическую форму диспозиции статьи 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», нами предлагается разграничить «простое публичное действие» и «публичное действие с использованием средств массовой информации и коммуникации». Во втором случае состав административного правонарушения или преступления экстремистского характера должен быть квалифицированным и предусматривать более суровое наказание.

В-третьих, для более эффективной профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде следует установить механизм раннего выявления и пресечения соответствующих правонарушений. В частности, статьи 280 и 282 УК РФ в качестве обязательного признака предусматривают публичность распространения экстремистской информации, что позволяет расширить административно-правовую сферу защиты, распространив ее на случаи персонального возбуждения ненависти либо вражды по какому-либо социальному признаку, а также случаи непубличных призывов к осуществлению экстремистской деятельности.

В-четвертых, как и преступления, многие административные правонарушения могут быть совершены по дискриминационным мотивам. Однако часть 1 статьи 4.3 КоАП РФ не относит такой мотив к обстоятельствам, отягчающими административную ответственность. Используя аналогию права, считаем необходимым дополнить часть 1 статьи 4.3 КоАП РФ пунктом 7 в следующей редакции «7) совершение административного правонарушения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать существенные проблемы при установлении и реализации правовых мер противодействия экстремизму. Предложенные нами дополнения и поправки законодательных актов не претендуют на всеобъемлющий охват проблемы административно-правовой и уголовно-правовой борьбы с дискриминацией, имея целью оперативную корректировку базовых составов правонарушений. Их реализация, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде, однако для выработки стратегии осуществления этой деятельности необходима масштабная правовая ревизия действующих норм КоАП РФ и УК РФ,

использование единого терминологического аппарата и единого объектового охвата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — №1. — С. 27 — 35.
2. Отношение к мигрантам: исследование Левада-Центра [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam> (дата обращения: 11.07.13).
3. Рыдченко К.Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2011. — С. 288.
4. Соловьев В.С. Отношение пользователей социальных сетей к проблеме коммерческих сексуальных услуг // Социологические исследования. — 2012. — №9. — С. 113—115.
5. Халлиулина Л.И. Экстремизм. Обзор судебной практики за последние годы [Электронный ресурс]. — URL: <http://rospravosudie.com/society/extremizm> (дата обращения: 1.10.2013).
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. — 2008. — №5. — С. 37—46.
7. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. — URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials?search=&page=10> (дата обращения: 1.10.2013).
8. Решение по делу №2-112/2012 // Архив Георгиевского городского суда Ставропольского края за 2012 год.
9. Официальный Интернет-сайт Прокуратуры г. Москвы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mosproc.ru> (дата обращения: 1.10.2013).
10. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федер. закон от 29 июня 2013 г. №136-ФЗ // Рос. газета. — 2013. — 2 июля.
11. Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 27 с.
12. Минекаева А.Ф. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспек-

ты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2005. — 24 с.

REFERENCES

1. Merkurev V.V., Agapov P.V. Kriminologicheskaya harakteristika prestupnosti, svyazannoy s organizatsiey ekstremistskogo soobshchestva // Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2013. — №1. — S. 27 — 35.
2. Otnoshenie k migrantam: issledovanie Levada-Tsentra [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam> (data obrascheniya: 11.07.13).
3. Ryidchenko K.D. Administrativno-pravovoe obespechenie informatsionno-psihologicheskoy bezopasnosti organami vnutrennih del Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Voronezh, 2011. — S. 288.
4. Solovev V.S. Otnoshenie polzovateley sotsialnyih setey k probleme kommercheskih seksualnyih uslug // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2012. — №9. — S. 113—115.
5. Halliulina L.I. Ekstremizm. Obzor su-debnoy praktiki za poslednie godyi [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://rospravosudie.com/society/extremizm> (data obrascheniya: 1.10.2013).
6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyy ekstremizm: suschnost i osobennosti proyavleniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2008. — №5. — S. 37—46.
7. Federalnyiy spisok ekstremistskih materialov [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials?search=&page=10> (data obrascheniya: 1.10.2013).
8. Reshenie po delu №2-112/2012 // Arhiv Georgievskogo gorodskogo suda Stavropolskogo kraia za 2012 god.
9. Ofitsialnyiy Internet-sayt Prokuraturyi g. Moskvyi [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.mosproc.ru> (data obrascheniya: 1.10.2013).
10. O vnesenii izmeneniy v statyu 148 Ugolovnogo kodeksa RF i otdelnyie zakonodatelnyie aktyi RF v tselyah protivodeystviya oskorbleniyu religi-oznyih ubezhdeniy i chuvstv grazhdan: Feder. zakon ot 29 iyunya 2013 g. №136-FZ // Ros. gazeta. — 2013. — 2 iyulya.
11. Kunashev A.A. Motivyi nenavisti ili vrazhdy v ugolovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2011. — 27 s.
12. Minekaeva A.F. Religioznaya nenavist ili vrazhda kak motiv soversheniya prestupleniya: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskij aspekti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan, 2005. — 24 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыдченко Кирилл Дмитриевич. Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: rkd7@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-52-93.

Соловьев Владислав Сергеевич. Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vladsolovyev@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-39.

Rydchenko Kirill Dmitrievich. Lecturer of the the chair of administrative law and administrative activities of Interior organs. Candidate of law.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 200-52-93.

Solovyev Vladislav Sergeevich. Lecturer of the chair of criminal law and criminology. Candidate of law.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 200-53-39.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистские материалы; возбуждение ненависти или вражды; оскорбление религиозных чувств.

Key words: extremism; extremist materials; hatred or enmity inciting; religious feelings insulting.

УДК 343.4

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Климов А.И.

Антенно-фидерные устройства: учебное пособие / А.И. Климов. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2012. — 260 с.

В пособии рассмотрены основы теории и техники антенн различных диапазонов частот. Приведены общие сведения о характеристиках и параметрах антенн в режимах излучения и приема. Рассмотрены основные типы антенн, антенных решеток, их конструкции и характеристики.

Учебное пособие предназначено для курсантов радиотехнического факультета, а также слушателей факультета дополнительного профессионального образования.

М.Н. Шишкина,
*Генеральная прокуратура
Российской Федерации*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

CRIMINAL AND PROCEDURAL VALUE OF REASONABLE TERM OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

Статья посвящена определению теоретической и практической значимости принципа разумного срока в уголовном судопроизводстве.

Article is devoted to determination of the theoretical and practical importance of reasonable term of criminal legal proceedings.

Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»» в систему принципов уголовного судопроизводства, закрепленную в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, законодателем введен новый принцип — разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6-1 УПК РФ). Впервые с момента принятия УПК РФ в 2001 г. юридическая новелла коснулась принципа уголовного судопроизводства, то есть положения, на котором построен и функционирует уголовный процесс.

Введение принципа разумного срока уголовного судопроизводства было обусловлено рядом объективных факторов, прежде всего необходимостью повышения уровня процессуальных гарантий, обеспечивающих право участников уголовного процесса на осуществление судопроизводства без необоснованных задержек, и выполнения положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющих право на судопроизводство в разумный срок.

Закрепление в УПК РФ разумного срока уголовного судопроизводства в качестве принципа обусловило необходимость научного осмысления как содержания самого принципа, так и норм уголовно-процессуального закона, связанных с осуществлением производства по уголовным делам без необоснованных задержек. Кроме того, в научном осмыслении нуждаются нормы УПК РФ, закрепленные одновременно с указанным принципом в целях его конкретизации и реализации в судебной и следственной практике. Серьезного научного анализа требуют и положения принятого в это же время Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Закрепление нормативных положений, касающихся рассматриваемого принципа, привлекло внимание исследователей в области уголовного процесса, при этом ими высказываются неоднозначные, зачастую противоположные мнения.

Так, по обоснованному замечанию О.Я. Баева, подвергнувшего научному анализу ст. 6-1 УПК РФ, представляется некорректным совершенно недвусмысленное сведение законодателем сущности всего уголовного судопроизводства лишь к осуществляемому в его рамках уголовному пре-

следованию конкретного лица (его прекращению) или назначению этому лицу наказания [1. — С. 35; 2. — С. 64].

Однако вызывает сомнения последующий вывод ученого о том, что норму уголовно-процессуального закона о разумности сроков уголовного судопроизводства, нисколько не сомневаясь в ее уместности и необходимости, более корректно следует именовать «разумные сроки уголовного преследования и назначения наказания» [1. — С. 38; 2. — С. 66].

На наш взгляд, указанное мнение во многом основано на редакциях ч. 2 и ч. 3 ст. 6-1 УПК РФ. В части второй указанной нормы закреплено положение о допустимости продления сроков, установленных в УПК, при условии, что уголовное преследование должно осуществляться в разумный срок. Согласно ч. 3 разумный срок уголовного судопроизводства включает в себя период с момента начала уголовного преследования до момента его прекращения или вынесения обвинительного приговора.

Соблюдение принципа разумности сроков необходимо не только в ходе уголовного преследования, но и других составляющих уголовного судопроизводства.

Значительное число нарушений принципа разумности сроков уголовного судопроизводства происходит в ходе проверки сообщения о преступлении, во время которой не существует процессуальной фигуры ни подозреваемого, ни обвиняемого, а также в ходе производства по уголовному делу до признания конкретных лиц подозреваемыми либо обвиняемыми. Не случайно в п. 1.2 приказа Генерального прокурора РФ от 12 июня 2010 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» указывается, что следует обращать особое внимание на соблюдение процессуальных сроков проведения доследственных проверок, законность и обоснованность их продления.

Уголовное преследование — официальная деятельность стороны обвинения, действующей в рамках УПК РФ, по избличению строго определенных лиц — подозреваемых или обвиняемых, которые знают, в чем они подозреваются либо обвиняются (т.е. знают, что в отношении них осуществляется процесс избличения в определенных преступлениях). Указанные процессуальные фигуры имеют право и возможность опровергать доводы и действия избличающей стороны, используя процессуальные возможности, предусмотренные ст. ст. 46, 47 УПК РФ.

На стадиях доследственной проверки и в период до появления по возбужденному уголовному

делу подозреваемого или обвиняемого также не существует такой процессуальной фигуры, как защитник, который согласно ч. 1 ст. 49 является лицом, осуществляющим в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающим им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Отметим также, что значительное число нарушений принципа разумности сроков уголовного судопроизводства осуществляется в ходе судебной деятельности, в частности в ходе судебного разбирательства. Причем немало таких нарушений происходит вследствие ненадлежащих действий представителей судебной власти, которые уголовное преследование не осуществляют.

Напомним, что в соответствии с ч. 3 ст. 19 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Отметим также, что в п. 3 ст. 5 и п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляется право каждого задержанного, арестованного, а также любого лица, которому предъявлено уголовное обвинение, именно на судебное разбирательство в течение разумного срока.

Таким образом, следует констатировать наличие коллизии между наименованием статьи 6-1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» и частями второй и третьей указанной статьи в использовании термина «уголовное преследование». Более корректно при определении разумного срока использовать термин «уголовное судопроизводство».

Несомненный теоретический и практический интерес представляет вопрос о субъектах, которые определяют разумность сроков уголовного судопроизводства. Такими субъектами, по нашему мнению, являются: 1) законодатель; 2) правоприменители. Дифференциация субъектов осуществляется нами в зависимости от объема полномочий и сферы деятельности субъектов в области уголовно-процессуального права.

Законодатель действует на нормативно-правовом уровне и устанавливает общеобязательные нормативные предписания. Выделяются законодатели, действующие на международном уровне, и национальные законодатели, которые разрабатывают уголовно-процессуальное законодательство с учетом специфики конкретного государства.

Нормативные предписания, касающиеся разумных сроков уголовного судопроизводства, содержатся в Международном пакте о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Отечественный законодатель на нормативном уровне: 1) закрепляет разумность срока уголовного судопроизводства как принцип отечественного уголовного судопроизводства (ст. 6-1 УПК РФ); 2) определяет общие критерии разумности срока уголовного судопроизводства; 3) определяет момент начала и прекращения разумного срока; 4) определяет процессуальный режим подачи и рассмотрения заявлений и жалоб заинтересованных лиц на нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства; 5) устанавливает пределы сроков стадий (периодов) уголовного судопроизводства и отдельных процессуальных действий и решений, продолжительность мер процессуального принуждения, а также возможность и пределы продления указанных сроков.

Отметим, что нарушение установленных в УПК РФ сроков проведения отдельных периодов уголовного судопроизводства, и тем более отдельных процессуальных действий, как правило, само по себе не может расцениваться как нарушение разумного срока уголовного судопроизводства в целом. Указанные нарушения процессуальных сроков следует оценивать с учетом того, привели ли они к нарушению разумного срока уголовного судопроизводства по делу в совокупности с иными нарушениями и со всеми факторами, определяющими продолжительность уголовного судопроизводства в каждом конкретном случае.

Принципиальным является вопрос: разумны или нет сроки, уже имеющиеся в российском уголовно-процессуальном законодательстве?

На наш взгляд, необходимо иметь в виду, что законодатель в нормах УПК РФ не устанавливает процессуальные сроки в строгом смысле этого понятия, а устанавливает пределы этих сроков. Как обоснованно отметил Европейский Суд по делу Броугана и других против Соединенного Королевства (1988 г.), вопрос состоит в том, какие пределы допустимы. Очевидно, что приемлемый срок не может быть одинаковым для всех дел, и было бы неестественно устанавливать один срок в конкретном числовом выражении для всех случаев.

Как показывает изучение УПК РФ, в подавляющем большинстве случаев законодатель устанавливает верхние пределы процессуальных сроков, которые условно можно именовать «запретительными», т.е. по их истечении принятие определенных процессуальных решений, мер процессуального принуждения и проведение определенных процессуальных действий признается недопустимым. Как показывают результаты обобщения, нормы, в которых содержатся запретительные процессуальные сроки, составляют свыше 90% от общего числа норм УПК, содержащих процессуальные сроки.

Гораздо реже в УПК РФ законодатель устанавливает пределы процессуальных сроков, которые

являются «разрешительными». Имеются в виду сроки, после наступления верхнего предела которых субъект, осуществляющий уголовное судопроизводство, приобретает право принять определенное решение или совершить определенное процессуальное действие. Как показывает изучение массива уголовных дел, нарушения пределов разрешительных процессуальных сроков в силу их кратковременности не оказывают значительного воздействия на срок осуществления уголовного судопроизводства по конкретным уголовным делам.

Для целей настоящей статьи важным является следующий тезис. Нормативные пределы запретительных сроков могут не быть превышены в ходе уголовного судопроизводства по конкретному делу, но сроки осуществления конкретных процессуальных действий, применения мер процессуального принуждения могут являться неразумными, хотя нарушения разумного срока уголовного судопроизводства в целом в таких случаях не происходит.

Например, срок предварительного следствия по конкретному делу превышен не был, период содержания под стражей обвиняемого при расследовании преступления не превысил 2-х месяцев, однако треть этого срока обвиняемый содержался под стражей при наличии оснований для отмены меры пресечения. Подчеркнем, что, хотя срок уголовного судопроизводства в целом в таких случаях не может быть признан неразумным, лицо, избравшее меру пресечения в виде заключения под стражу и не отменившее ее при наличии оснований, не должно освобождаться от ответственности за нарушение срока содержания под стражей.

Результаты обобщения судебной практики свидетельствуют о том, что наиболее часто нарушение разумного срока уголовного судопроизводства в целом связано с нарушением сроков содержания под стражей, а именно — их необоснованным продлением.

Важность решений о продлении процессуальных сроков дает основание некоторым авторам говорить о том, что вопрос следует ставить не в плоскости определения разумности процессуальных сроков, а в плоскости оценки разумности их продления (даже при легитимных возможностях для этого). Думается, приведенное мнение излишне категорично. Процессуальные решения о продлении процессуальных сроков (так же, как и сами процессуальные сроки) должны быть разумными, но не с точки зрения их продолжительности, а с точки зрения законности и обоснованности.

Повышенная значимость продления срока содержания под стражей, по нашему мнению, должна получить законодательное отражение. Думается, уместной в связи с этим является корректировка ч. 2 ст. 6-1 УПК РФ, в которой идет речь о продлении процессуальных сроков.

Нами предлагается следующая редакция ч. 2 ст. 6-1 УПК РФ: «Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим кодексом. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим кодексом. Продление срока содержания под стражей допускается лишь при наличии исключительных обстоятельств, определяемых с учетом критериев, указанных в ч. 3 настоящей статьи и выработанных правоприменительной практикой Европейского Суда по правам человека».

Суммируя приведенные положения, сделаем вывод о том, что действующая формулировка ч. 1 ст. 6-1 УПК РФ нуждается в корректировке. В настоящее время в ней констатируется лишь то, что уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Данная формулировка страдает неопределенностью и расплывчатостью. Уголовное судопроизводство не осуществляется само по себе, самопроизвольно, его осуществляют наделенные УПК РФ специальными полномочиями должностные лица и органы. В законе следовало бы обозначить субъектов уголовного судопроизводства.

Кроме того, с целью конкретизации направленности данной нормы следовало бы предусмотреть в ней указание на обязанность определенных субъектов — должностных лиц и органов — осуществлять уголовное судопроизводство в разумный срок. Такое изменение способствовало бы повышению уровня ответственности этих субъектов за то, чтобы уголовное судопроизводство по конкретным делам осуществлялось в разумный срок.

С учетом вышесказанного предлагается изложить ч. 1 ст. 6-1 УПК РФ следующим образом: «Суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, начальник подразделения дознания, орган дознания и дознаватель обязаны осуществлять уголовное судопроизводство в разумный срок».

ЛИТЕРАТУРА

1. Баев О.Я. Разумный срок уголовного судопроизводства // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 13. — Воронеж, 2011. — С. 35.
2. Баев О.Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. — М., 2012. — С. 64.
3. Рябцева Е.В. Разумный срок уголовного судопроизводства: анализ судебной практики России и Европейского Суда по правам человека // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 13. — Воронеж, 2011. — С. 227.
4. Астафьев Ю.В. Разумные сроки и обоснованные решения: новеллы и пробелы законодательства // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 13. — Воронеж, 2011. — С. 24.

REFERENCES

1. Baev O.Ya. Razumnyiy srok ugovnogo sudoproizvodstva // Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya. Vyip. 13. — Voronezh, 2011. — S. 35.
2. Baev O.Ya. Pravovyye i takticheskie osnovy usmotreniya v ugovnom presledovanii. — M., 2012. — S. 64.
3. Ryabtseva E.V. Razumnyiy srok ugovnogo sudoproizvodstva: analiz sudebnoy praktiki Rossii i Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka // Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya. Vyip. 13. — Voronezh, 2011. — S. 227.
4. Astafev Yu.V. Razumnyie sroki i obosnovannyye resheniya: novellyi i probelyi zakonodatelstva // Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya. Vyip. 13. — Voronezh, 2011. — S. 24.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишкина Мария Николаевна. Прокурор первого отдела управления правовой помощи Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Соискатель кафедры уголовного права.

Воронежский государственный университет.

Россия, 3934018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10 а. Тел. (473) 220-83-38.

Shishkina Mariya Nicolayevna. Prosecutor of the first division, Department of legal assistance, General Department of international legal cooperation General Prosecutor Office of the Russian Federation. Competitor of the criminal law chair of the Voronezh State University.

Work address: Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10 a. Tel (473) 220-83-38.

Ключевые слова: разумный срок; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальное значение.

Key words: reasonable term; legal proceeding criminal; procedural value.

УДК 343.13

О. А. Попова,
кандидат юридических наук,
Волгоградская академия МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ISSUES OF CERTAIN PROCEEDINGS AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

В статье раскрываются проблемы, связанные с определением процессуального статуса лиц, вовлеченных в проверку сообщения о преступлении, и возможностью применения к ним мер принуждения при производстве освидетельствования и судебной экспертизы, рассмотрен вопрос обеспечения участия адвоката. Обращено внимание на невозможность вынесения постановлений до возбуждения уголовного дела. Предлагаются варианты совершенствования процессуальной регламентации стадии возбуждения уголовного дела.

The article describes problems associated with the definition of the procedural status of the persons involved in the verification of crime reports, and the possibility of application of enforcement actions in the production and examination of forensic examinations, and provision of an attorney. Author focuses attention at the fact that it's not possible to issue a decree before initiation of criminal case. Author suggests different ways of improving procedural regulations of initiation of criminal case.

Выступая на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел, Президент Российской Федерации В. В. Путин призвал уделить самое пристальное внимание повышению качества следственной работы на всех уровнях. Одним из факторов, детерминирующих возможность совершения следователями ошибок, является неясность и противоречивость законодательства [1].

Федеральным законом от 4 марта 2013 года №23-ФЗ [2] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, существенно затрагивающие стадию возбуждения уголовного дела, в реализации которых у правоприменителей возник ряд проблем, связанных с определением процессуального статуса

лиц, вовлеченных в проверку сообщения о преступлении, и возможностью применения к ним мер принуждения.

Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ закреплена возможность производства освидетельствования, а также назначения и производства судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении. Известно, что участники уголовного судопроизводства нередко оказывают противодействие путем отказа от участия в следственных действиях, что обуславливает необходимость их принуждения.

Например, на первоначальном этапе расследования преступлений против безопасности дорожного движения крайне важно установить, находился ли водитель в момент управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения

или нет. Водители — участники дорожно-транспортного происшествия, предвидя возможность привлечения их к уголовной ответственности и преследуя цель избежать более строгого наказания за совершение преступления в состоянии опьянения, отказываются от производства освидетельствования и готовы при этом нести ответственность за такой отказ в административном порядке. В рассматриваемой ситуации лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, должно принять решение о принудительном производстве освидетельствования, но, исходя из ч. 1 ст. 179 УПК РФ, освидетельствование может быть произведено только с согласия свидетеля, за исключением случаев, когда это необходимо для оценки достоверности его показаний. Согласия подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего не требуется.

Специфика стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, что перечисленных участников уголовного судопроизводства в ней нет. Ситуации, в которых лицо становится подозреваемым, регламентированы ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Ни одна из них не может сложиться до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Свидетелем, исходя из ч. 1 ст. 56 УПК РФ, является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, *имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела* (но не для принятия решения о возбуждении уголовного дела), и *которое вызвано для дачи показаний*. В свою очередь, показания свидетеля — сведения, сообщенные им *на допросе*, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 187—191 и 278 УПК РФ. При проверке сообщения о преступлении возможно лишь получение объяснений, а не производство допроса, таким образом, статус свидетеля участник уголовного процесса может получить только после возбуждения уголовного дела.

Потерпевшим является физическое лицо, которому *преступлением* причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Проверка сообщения о преступлении производится для того, чтобы определить, имело ли место событие преступления, поэтому лицо не может быть признано потерпевшим до того, как лицо, производящее проверку, установит, что имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, то есть до возбуждения уголовного дела.

Кроме того, потерпевшим лицо признается только тогда, когда соответствующее решение оформлено постановлением дознавателя, следо-

вателя или суда (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Обратившись к п. 25 ст. 5 УПК РФ, можно установить, что следователь или дознаватель имеет право вынести постановление только при производстве *предварительного расследования*. Предварительное расследование начинается после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (ст. 149, ч. 1 ст. 156 УПК РФ). Следовательно, выносить какие-либо постановления (будь то постановление о признании потерпевшим, или о назначении экспертизы, или о производстве освидетельствования) до принятия решения о возбуждении уголовного дела нельзя.

Таким образом, следует констатировать, что положения п. 25 ст. 5 и ст. 179 УПК РФ в действующей редакции неприменимы при проверке сообщения о преступлении и требуют изменений.

С этой целью необходимо определить наименование и процессуальный статус участников освидетельствования. Законодатель в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ оперирует такими понятиями, как «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» и «участники проверки сообщения о преступлении», используя их как синонимы.

Полагаем, что под этими лицами понимаются все вовлеченные в проверку сообщения о преступлении, за исключением должностных лиц, ее осуществляющих, а именно:

- заявитель (лицо, сообщившее о преступлении);
- лицо, явившееся с повинной;
- лицо, которому причинен вред;
- лицо, проверяемое на причастность к совершению деяния, указанного в сообщении о преступлении;
- иные не заинтересованные в результатах проверки сообщения о преступлении лица, участвующие в процессуальных действиях (в жилище которых производится осмотр, у которых отбираются объяснения, специалисты, эксперты, понятые и проч.).

В п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ упоминается «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». Учитывая нововведение, предоставляющее данному лицу право иметь защитника, в УПК РФ под ним, видимо, понимается лицо, проверяемое на причастность к совершению деяния, признаки преступления в котором устанавливаются.

Полагаем, что проверка сообщения о преступлении производится не только в отношении указанного лица, но также и в отношении заявителя (с целью исключить заведомо ложный донос), и в отношении лица, которому причинен вред (с целью установления его характера и размера, т.к. наличие вреда является одним из при-

знаков отдельных видов преступлений). Определение круга «лиц, в отношении которых проводится проверка», крайне важно для выяснения их процессуального статуса. Представляется целесообразным в ст. 5 закрепить понятие данных лиц, включив в него перечисленных выше участников.

Согласие указанных лиц на производство их освидетельствования и судебной экспертизы не должно быть условием, препятствующим установлению признаков преступления. Поэтому необходимо ч. 1 ст. 179 УПК РФ после слов «произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего,» дополнить словами «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», а после слова «свидетеля» — словами «лица, вызванного для получения объяснений». Аналогичные изменения следует внести и в ч. 4 ст. 195 УПК РФ.

Ввиду того, что вынесение постановления, как было отмечено выше, в стадии возбуждения уголовного дела не предусмотрено УПК РФ, а оно является обязательным юридическим основанием производства отдельных следственных и процессуальных действий (освидетельствования, назначения судебной экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования), целесообразно в понятии «постановление» в п. 25 ст. 5 УПК РФ слова «при производстве предварительного расследования» заменить словами «в ходе досудебного производства».

Процессуальные права лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, указаны в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ. Среди них названо право пользоваться услугами адвоката. УПК РФ понятие адвоката не содержит. Исходя из ч. 1 и п. 5 ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам и участвует в уголовном судопроизводстве в качестве представителя или защитника доверителя» [3]. Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, «защитник участвует в уголовном деле с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», в то же время часть первая данной статьи определяет, что защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и интересов *подозреваемых и обвиняемых* и оказывающее им помощь *при производстве по уголовному делу*. Как уже было отмечено, при проверке сообщения о преступлении нет ни подозреваемых, ни обвиняемых, ни уголовного дела. Поэтому возникают вопросы: кого и от чего он

должен защищать, распространяются ли требования об обязательном участии защитника на стадию возбуждения уголовного дела, должно ли лицо, производящее проверку сообщения, обеспечивать его участие или лишь допустить адвоката, если он явился вместе с участником проверки, или по аналогии должны применяться нормы, регламентирующие право подозреваемого на защиту? От ответов на эти вопросы зависит возможность использования в доказывании данных, полученных в ходе проверки сообщения.

Очевидна проблема реализации права иметь защитника при производстве следственных действий, не терпящих отлагательства. Известно, что промедление с производством следственных действий, направленных на изъятие материальных объектов, ведет к утрате следов преступления. Например, спустя несколько часов при освидетельствовании невозможно обнаружить следы горюче-смазочных материалов, кровь становится непригодной для идентификации, кроме того, за это время они могут быть уничтожены лицом, на теле которого находятся. Уголовно-процессуальным кодексом РФ не регламентировано время, отведенное на ожидание адвоката, что способствует злоупотреблению процессуальными правами участниками, нацеленными на оказание противодействия расследованию.

Вопрос обеспечения участия адвоката на стадии возбуждения уголовного дела целесообразно разрешать аналогично тому, как он регламентирован в ч. 5 ст. 189 УПК РФ, то есть адвокат может быть допущен к участию в следственном действии, если лицо, в отношении которого оно производится, явилось с ним. Обязанность обеспечения участия адвоката должностными лицами, производящими проверку сообщения, законом не предусмотрена.

Правоприменители и ученые давно обсуждали необходимость производства судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении. Рассматриваемый федеральный закон предоставил им такую возможность, однако и здесь процессуальный порядок не нашел достаточной регламентации. У лиц, производящих проверку сообщения о преступлении, возникает вопрос, следует ли знакомить ее участников с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта.

Право на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении Уголовно-процессуальным кодексом РФ не предусмотрено, поэтому обязанность ознакомить участников уголовного процесса, указанных в ст. 198 УПК РФ, с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта возникает с момента

обретения ими соответствующего процессуального статуса потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого. Обеспечению их прав способствует положение ч. 1² ст. 144 УПК РФ: «Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению».

Законодатель не указал, всегда ли после возбуждения уголовного дела ходатайство о проведении повторной или дополнительной экспертизы подлежит удовлетворению. Представляется, что такое ходатайство подлежит удовлетворению, только при наличии оснований, указанных в ч.ч. 1 и 2 ст. 207 УПК РФ: недостаточная ясность или полнота заключения эксперта, возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств, сомнения в обоснованности заключения эксперта, наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов.

Введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ возможности производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела также требует приведения в соответствие с ним норм Федерального закона от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4], в ст. 2 которого указано, что «задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям *в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу*», и других статей, где речь идет лишь о материалах уголовного дела, а не материалах проверки сообщения, а также норм подзаконных нормативных правовых актов, например пункта 2 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [5], согласно которому в экспертно-криминалистических подразделениях производятся экспертизы *по уголовным делам* и делам об административных правонарушениях.

Таким образом, следует констатировать, что производство следственных и процессуальных действий до возбуждения уголовного дела требует дальнейшей процессуальной регламентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова О.А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки: предупреждение, выявление и исправление следователем:

учеб. пособие. — Волгоград: ВА МВД России, 2012. — 88 с.

2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013г. №23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 9. — Ст. 875.

3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ (ред. от 21.11.2011) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.

4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ (ред. от 6.12.2011) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.

5. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. №511 (ред. от 15.10.2012) // Российская газета. — 2005. — 30 авг.

REFERENCES

1. Popova O.A. Ugolovno-protsessualnyie i organizatsionno-takticheskie oshibki: preduprezhdenie, vyiyavlenie i ispravlenie sledovatelem: ucheb. posobie. — Volgograd: VA MVD Rossii, 2012. — 88 s.

2. O vnesenii izmeneniy v stati 62 i 303 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federalnyiy zakon ot 4 marta 2013g. №23-FZ // Sbranie zakonodatelstva RF. — 2013. — №9. — St. 875.

3. Ob advokatskoy deyatelnosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyiy zakon ot 31 maya 2002 g. №63-FZ (red. ot 21.11.2011) // Sbranie zakonodatelstva RF. — 2002. — № 23. — St. 2102.

4. O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyiy zakon ot 31 maya 2001 g. №73-FZ (red. ot 6.12.2011) // Sbranie zakonodatelstva RF. — 2001. — № 23. — St. 2291.

5. Voprosyi organizatsii proizvodstva sudebnyih ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyah organov vnutrennih del Rossiyskoy Federatsii: Prikaz MVD Rossii ot 29 iyunya 2005 g. №511 (red. ot 15.10.2012) // Rossiyskaya gazeta. — 2005. — 30 avg.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Ольга Александровна. Старший преподаватель кафедры организации следственной работы. Кандидат юридических наук.

Волгоградская академия МВД России.

E-mail: napishiole@rambler.ru

Россия, 400131, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 36. Тел. (8442) 235-721.

Popova Olga Aleksandrovna. Senior lecturer of the management of investigative activities chair. Candidate of legal sciences.

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

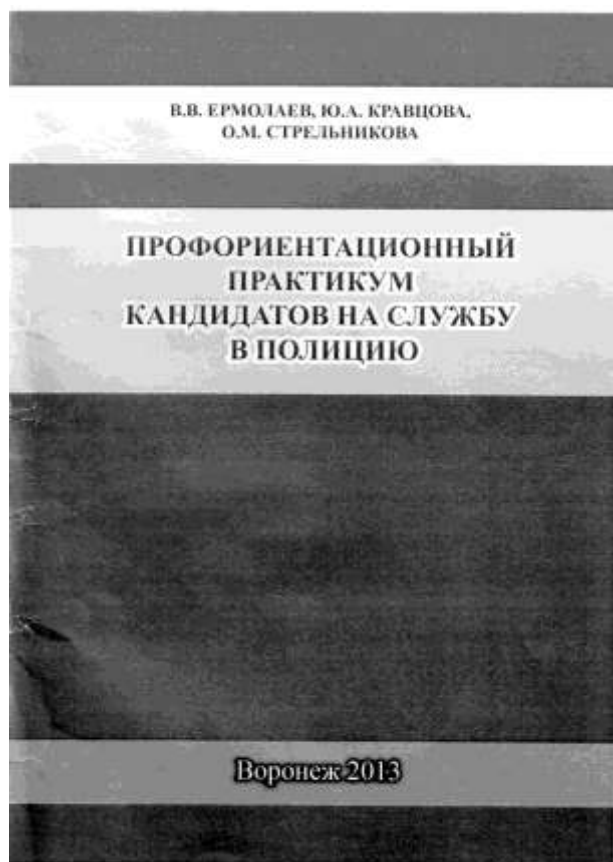
Work address: Russia, 400131, Volgograd, Kommunisticheskaya Str., 36. Tel. (8442) 235-721.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; проверка сообщения о преступлении; следственные действия; освидетельствование; судебная экспертиза; участники уголовного процесса; адвокат; постановление.

Key words: initiation of criminal case; verification of crime reports; investigating actions; examination; forensic examination; parties to a criminal proceeding; attorney; resolution.

УДК 343.13

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Ермолаев В.В.

Профориентационный практикум кандидатов на службу в полицию / В.В. Ермолаев, Ю.А. Кравцова, О.М. Стрельникова. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2013. — 114 с.

В практикуме предлагаются популярные психологические методики по самодиагностике при выборе профессии для определения склонностей, способностей, интересов, личностных качеств, уточнения профессиональных планов. Подробно описаны разные группы активизирующих профориентационных игр и упражнений. Приводятся советы по снятию экзаменационного стресса и упражнения для поддержания работоспособности в период подготовки к вступительным испытаниям в вузы.

Методические материалы практикума предназначены для выпускников средних образовательных учреждений, абитуриентов, студентов вузов, их родителей, а также специалистов, занимающихся профориентационной работой.

О.Р. Афанасьева,
кандидат юридических наук, доцент
ВНИИ МВД России, г. Москва

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СВОЙСТВА, ВИДЫ

MECHANISM OF SOCIAL CONSEQUENCES OF VIOLENT CRIMES: FEATURES, CHARACTERISTICS, TYPES

В связи с недостаточным исследованием механизма преступного поведения автором статьи обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования механизма возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений. В статье представлены определение, свойства и виды механизма возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений.

Due to the insufficient research of the mechanism of criminal behavior, the author of article the theoretical and practical importance of research of the mechanism of emergence and development of social consequences of violent crimes locates. Definition, features and types of the mechanism of emergence and development of social consequences of violent crimes are presented in article.

Необходимость познания сущности и определения видов социальных последствий насильственной преступности, установления взаимосвязи и взаимозависимости взаимодействующих субъектов, систем и процессов, влияющих на процесс возникновения и развития социальных последствий, возникающих до, во время и после совершения насильственных преступлений, определяют актуальность анализа механизма возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений. Статическое же изучение социальных последствий насильственной преступности не только ограничивает предмет исследования, но и представляется недостаточным.

Вопросы механизма возникновения и развития социальных последствий преступности исследованы в криминологии недостаточно. Так, отдельные фундаментальные положения механизма социальных последствий преступности

первоначально были представлены только в работах М.М. Бабаева. В дальнейшем, в диссертационных работах О.Н. Титовой, М.В. Данилевской, О.Н. Ивасюк и др. были также рассмотрены некоторые аспекты анализируемой проблематики. Однако, на наш взгляд, проблема требует несколько иного решения, поскольку исследование лишь общих положений механизма преступного насильственного поведения не позволит нам разрешить поставленные задачи.

Считаем, что, прежде чем начать анализ механизма социальных последствий насильственных преступлений, необходимо отметить ряд проблемных аспектов в понимании криминологической категории «механизм преступного поведения», необходимой для уяснения сущности анализируемой нами категории.

В криминологической науке не разработаны понятия «механизм преступности» или «меха-

низм преступления», на уровне индивидуально-поведения принято использовать понятие «механизм преступного поведения». И, несмотря на то, что механизм конкретного преступного поведения недостаточно изучен и отсутствует единство мнений относительно его определения, чаще под ним понимается «связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих исполнение этого решения» [2. — С. 30; 3. — С. 179].

В научной литературе выделяются различные точки зрения на этапы (элементы, звенья) механизма преступного поведения. Наиболее приемлемой нам представляется точка зрения, согласно которой в умышленном преступном поведении выделяются следующие три основных звена: 1) мотивация преступления; 2) планирование преступных действий; 3) исполнение преступных действий и наступление общественно опасных последствий [2. — С. 31]. Согласно данной позиции, содержание третьего звена — непосредственное совершение преступления и преступный результат в виде наступивших последствий, т.е. последствия преступления выделяются в качестве самостоятельного элемента третьего звена.

Однако если первые два звена механизма преступного поведения и сам процесс исполнения преступного акта, а точнее начало исполнения преступных деяний, в криминологической науке исследованы достаточно полно, то преступные последствия не получили должного теоретического развития, в связи с чем совершенно не исследован механизм социальных последствий преступного поведения. Наибольшее количество исследований преступных последствий было проведено в рамках уголовного права и криминалистики. Без сомнения, уголовно-правовой и криминалистический подходы к анализу данного заключительного звена важны в целях установления стадии совершения преступления, момента его окончания, виновности лица, тяжести совершенного преступления и т.д., однако для практики противодействия преступности не менее важным представляется криминологический аспект.

Таким образом, имеющиеся научные исследования позволяют только сделать вывод, что механизм, т.е. процесс возникновения и развития социальных последствий насильственной преступности, представляет собой часть механизма преступного насильственного поведения и раскрывает динамику развивающихся событий на завершающем этапе преступной деятельности.

Изучение теоретических положений о социальных последствиях насильственной преступности, анализ элементов механизма их возникновения и развития позволяет определить следующие свойства исследуемого механизма:

1. Он основывается на фундаментальных положениях о закономерностях возникновения и течения негативных явлений, связанных с преступностью, конкретным преступлением и явлениями до, во время и после криминального события.

2. Это определенный процесс, который в своем развитии проходит ряд этапов, на каждом из которых взаимодействуют различные субъекты, объекты, явления, элементы окружающей среды и действуют свои специфические условия, вытекающие из предыдущего этапа, определяющие особенности социальных последствий настоящего этапа и влияющие на развитие последующего этапа. Соответственно, каждый отдельный этап представляет собой процесс, возникающий в результате других процессов и являющийся побудителем следующих процессов, что придает механизму устойчивый и динамичный характер.

3. Это «сложная взаимодействующая система физических, психических и иных специфических процессов и их результатов» [1. — С. 18]. Социальные последствия насильственной преступности образуются в результате органической связи с целой иерархией взаимодействующих особенностей субъектов, а также явлений и процессов, относящихся к различным сферам и уровням общественной жизни.

4. Направление и уровни многочисленных преобразований элементов, образующих механизм, определяются особенностями объективных и субъективных признаков преступного деяния, выполняющего роль первоисточника.

5. Элементы механизма социальных последствий насильственных преступлений детерминируют количественно-качественные характеристики социальных последствий, а также этапы их преобразования.

6. В механизме социальных последствий качественные и количественные характеристики последующих, опосредованных негативных преобразований предопределяются иницилирующими их социальными последствиями, а непосредственно — первоначальным преступным поведением, выступающим «толчком» механизма.

7. Это последовательный процесс наращивания социальных последствий. Каждое из социальных последствий не появляется сразу в законченном виде, поскольку оно конструируется в процессе взаимодействия особенных

элементов механизма. Эффект их наращивания характеризуется неоднородностью, множественностью, разнонаправленностью по характеру, качеству, количеству, общественной опасности преобразований элементов механизма социальных последствий и взаимодействующих с ним внешних явлений и систем.

8. Он иерархичен. Чем опосредованнее и отдаленнее последующий этап образования социальных последствий от преступного деяния, выступающего в качестве первопричины, тем более наступающие социальные последствия независимы от него.

9. Криминологическое значение социальных последствий, возникающих в причинно-следственной цепи механизма социальных последствий насильственного преступления, различно и определяется как степенью разрушающего воздействия, так и иными внешними по отношению к насильственной преступности обстоятельствами.

Одним из необходимых условий полного познания и научного объяснения механизма социальных последствий насильственных преступлений является его классификация.

Предлагается классифицировать механизмы возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений по следующим основаниям:

- 1) исходя из объекта посягательства;
- 2) по степени сложности;
- 3) в зависимости от выявляемости социальных последствий насильственных преступлений.

I. Исходя из объектов уголовно-правовой охраны и вида преступности предлагается следующая классификация:

1.1. Общий механизм возникновения и развития насильственных преступлений против личности. Основание выделения механизма — вся совокупность общественных отношений, благ, интересов, составляющих права личности, нарушаемые насильственными преступлениями.

1.2. Родовой механизм возникновения и развития насильственных преступлений против личности. Основание выделения механизма — совокупность однородных по своей социально-политической сущности общественных отношений, благ, интересов, охраняемых единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм и нарушаемых насильственными посягательствами.

1.3. Видовой механизм возникновения и развития насильственных преступлений против личности (против жизни и здоровья; против половой неприкосновенности и половой свободы). Основание выделения — совокуп-

ность общественных отношений, представляющих собой часть родового объекта, отражающих один и тот же интерес участников этих отношений или выражающих хотя и не идентичные, но весьма тесно взаимосвязанные интересы, нарушаемые насильственными посягательствами.

1.4. Непосредственный механизм возникновения и развития насильственных преступлений против личности (против жизни; против здоровья; против половой неприкосновенности и половой свободы). Основание выделения — совокупность конкретных общественных отношений, благ, интересов, охраняемых конкретными уголовно-правовыми нормами, нарушаемых насильственными посягательствами.

1.5. Частный механизм возникновения и развития насильственного преступления, выделяемый на уровне конкретного насильственного преступления.

Представленные виды механизма выделены на основании уголовно-правового (объект преступления) и криминологического (вид преступности) признаков. Каждый из видов обладает спецификой, предопределяемой особенностями объективных и субъективных признаков составов преступлений, включенных в каждую из указанных групп, а также внутренних и внешних взаимодействий.

II. По степени сложности выделяются базовый и совокупный механизмы социальных последствий насильственных преступлений.

2.1. Базовый механизм возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений представляет собой хотя и многоуровневый механизм, но с точно установленными непосредственными участниками возникших отношений и прямыми непосредственными определяемыми и установленными последствиями.

2.2. Совокупный механизм возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений характеризуется многоуровневостью, множественностью прямых и косвенных участников, испытавших на себе воздействие насильственной преступности, а также совокупностью прямых и косвенных, исчисляемых и неисчисляемых социальных последствий.

III. В зависимости от выявляемости механизма возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений возможно подразделить на очевидный и латентный.

1.1. Очевидный механизм возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений представляет собой такой механизм, познание и исследование которого воз-

можно ввиду устанавливаемости составляющих его элементов.

1.2. Латентный механизм возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений представляет собой процесс, начавшийся в результате совершения насильственного преступления, но не выявленный, не установленный, не оцененный соответствующими субъектами.

Таким образом, анализ механизма социальных последствий насильственных преступлений позволяет сделать ряд выводов:

1. Изучение процесса возникновения и развития социальных последствий насильственных преступлений представляет собой не отвлеченную от жизни абстрактную цель, а практическую потребность и необходимость. Познание элементов механизма социальных последствий и процесса его развития предоставит участникам правоохранительной деятельности в их повседневной профессиональной работе необходимые знания для «разрушения» этого механизма, прерывания его функционирования, разъединения его звеньев, минимизации наступления последствий, а тем самым предупреждения совершения преступлений.

2. Понятие «механизм социальных последствий насильственных преступлений» означает процесс последовательной смены различных этапов, характеризующихся специфическими результатами, возникающими и развивающимися ввиду взаимодействия различных субъектов, объектов и факторов.

3. Совокупность негативных изменений, наступающих в результате насильственных преступлений, может быть различной и варьируется в зависимости от многих внутренних и внешних обстоятельств. На формирование и развитие механизма социальных последствий могут влиять провоцирующие, раздражающие, затрудняющие,

препятствующие, облегчающие, способствующие и иные ситуации.

4. На современном этапе развития криминологии и ее междисциплинарных связей отмечается необходимость в совершенствовании существующих и разработке новых методик исследования элементов механизма преступного поведения, в том числе возникновения и развития социальных последствий насильственной преступности; установления взаимосвязи и взаимозависимости этапов развития механизма социальных последствий преступности в процессе развития предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. — М., 1997. — 355 с.
2. Механизм преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1981. — 248 с.
3. Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М.: Юрист, 2002. — 511 с.

REFERENCES

1. Kustov A.M. Kriminalisticheskoe uchenie o mehanizme prestupleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. — M., 1997. — 355 s.
2. Mehanizm prestupnogo povedeniya / otv. red. V.N. Kudryavtsev. — M.: Nauka, 1981. — 248 s.
3. Hohryakov G.F. Kriminologiya: uchebnik / otv. red. V.N. Kudryavtsev. — M.: Yurist', 2002. — 511 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Афанасьева Ольга Романовна. Докторант. Кандидат юридических наук, доцент.
ФГКУ «ВНИИ МВД России».
E-mail: Afanasevaor@yandex.ru
Россия, 123995, г. Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, 25. Тел. (495)230-07-25.

Afanaseva Olga Romanovna. Doctoral candidate. Candidate of legal sciences, assistant professor.
Federal government agency «The Whole-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia».
Work address: Russia, 123995, Moscow, G-69 GSP-5, Povarskaja Str., 25. Tel. 8(926)-166-82-42.

Ключевые слова: механизм преступного поведения; механизм возникновения и развития социальных последствий; насильственная преступность; социальные последствия насильственной преступности; элемент механизма социальных последствий.

Key words: mechanism of criminal behavior; the mechanism of occurrence and development of social impact; violent crime; the social impact of violent crime; an element of the mechanism of social impact.

УДК 343.97

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Колесников Р.В.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с угонами и хищениями транспортных средств: монография / Р.В. Колесников; под науч. ред. А.Н. Ильяшенко. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2013. — 136 с.

Монография посвящена комплексному анализу уголовно-правовых и криминологических аспектов борьбы с угонами и хищениями транспортных средств. В работе рассматриваются уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за угон и хищения транспортных средств по российскому уголовному законодательству, а также по уголовным законодательствам некоторых зарубежных государств, дана криминологическая характеристика указанных преступлений.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава, курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, адъюнктов, аспирантов, а также научных сотрудников и работников правоохранительных органов.

М.В. Гончарова,
кандидат юридических наук, доцент,
ВНИИ МВД России, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВА КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE PROBLEMS OF PREVENTION OF RELAPSE OF MERCENARY CRIMES

В статье рассмотрены актуальные проблемы осуществления профилактической деятельности органов внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний в отношении рецидивистов, совершивших корыстные преступления. Автором выделены проблемы ресоциализации таких преступников.

The article deals with actual problems of prevention activities connected with mercenary repeat offender which realization by the internal affairs and Federal Penitentiary Service. Author is allocated the problems of resocialization such offenders.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2012 г. доля корыстной преступности составила 51,4%. Более чем в половине раскрытых корыстных преступлений оказываются виновными лица, ранее судимые. Структура этой преступности определяется такими видами преступлений, как кража, мошенничество, присвоение или растрата. Анализ ее состояния показывает, что доля повторных корыстных преступлений ежегодно увеличивается в структуре расследованных преступлений в среднем на 10%, растет число повторных краж (+6,8%) и мошенничеств (+6,2%), а также лиц, совершающих эти преступления и присвоения или растраты (+7,6%). Другие негативные тенденции рецидивной корыстной преступности проявляются в увеличении кратности и интенсивности составляющих ее деяний, специального рецидива, а также тесных связях с профессиональной и маргинальной преступностью.

Стабильно высокие с тенденцией к увеличению показатели рецидива корыстных преступлений, значительность его социальных последствий свидетельствуют о слабой эффективности деятельности, связанной с организацией и осу-

ществлением мероприятий по борьбе с такими преступлениями, т.е. о проблемах предупреждения рецидива корыстных преступлений.

Предупреждение рецидива корыстных преступлений является составной частью предупреждения рецидивной преступности и преступности в целом. Эта деятельность специфична, поскольку направлена на лиц, к которым ранее уже применялись меры уголовно-правового воздействия за совершение корыстных преступлений, и осложняется широким спектром социальных и психологических противоречий, проявляющихся на общественном и личностном уровнях. На общественном уровне в этом смысле имеют значение трудности социально-экономического и политического развития страны, на личностном — идейно-нравственный кризис общественного сознания.

Дополнительно личность рецидивиста характеризуется уже сформировавшимися асоциальными установками и криминальной мотивацией на совершение корыстных преступлений. Исправить рецидивистов, перевоспитав в достойных членов общества, чрезвычайно сложная задача,

поскольку это сложившиеся взрослые люди, с устоявшейся системой собственных ценностей, выработанным годами стереотипом поведения и стойкой антиобщественной установкой. В этой ситуации практика применения субъектами профилактики традиционных мер убеждения, оказания помощи и принуждения не оправдывает себя и не приводит к желаемому результату.

В целом, характеризуя профилактическую деятельность государственных и общественных институтов, необходимо отметить, что она должным образом не организована, поскольку система профилактики преступности в Российской Федерации находится в стадии становления, что обуславливает сохранение на современном этапе негативных тенденций рецидивной корыстной преступности. Недостатки организации находят проявление на самых разных этапах предупреждения рецидива корыстных преступлений.

Одним из важнейших направлений предупреждения рецидива корыстных преступлений выступает оперативно-розыскная профилактика, которая включает предупреждение замышляемых и подготавливаемых преступлений и раскрытие противоправных посягательств. Необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий связана с тем, что рассматриваемая категория преступников в своем составе имеет значительное число «профессионалов» активно поддерживает и продвигает воровские традиции и криминальную субкультуру, квалифицированно скрывает и маскирует приготовление к совершению преступлений, намерена в дальнейшем продолжать преступную деятельность.

В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] оперативно-розыскную профилактику рецидива корыстных преступлений осуществляют органы внутренних дел и Федеральная служба исполнения наказаний. Несмотря на схожесть конечных целей профилактики рецидива корыстных преступлений, оперативно-розыскная деятельность этих субъектов проводится обособленно. Более того, отсутствует нормативный акт, регулирующий вопросы взаимодействия аппаратов исполнительных учреждений уголовно-исполнительной системы и полиции по вопросам предупреждения рецидивной преступности, в частности не предусмотрено предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности, что порождает существенные упущения.

Среди рецидивистов значителен удельный вес лиц с психическими аномалиями, не исключаяющими вменяемости. Предупреждение с их стороны повторных корыстных посягательств имеет определенную специфику и будет эффективно только в том случае, когда привлекаются специалисты психиатрических учреждений. Так,

участие психиатров необходимо при осуществлении:

- социально-психиатрической профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних;

- медицинской и психиатрической помощи ранее судимым лицам, страдающим психическими аномалиями, алкоголизмом, наркоманией, в связи с их ресоциализацией;

- социально-психиатрической профилактики дезадаптивных правонарушений (бродяжничества и др.) [2].

Решение этих задач способствует достижению целей профилактики рецидива корыстных преступлений.

В настоящее время основы взаимодействия органов внутренних дел с психиатрическими учреждениями при предупреждении преступлений урегулированы совместным приказом Минздрава РФ и МВД РФ от 30 апреля 1997 г. № 133/269 «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами». Однако этот нормативный акт регламентирует лишь вопросы установления личности, постановки на учет психически больных, а также принудительной госпитализации и розыска психически больных, находящихся на активном диспансерном наблюдении или амбулаторном принудительном наблюдении или лечения. Поскольку взаимодействие между правоохранительными органами и психиатрическими учреждениями по вопросам профилактики преступлений, в том числе рецидивных корыстных, совершаемых лицами с психическими аномалиями, не всегда отлажено, а медицинские достижения используются органами внутренних дел слабо, все это снижает эффективность предпринимаемых в отношении рецидивистов профилактических мероприятий.

Требуются дополнительные практические разработки, специальные инструкции, детально регламентирующие порядок применения профилактических мероприятий и уточняющие функции, права и обязанности органов внутренних дел и органов здравоохранения. Необходима разработка соответствующих методик и рекомендаций по проведению расследования и судебного разбирательства в отношении лиц с патопсихологическими особенностями, совершивших правонарушения, более широкое участие психологов и психиатров на всех стадиях уголовного процесса [3].

Одной из острых проблем предупреждения рецидива корыстных преступлений является вопрос о возможности исправления осужденных корыстных рецидивистов в современных исправительных учреждениях. Страх повторного

осуждения и заключения в места лишения свободы не является эффективным превентивным средством для рассматриваемых преступников. Время, когда считалось, что применение того или иного вида режима отбывания наказания способно закрепить в сознании преступника установку на несвершение новых преступлений, если не из уважения к обществу и закону, то хотя бы из страха перед последующими лишениями, ушло. Соответственно, меры наказания и способы его осуществления должны быть иными.

Учреждения уголовно-исполнительной системы, осуществляющие предупреждение рецидива корыстной преступности в местах лишения свободы и работу по социальной адаптации осужденных, в идеале должны иметь возможности и ресурсы для позитивного развития личности, формирования уважительного отношения к честному труду, правовых убеждений и привычки правомерного социального поведения. Отбывание наказания должно быть организовано таким образом, чтобы искупление вины не носило характер пытки, порождающей только негативные эмоции и протест, препятствуя коррекции личности. В связи с этим бытовое устройство, труд, обучение, медицинское и социальное обеспечение, организация свободного времени и прочие составляющие исправительного процесса требуют совершенствования.

В двадцатых годах прошлого столетия С.В. Познышев писал: «В будущем, вероятно, каждый тип преступников найдет себе место в особой “социальной клинике” с соответствующими его особенностям методами “социального лечения”. Но в настоящее время об этом можно лишь мечтать и строить планы для будущего» [4]. Эти слова известного юриста еще долго не утратят своей актуальности.

Пребывание в местах лишения свободы сопровождается влиянием негативных факторов на личность осужденного, носящих социальный характер и в своей совокупности представляющих социально-экономические, социально-психологические, демографические, социально-правовые, психолого-педагогические и криминологические издержки [5]. Эти издержки выражаются в замкнутости межличностного общения, необходимости выживать в постоянных конфликтных ситуациях, взаимозаражении отрицательными представлениями между осужденными, однообразии социальных функций, подчинении режиму, исключающем принятие самостоятельных решений, возможности выполнять не более 10% социально одобряемых функций из тех, что понадобятся на свободе [6] и т.д. Суровые условия отбывания наказания увеличивают число психически травмированных лиц и лиц с психическими аномалиями, а также соматически больных.

Исправление рецидивистов осложнено не только их спецификой, определяемой неоднократными судимостями, социальной запущенностью, враждебностью и т.д., но и профессиональной деформацией сотрудников исправительных учреждений — черствостью, непониманием целей наказания, традиционным применением исключительно карательных средств воздействия.

Представляется, что деятельность исправительных учреждений по предупреждению рецидива корыстных преступлений должна быть кардинально пересмотрена и складываться из комплекса мероприятий, способных исправить осужденного и сформировать у него отказ от преступной деятельности. Совершенствование пенитенциарной системы позволит вести профилактическую работу с осужденными на качественно новом уровне.

Современное правосудие основано на концепции наказания виновного, каре за содеянное. Суд устанавливает виновность и соответствующую меру наказания, при этом вопрос о возмещении ущерба или минимизации причиненного вреда носит формальный характер. Осуждаемый пассивно участвует в уголовном процессе, ожидая приговора, сосредоточен на тяжести собственного положения, а не на причинах и последствиях своего преступления для других. Такое карательное правосудие противопоставляется правосудию восстановительному, которое основано на возмещении ущерба, причиненного жертве или потерпевшему от преступления, возвращении осужденного в правоопослушное общество и отказе от дальнейшей преступной деятельности. При этом вопрос обеспечения безопасности общества от преступности не снимается [7].

Начатое реформирование системы правоохранительной деятельности и исполнения наказания исходит из необходимости совершенствования существующей карательной практики, ее гуманизации, но не отказа от нее. Далеко от этой идеи и общественное мнение. Одним из вариантов осуществления профилактического воздействия является внедрение в правоохранительную и правоприменительную деятельность принципов восстановительного правосудия. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года предусмотрено формирование системы социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы, и осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, а также формирование и развитие механизмов восстановительного правосудия, создание службы пробации, обеспечивающей социальную адаптацию перечисленных лиц.

Формирование самой службы пробации требует принципиально новых подходов кадрового обеспечения и финансирования, исключающего традиционное нищенское существование государственных социальных учреждений.

Ежегодно из исправительных учреждений России освобождается около 300 тыс. человек, отбывших наказание. Большая часть этих лиц испытывает трудности, связанные с трудоустройством, регистрацией по месту жительства, социальным одиночеством и др. Нередко именно эти обстоятельства обуславливают совершение повторных преступлений в первый год после освобождения. В связи с этим социальная адаптация предполагает решение целого круга вопросов (социальных, психологических, медицинских), позволяющих осужденному начать новую жизнь. Однако их решение в момент, когда лицо отбыло наказание, является запоздалым. Деятельность по социальной адаптации необходимо начинать уже на стадии предварительного заключения, когда лицо подвергается мерам процессуального принуждения, особенно связанным с задержанием и заключением под стражу.

Анализ существующей практики ресоциализации осужденных рецидивистов позволяет сделать вывод о том, что такая деятельность в основном начинается и ограничивается либо последними месяцами пребывания осужденного в местах лишения свободы, либо индивидуальной инициативой администраций исправительных учреждений. Причиной такого положения выступает отсутствие правовой базы, регламентирующей порядок социальной адаптации осужденных, и конкретных механизмов и рычагов оказания помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы или отбывающим наказание без изоляции от общества.

Таким образом, комплексный подход к проблемам предупреждения рецидива корыстных преступлений позволит по-новому раскрыть и систематизировать целый ряд вопросов, составляющих теоретический и прикладной потенциал криминологической проблематики рецидивной корыстной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 28.06.2013 г.).

2. Антонян Ю.М., Виноградов М.В., Голумб Ц.А. Преступное поведение лиц с психическими аномалиями и его профилактика // Вопросы борьбы с преступностью. — 1980. — Вып. 32. — С. 59.

3. Кузнецов П.В. Особенности профилактики правонарушений лиц с психическими аномалиями // Материалы Всероссийской научно-практической конференции по проблеме профилактики правонарушений (16 ноября 1995 г.). — М., 1997. — С. 163.

4. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. — М., 1923. — С. 165.

5. Рудник В.И. Отрицательные последствия применения уголовного наказания в виде лишения свободы и основные меры их нейтрализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 1990. — С. 15.

6. Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. — Харьков, 1980. — С. 67.

7. Павлова Т.И. Использование принципов восстановительного правосудия в работе пенитенциарного психолога // Вопросы ювенальной юстиции. — 2009. — № 5.

REFERENCES

1. Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Federal'nyy zakon RF ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ (v red. ot 28.06.2013 g.).

2. Antonyan Yu.M., Vinogradov M.V., Golumb Ts.A. Prestupnoe povedenie lits s psihicheskimi anomal'iyami i ego profilaktika // Voprosy borby s prestupnostyu. — 1980. — Vyip. 32. — S. 59.

3. Kuznetsov P.V. Osobennosti profilaktiki pravonarusheniy lits s psihicheskimi anomal'iyami // Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po probleme profilaktiki pravonarusheniy (16 noyabrya 1995 g.). — M., 1997. — S. 163.

4. Poznyishev S.V. Osnovy penitentsiarnoy nauki. — M., 1923. — S. 165.

5. Rudnik V.I. Otritsatelnye posledstviya primeneniya ugovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody i osnovnye meryi ih neytralizatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kiev, 1990. — S. 15.

6. Zelinskiy A.F. Retsidiv prestupleniy: struktura, svyazi, prognozirovaniye. — Harkov, 1980. — S. 67.

7. Pavlova T.I. Ispolzovanie printsipov vosstanovitel'nogo pravosudiya v rabote penitentsiarnogo psihologa // Voprosy yuvenal'noy yustitsii. — 2009. — № 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гончарова Мария Витальевна. Докторант. Кандидат юридических наук, доцент.
ФГКУ «ВНИИ МВД России».

E-mail: maria-g2009@yandex.ru.

Россия, 123995, Москва, Г-69 ГСП-5, Поварская, 25. Тел. 8 (916) 643-38-44.

Goncharova Maria Vitalevna. Doctoral candidate. Candidate of legal sciences, assistant professor.

Federal government agency «The Whole-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

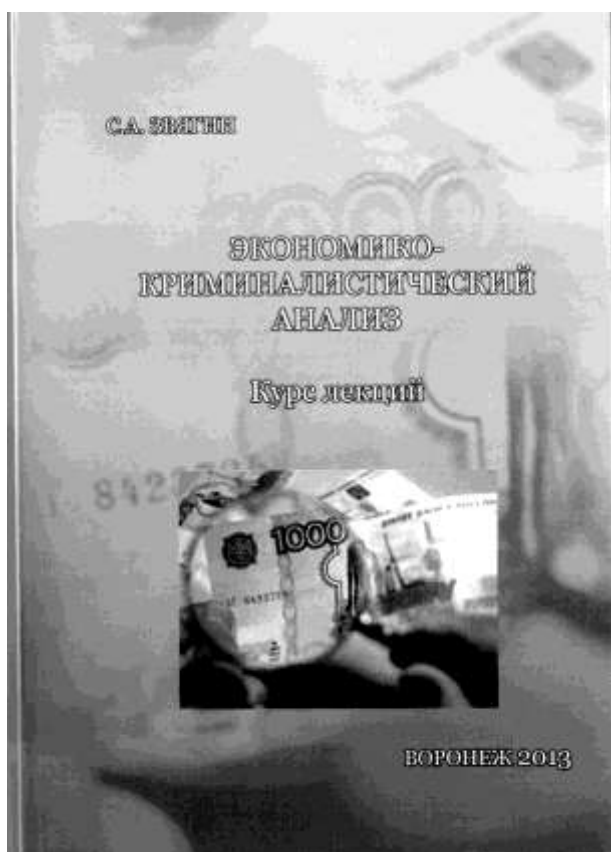
Work address: Russia, 123995, Moscow, Povarskaya Str., 25. Tel. 8 (916) 643-38-44.

Ключевые слова: рецидив корыстных преступлений; лица, ранее совершавшие преступления; исправление осужденных; ресоциализация; служба пробации.

Key words: recurrent selfish crime; repeat offender; correction of convicted; resocialization; probation.

УДК 343.851

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Звягин С.А.

Экономико-криминалистический анализ:
курс лекций / С.А. Звягин. — Воронеж: Во-
ронезский институт МВД России, 2013. —
192 с.

Рассматриваются теоретические и практические аспекты применения специальных экономических знаний при анализе криминальных процессов в деятельности хозяйствующих субъектов; приемы, способы и методы выявления экономических и криминалистических несоответствий, получивших отражение в системе экономической информации; особенности осуществления экономического, бухгалтерского и документального анализа в криминалистических целях; специфика проведения экономико-криминалистического анализа данных бухгалтерской (финансовой) отчетности, материалов инвентаризаций, контрольно-ревизионной деятельности, мошеннических действий в системе бухгалтерского учета, в сфере обращения товаров.

Предназначен для курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, а также работников правоохранительных органов, специализирующихся в сфере противодействия экономическим преступлениям.

О.Н. Жидконожкина

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ
СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ**

**PROBLEMS OF INTERACTION
OF THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS WITH HEALTH CARE
INSTITUTIONS IN THE PREVENTION
OF FAMILY CRISIS**

В статье рассматриваются вопросы совершенствования межведомственного взаимодействия в профилактике семейного неблагополучия, проблемы сохранения врачебной тайны в ходе выявления родителей, страдающих наркотической или алкогольной зависимостью.

The article examines the main issues of improving interagency cooperation in the prevention of family crisis, problems of confidentiality in the course of identifying parents who are drug or alcohol addiction.

Наиболее сложными и болезненными проблемами современной России выступают семейное неблагополучие, жестокое обращение с детьми, социальное сиротство.

Причины, вызывающие семейное неблагополучие, взаимосвязаны и взаимозависимы. А.А. Затолокин, О.В. Шкеля к основным причинам семейного неблагополучия в России относят:

- 1) социально-экономические проблемы;
- 2) причины биосоциального характера (физические или психические болезни родителей, наличие в семье детей с проблемами в развитии, детей-инвалидов);
- 3) психолого-педагогические проблемы (кризис внутрисемейных отношений) [1].

Вопросы раннего выявления социального неблагополучия семей, защиты детей от жестокости и насилия являются приоритетными в работе субъектов системы профилактики.

Ежегодно сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних проводится профилактическая работа в отношении около 250 тыс. родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих обязанности по воспитанию детей. К административной ответственности привлекается свыше 600 тыс. лиц данной категории.

Как справедливо отмечают М.А. Литовко, С.А. Литовко, «своевременная нейтрализация, последовательная профилактика семейного неблагополучия, так же как и изъятие из-под его влияния, помещение их в нормальные условия воспитания, обеспечивает возможность правильного формирования личности, предупреждения преступлений и иных правонарушений в отношении несовершеннолетних» [2].

Существенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, одной из главных задач

Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012—2017 годы названо «обеспечение профилактики семейного неблагополучия, основанной на его раннем выявлении, индивидуализированной адекватной помощи семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, оказываемой на межведомственной основе, приоритете воспитания ребенка в родной семье». В качестве первоочередных мер определены: «оптимизация полномочий государственных органов по защите прав детей, нормативное закрепление порядка межведомственного взаимодействия по предотвращению семейного неблагополучия, социального сиротства, защите прав и законных интересов детей» [3].

Реализация важнейших положений Национальной стратегии предусматривает выполнение ряда мероприятий, направленных на преодоление имеющихся негативных тенденций и включающих:

«1) разработку концепции государственной семейной политики в Российской Федерации и предложений по внесению изменений в законодательство в части семейной политики;

2) проведение мониторинга и подготовку предложений по внесению изменений в законодательство Российской Федерации в части уточнения категорий детей, находящихся в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, содержания понятий насилия и жестокого обращения с детьми;

3) внедрение новых технологий и методов раннего выявления семейного неблагополучия и оказания поддержки семьям с детьми, находящимися в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, социально-психологической реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения и преступных посягательств;

4) разработку комплексной модели медико-социальной реабилитации родителей, страдающих алкогольной зависимостью;

5) организацию обучения педагогических, медицинских, социальных работников и иных специалистов, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, а также родителей по вопросам профилактики суицидального поведения, употребления психоактивных веществ, жестокого обращения с детьми» [4].

В соответствии с положениями статьи 11 Федерального закона от 24.06.1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в целях обеспечения осуществления мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех

форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, в ряде регионов (г. Москва, Республика Марий Эл, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Алтайский край, Архангельская, Воронежская, Липецкая, Челябинская области и др.) разработаны и утверждены регламенты межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия, организации работы с семьями, находящимися в социально-опасном положении.

Вместе с тем в системе социальной защиты детства на федеральном уровне не прописаны механизмы взаимодействия, нет алгоритма и установленного порядка сотрудничества разных структур.

Так, серьезной проблемой, связанной с ранним выявлением фактов семейного неблагополучия, является неинформирование учреждениями здравоохранения органов внутренних дел о родителях, страдающих наркотической или алкогольной зависимостью, психоневрологическими заболеваниями, которые могут создать угрозу для жизни и здоровья их детей.

Законодательством предусмотрена возможность уведомления субъектов системы профилактики о фактах семейного неблагополучия, обусловленных вышеназванными заболеваниями родителей.

В соответствии с пунктом 2 статьи 9 Федерального закона от 24.06.1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» «органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в пределах своей компетенции обязаны обеспечивать соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних, осуществлять их защиту от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлять несовершеннолетних и семьи, находящиеся в социально опасном положении, а также незамедлительно информировать:

1) орган прокуратуры — о нарушении прав и свобод несовершеннолетних;

2) комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав — о выявленных случаях нарушения прав несовершеннолетних на образование, труд, отдых, жилище и других, а также о недостатках в деятельности органов и учреждений, препят-

ствующих предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

3) орган опеки и попечительства — о выявлении несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей либо находящихся в обстановке, представляющей угрозу их жизни, здоровью или препятствующей их воспитанию;

4) орган управления социальной защитой населения — о выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства в связи с безнадзорностью или беспризорностью, а также о выявлении семей, находящихся в социально опасном положении;

5) орган внутренних дел — о выявлении родителей несовершеннолетних или иных их законных представителей и иных лиц, жестоко обращающихся с несовершеннолетними и (или) вовлекающих их в совершение преступления или антиобщественных действий или совершающих по отношению к ним другие противоправные деяния, а также о несовершеннолетних, совершивших правонарушение или антиобщественные действия;

6) орган управления здравоохранением — о выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в обследовании, наблюдении или лечении в связи с употреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, наркотических средств, психотропных или одурманивающих веществ;

7) орган управления образованием — о выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства в связи с самовольным уходом из детских домов, школ-интернатов и других детских учреждений либо в связи с прекращением по неуважительным причинам занятий в образовательных учреждениях;

8) орган по делам молодежи — о выявлении несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении и нуждающихся в этой связи в оказании помощи в организации отдыха, досуга, занятости» [5].

Указанная информация подлежит хранению и использованию в порядке, обеспечивающем ее конфиденциальность.

Выявление социально неблагополучных семей является одной из важнейших форм первичной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Источниками выявления неблагополучных семей являются:

1) сообщения государственных органов, общественных организаций, граждан (приговор, решение или определение суда, постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, сообщения следователя, дознавателя,

средств массовой информации, учебных заведений, органов здравоохранения, жалобы и заявления граждан);

2) учеты учреждений здравоохранения;

3) информация, полученная в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, отработок административных участков, установления доверительных отношений с гражданами;

Сведения о родителях, которые по состоянию здоровья не могут самостоятельно исполнять родительские обязанности (алкоголизм, наркомания, токсикомания, психические заболевания, инвалидность 1 и 2-й групп без рекомендации к труду), должны направляться субъектам системы профилактики для решения вопроса о дальнейшем жизнеустройстве детей.

Значительная роль в системе раннего выявления семейного неблагополучия отводится персоналу медицинских учреждений. Однако, по данным ГУООП МВД России, из органов здравоохранения в регионы поступает лишь небольшая часть (5—12% от общего количества) сведений, указывающих на факты неисполнения родителями обязанностей.

При этом сотрудники медицинских учреждений ссылаются на положения части 1 статьи 13 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в соответствии с которой «сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну... Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается:

1) в целях проведения медицинского обследования и лечения гражданина, который в результате своего состояния не способен выразить свою волю;

2) при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений;

3) по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно;

4) в случае оказания медицинской помощи несовершеннолетнему, для информирования од-

ного из его родителей или иного законного представителя;

5) в целях информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий;

6) в целях проведения военно-врачебной экспертизы по запросам военных комиссариатов, кадровых служб и военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба;

7) в целях расследования несчастного случая на производстве и профессионального заболевания;

8) при обмене информацией медицинскими организациями, в том числе размещенной в медицинских информационных системах, в целях оказания медицинской помощи с учетом требований законодательства Российской Федерации о персональных данных;

9) в целях осуществления учета и контроля в системе обязательного социального страхования;

10) в целях осуществления контроля качества и безопасности медицинской деятельности» [6].

Вместе с тем Конституция Российской Федерации в части 3 статьи 55 предусматривает возможность ограничения «прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [7].

В связи с этим представляется целесообразным для обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, оказания своевременной помощи детям и подросткам, находящимся в социально-опасном положении вследствие алкогольной или наркотической зависимости родителей, определить следующие направления совершенствования норм действующего российского законодательства, в том числе в части расширения перечня случаев предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законных представителей:

1) часть 4 статьи 13 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дополнить пунктом следующего содержания: «11) в целях информирования органов внутренних дел о пациенте, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что им не исполняются или ненадлежащим образом исполняются

обязанности по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей»;

2) подпункт 5 части 2 статьи 13 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» изложить в следующей редакции: «о выявлении родителей несовершеннолетних или иных их законных представителей и иных лиц, злоупотребляющих алкоголем, наркотическими и психотропными веществами, жестоко обращающихся с несовершеннолетними и (или) вовлекающих их в совершение преступления или антиобщественных действий или совершающих по отношению к ним другие противоправные деяния, а также о несовершеннолетних, совершивших правонарушение или антиобщественные действия»;

3) разработать и утвердить в Правительстве Российской Федерации нормативный акт, регламентирующий порядок межведомственного взаимодействия в выявлении и профилактике семейного неблагополучия, насилия в отношении детей, организации работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организация работы сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике семейного неблагополучия: методические рекомендации / сост. А.А. Затолокин, О.В. Шкеля. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2011. — 73 с.

2. Литовко М.А., Литовко С.А. Влияние семейного неблагополучия на противоправное поведение несовершеннолетних // Научный портал МВД России, 2010.

3. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы»: Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. №761 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 15.11.2013 г.)

4. О плане первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг.: распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/> (дата обращения: 12.10.2013 г.).

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 12.10.2013 г.).

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/12191967/> (дата обращения: 12.10.2013 г.).

7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/> (дата обращения: 12.10.2013 г.).

REFERENCES

1. Organizatsiya raboty sotrudnikov podrazdeleniy po delam nesovershennoletnih po profilaktike semeynogo neblagopoluchiya: metodicheskie rekomendatsii / sost. A.A. Zatolokin, O.V. Shkelya. — Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2011. — 73 s.

2. Litovko M.A., Litovko S.A. Vliyanie semeynogo neblagopoluchiya na protivopравное povedenie nesovershennoletnih // Nauchnyiy portal MVD Rossii, 2010.

3. O Natsionalnoy strategii deystviy v interesah detey na 2012—2017 godyi»: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01.06.2012 g. №761 [El-

ektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.garant.ru/70183566/> (data obrascheniya: 15.11.2013 g.)

4. O plane pervoocherednykh meropriyatiy do 2014 g. po realizatsii vazhneyshikh polozheniy Natsionalnoy strategii deystviy v interesakh detey na 2012-2017 gg.: rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 15 oktyabrya 2012 g. № 1916-r [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/> (data obrascheniya: 12.10.2013 g.).

5. Ob osnovakh sistemyi profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnih: Federalnyiy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.garant.ru/12116087/> (data obrascheniya: 12.10.2013 g.).

6. Ob osnovakh ohranyi zdorovya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyiy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21.11.2011 g. № 323-FZ [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.garant.ru/12191967/> (data obrascheniya: 12.10.2013 g.).

7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/> (data obrascheniya: 12.10.2013 g.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жидконожкина Ольга Николаевна. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел.(473)200-52-92.

Zhidkonozhkina Olga Nikolaevna. Senior lecturer of the chair of administrative law and administrative activities of internal Affairs agencies.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Russia, 394065, Voronezh, Prospekt Patriots, 53. Tel. (473)200-52-92.

Ключевые слова: раннее выявление и профилактика семейного неблагополучия; организация взаимодействия субъектов системы профилактики; сохранение врачебной тайны.

Key words: early detection and prevention of family ill-being; organization of interaction of subjects of the system of prevention; medical confidentiality.

УДК 342.9

Н.Н. Ильин,
Московский университет МВД России

ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЯ, ПОЛУЧАЕМЫЕ В КАЧЕСТВЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

THE VIDEO IMAGES, RECEIVED AS SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH

В статье рассматриваются видеоизображения в качестве сравнительного материала для производства судебно-портретной экспертизы. Предложенная автором классификация видеоизображений как образцов для сравнительного исследования наиболее полно отражает сущность конкретного вида образцов, а также необходима для последующей тактики их получения.

In this article video images as a comparative material for production of judicial and portrait examination are considered. Classification of video images offered by the author of article as it is model for comparative research, most fully reflects essence of a concrete type of samples, and also it is necessary for the subsequent tactics of their receiving.

Решение идентификационной задачи, связанной с установлением конкретного человека по признакам внешности путем проведения судебной портретной экспертизы, тесным образом связано с широким применением специальных знаний в области габитоскопии. Ни одна портретная экспертиза, так же как и любая другая идентификационная экспертиза, не обходится без образцов для сравнительного исследования. Как указывают А.М. Зинин и И.Н. Подволоцкий, ввиду того, что на экспертизу представляется ограниченный объем материалов (несколько исследуемых фотографий и малое количество сравнительных образцов), процесс установления тождества затрудняется. Полнота и всесторонность исследования, а в конечном итоге и его результаты, зависят от особенностей подбора материалов, направляемых на экспертизу [1].

Судебные эксперты в области производства портретных экспертиз, исследующие такие объекты, как видеозапись, сталкиваются с определенными проблемами. А.М. Зинин отмечает, что лицо

человека на видеоматериалах редко отображается крупным планом, занимает незначительную часть кадра и зафиксировано в ракурсах, затрудняющих изучение признаков элементов лица [2], а в некоторых случаях на видеоизображениях запечатлеваются только силуэты фигур, что в принципе исключает возможность проведения портретной экспертизы или приводит к выводам, т.к. применение традиционных методик исследования фотоизображений оказывается малоприменимым для исследования видеоизображений.

Вместе с тем в настоящее время разработаны основы и методические рекомендации, связанные с криминалистическим установлением личности по признакам некоторых функциональных элементов внешности, таких как походка, жестикуляция, артикуляция и др. [3], а также ведется создание баз данных и их пополнение типовыми проявлениями указанных элементов внешнего облика [4].

Кроме того, как отмечает В.Г. Булгаков, существуют положительные примеры из экспертной практики, касающиеся проведения иденти-

фикационных биомеханических исследований походки человека [5, 6].

Процесс установления причастности того или иного человека к совершению преступления по признакам внешности заключается в идентификационном исследовании его внешнего облика, отображенного на видеозаписи, в связи с чем возникает необходимость в получении сравнительных образцов тех или иных отображений внешности человека для проведения портретной экспертизы.

На наш взгляд, проблема получения видеоизображений в качестве образцов для сравнительного исследования в настоящее время нуждается в тщательной проработке, ввиду того что серьезные работы по данному вопросу были написаны еще в прошлом веке, а также в связи с принятием Федерального закона от 04.03.2013г. №23-ФЗ, предусматривающего возможность получения сравнительных образцов до возбуждения уголовного дела.

Под образцами в криминалистике понимаются предметы, вещества, документы, а также материально фиксированные отображения, подлежащие сравнительному исследованию с целью идентификации объектов или решения других познавательных задач в уголовном процессе [7].

По нашему мнению, определение образцов для сравнительного исследования наиболее полно сформулировано Н.И. Долженко: «материальные объекты, несомненно происходящие от другого объекта и являющиеся его частью либо отражающие его признаки, получаемые для проведения специальных исследований в целях идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности идентифицируемого объекта, а также для установления других обстоятельств расследуемого преступления» [8]. В нашем случае на видеоизображениях запечатлеваются признаки элементов внешнего облика человека, которые и подлежат дальнейшему исследованию для установления конкретных обстоятельств расследуемого преступления.

В криминалистике приведена достаточно обширная классификация образцов для сравнительного исследования. Не претендуя на исчерпывающий перечень, применительно к теме нашей статьи предлагаем все видеоизображения как образцы для сравнительного исследования классифицировать следующим образом:

- по субъекту получения: а) образцы, получаемые следователем самостоятельно; б) образцы, получаемые следователем с привлечением специалиста⁵; в) образцы, получаемые экспертом

самостоятельно в рамках проведения портретной экспертизы (экспертного эксперимента).

- по процессуальному положению лица, у которого получают образцы: а) образцы, полученные у подозреваемого (обвиняемого); б) образцы, полученные у потерпевшего или свидетеля;

- по характеру отображения признаков внешнего облика человека: а) образцы, отображающие индивидуальные признаки некоторых анатомических (шрамы, родинки, асимметрия различных элементов и др.) или функциональных (динамических) элементов внешности (особенности походки, мимики и др.); б) образцы, отображающие групповые признаки комплексов (телосложение, рост, пол, антропологический тип и др.), некоторых анатомических и функциональных (динамических), не являющихся особенностями внешности человека, сопутствующих элементов внешности;

- по времени и условиям получения: а) свободные — полученные до возбуждения уголовного дела (любительские видеоизображения, отражающие личную и семейно-бытовую жизнь человека); б) условно-свободные — выполненные после возбуждения уголовного дела, но не в связи с назначением портретной экспертизы (видеоизображения лица при проведении какого-либо следственного действия, отражающего его ход и результаты); в) экспериментальные — выполненные непосредственно для назначения портретной экспертизы на основании постановления следователя о получении образцов для сравнительного исследования, которые, по нашему мнению, следует разделить на две группы: 1) собственно экспериментальные — видеоизображения, на которых отображаются признаки элементов внешнего облика конкретного человека в привычных (обычных) для него условиях; 2) специальные — видеоизображения, на которых отображаются признаки элементов внешнего облика конкретного человека в условиях, максимально приближенных к тем, что запечатлены на исследуемой видеозаписи. В особую группу следует выделить образцы, получаемые экспертом путем проведения эксперимента в рамках портретной экспертизы. Экспертный эксперимент проводится достаточно редко в портретной экспертизе, однако, если существует необходимость проверить, как влияют те или иные факторы на отображение признаков элементов внешности (освещение, ракурс, дистанция, оптические искажения и др.), его следует проводить.

Предложенная классификация видеоизображений как образцов для сравнительного исследова-

⁵ Ввиду того, что видеозапись требует специальных знаний, данный вид образцов следователю необходимо получать только с привлечением специалиста

(в отличие от видеоизображений, например, образцы почерка следователь может получать самостоятельно).

ния, на наш взгляд, наиболее полно отражает сущность конкретного вида образцов, а также необходима для последующей тактики их получения.

По собранным нами анкетным данным, наибольшее распространение среди образцов для сравнительного исследования получили видеоизображения, выполненные после возбуждения уголовного дела, но не в связи с назначением портретной экспертизы, а, например, при проведении следственного эксперимента, проверки показаний на месте или предъявления для опознания, т.е. условно-свободные образцы.

По нашему мнению, как с теоретической, так и с практической стороны необходимо подробно рассмотреть сравнительные образцы по времени и условиям получения, определив их положительные и отрицательные стороны на конкретных примерах.

Любительские видеоизображения, отражающие личную и семейно-бытовую жизнь человека (свободные образцы), которые следователь может изъять, например, при производстве обыска у подозреваемого (обвиняемого), выполнены вне связи с расследуемым уголовным делом, а поэтому не содержат каких-либо умышленных искажений признаков внешнего облика. Единственным условием в данном случае является установление конкретных обстоятельств получения данных видеоизображений, достоверность возникновения которых будет подтверждаться или опровергаться путем проведения других следственных действий (например, допроса лица, у которого были изъяты данные видеоизображения). В то же время в некоторых случаях информация о признаках внешнего облика конкретного человека, содержащаяся в данных видеоизображениях, может быть недостаточной для проведения определенного рода сравнительного исследования и вызвана, например, низким качеством видеозаписи или малым количеством времени запечатления интересующего следствия человека.

Видеоизображения, выполненные после возбуждения уголовного дела, но не в связи с назначением портретной экспертизы (условно-свободные образцы), так же, как и свободные образцы, являются приоритетными по отношению к экспериментальным, т.к. при осуществлении фиксации хода и результатов, например, предъявления для опознания или следственного эксперимента, человек, внешность которого будет подлежать в дальнейшем исследованию при производстве портретной экспертизы, как правило, не будет умышленно искажать признаки своего внешнего облика. Вместе с тем специалист, который будет участвовать в данном следственном действии, не будет знать о проведении портретной

экспертизы, а потому будет просто осуществлять фиксацию следственного действия и не обращать внимания на особенности внешнего облика конкретного человека.

Видеоизображения, выполненные непосредственно для назначения портретной экспертизы (собственно экспериментальные образцы) и производства некоторых следственных действий (специальные образцы), могут обладать высоким качеством, являться такими же достоверными, как и видеоизображения, являющиеся свободными и условно-свободными образцами, и быть получены в требуемых условиях, а также в должном количестве. В то же время лицо, в отношении которого будет осуществляться получение сравнительного материала, имеет возможность исказить признаки внешности (например, походку) или не проявлять некоторых особенностей (например, особенностей мимики). Поэтому на основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что следователь должен тщательно подготовиться к проведению данного следственного действия для достижения положительных и эффективных результатов, способствующих установлению причастности лица к совершению преступления. Так, следователю необходимо выяснить ряд сведений о личности подозреваемого или обвиняемого (например, возраст, наличие судимости, смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, сможет ли он сотрудничать со следствием, в условиях конфликтной или бесконфликтной ситуации будет происходить получение образцов для сравнительного исследования и др.), а также обеспечить в определенных случаях меры безопасности.

С процессуальной точки зрения образцы для сравнительного исследования могут являться одним из видов доказательств в соответствии с п. 6 ч. 2. ст. 74 и ч. 2 ст. 84 УПК РФ: «документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса».

Получение образцов для сравнительного исследования в самом общем понимании — это следственное действие, проводимое как до возбуждения, так и после возбуждения уголовного дела следователем и заключающееся в получении в установленном УПК РФ порядке у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего объектов, являющихся продуктами их деятельности или жизнедеятельности их организма, а также в получении других объектов, необходимых для сравнительного исследования, т.е. сопо-

ставления в целях идентификации или установления родовой либо групповой принадлежности указанных объектов.

Получение видеоизображений в качестве образцов для сравнительного исследования имеет определенную специфику.

Следует отметить, что отнесение получения сравнительных образцов к разряду следственных действий является дискуссионным вопросом. Некоторые авторы не относят получение образцов для сравнительного исследования к числу следственных действий, а считают его неким вспомогательным мероприятием, ссылаясь на то, что получение сравнительного материала для судебной экспертизы не образует получения новых доказательств, а лишь может способствовать возникновению какой-либо информации [9—11]. Получение образцов для сравнительного исследования в качестве процессуального действия рассматривается В.А. Жбанковым, Д.В. Исютиным-Федотковым, С.А. Шейфером и др. [12—14].

По нашему мнению, получение образцов для сравнительного исследования все же необходимо считать следственным действием, поскольку оно

производится на основании постановления следователя в соответствии с ч. 3 ст. 202 УПК РФ, а по окончании составляется протокол в соответствии с требованиями, установленными ст. 166 УПК РФ. В данном случае непосредственное (прямое) нормативное закрепление имеют видеоизображения, выполненные прямо для назначения портретной экспертизы, т.е. экспериментальные образцы. Остальные группы сравнительных образцов получают в процессе производства других следственных действий, по результатам которых следователь уже приобщает их в качестве материала для сравнительного исследования.

Обращаем внимание, что в экспертной практике сравнительные исследования проводятся для решения не только идентификационных, но и диагностических задач. Так, при изучении видеозаписи, полученной с внутренней камеры наблюдения, было установлено наличие в кадре цветного изображения фрагмента тамбура, расположенного между входом и выходом из магазина, в котором находился мужчина, одетый в темно-зеленую футболку, темно-зеленые брюки, темные туфли и в руках держащий кошелек (см. рис. 1).

Рис. 1. Изображение кадра представленной на экспертизу видеозаписи, полученной с камеры наблюдения №СН 06 в промежутке времени с 17:13:42 по 17:14:49

Съемка производилась в условиях искусственного рассеянного освещения с верхней точки. Мужчина зафиксирован в полный рост, преимущественно анфас, с наклоном головы вперед. Кроме того, площадь изображения головы мужчины, подлежащего исследованию, составляет не более 2,2 % от общей площади кадра. Границы элементов внешнего облика размыты, средней контрастности, нерезкие. В целом качество изображения было

признано низким, т.к. просматривались только крупные элементы внешнего облика человека (голова, туловище, конечности), а также некоторые элементы лица (волосяной покров в целом, нос, брови). Наряду с этим было установлено, что на левом крыле носа и на левой щеке имеется по одному круглому элементу, по форме похожему на родинку или бородавку, однако достоверно определить природу выявленных признаков не предста-

вилось возможным ввиду низкого разрешения камеры и условий съемки (см. рис. 2).

Решение вопроса о пригодности видеозаписи, представленной на экспертизу, потребовало предоставления сравнительных образцов внешности конкретного лица в том же ракурсе и при тех же условиях съемки, что и неизвестный мужчина.

Полагаем, что, даже если вопрос решается

только о пригодности видеозаписи для последующей идентификации человека, изображенного на ней, следует предоставлять образцы для сравнительного исследования, причем для полного и всестороннего изучения внешнего облика лица, изображенного на исследуемой видеозаписи, необходимо предоставлять как фото-, так и видеоизображения.

Рис. 2. Увеличенное изображение внешности неизвестного лица анфас с поворотом головы влево: стрелкой слева указан элемент, похожий на родинку или бородавку, расположенный на левом крыле носа, стрелкой справа указан элемент, похожий на родинку или бородавку, расположенный на левой щеке

На основании вышеизложенного предлагаем также считать видеоизображения, полученные в качестве сравнительных образцов для производства портретной экспертизы, своего рода образцами (готовым материалом) для проведения предъявления лица для опознания. Поскольку следователь стремится получить видеоизображения без существенных изменений и искажений с наиболее полным и достоверным отображением признаков внешнего облика, то для большей объективности при установлении вины лица, совершившего преступление, на наш взгляд, целесообразно использовать результаты как портретной экспертизы, так и предъявления для опознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинин А.М., Подволоцкий И.Н. Габитоскопия: учебное пособие. — М.: Юрлитинформ, 2006. — С. 112.

2. Зинин А.М. Судебно-портретная экспертиза (современное состояние и актуальные вопросы) // Эксперт-криминалист. — 2008. — № 4. — С. 19.

3. Булгаков В.Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека: монография / под ред. А.М. Зинина. — М., 2009. — С. 128—149.

4. Булгаков В.Г. О современной классификации признаков походки человека в криминалистике // Вестник криминалистики. — 2007. — № 4(27). — С. 49—56.

5. Барановский С.И., Китаев Н.Н. Идентификация личности по походке и осанке // Проверка версии о виновном / под общ. ред. Г.А. Густова. — СПб., 1992. — С. 11—12.

6. Китаев Н.Н., Негреева М.Б., Шендеров В.А. Идентификационные возможности биомеханической экспертизы в криминалистике // Вестник криминалистики. — 2007. — № 2(22). — С. 61—63.

7. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной

судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Юрайт, 2002. — С. 115.

8. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. — М., 2007. — С. 43.

9. Гаврилин Ю.В. Следственные действия. — М.: Книжный мир, 2009.

10. Горячев Э.К., Тишутина И.В. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: монография. — М., 2006.

11. Победкин А.В. К вопросу о сущности отдельных следственных действий // Следователь. — 2006. — № 3.

12. Жбанков В.А. Получение образцов для сравнительного исследования. — М., 1992.

13. Исютин-Федотков Д.В. Образцы для сравнительного исследования в уголовном процессе и криминалистике. — Минск, 2005.

14. Шейфер С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма. — М.: Юрлитинформ, 2009.

REFERENCES

1. Zinin A.M., Podvolotskiy I.N. Gabitoskopiya: uchebnoe posobie. — М.: Yurlitinform, 2006. — S. 112.

2. Zinin A.M. Sudebno-portretnaya ekspertiza (sovremennoe sostoyanie i aktualnyie voprosyi) // Ekspert-kriminalist. — 2008. — № 4. — S. 19.

3. Bulgakov V.G. Osnovy kriminalisticheskogo issledovaniya dinamicheskikh priznakov cheloveka: monografiya / pod red. A.M. Zinina. — М., 2009. — S. 128—149.

4. Bulgakov V.G. O sovremennoy klassifikatsii priznakov pohodki cheloveka v kriminalistike // Vestnik kriminalistiki. — 2007. — № 4(27). — S. 49—56.

5. Baranovskiy S.I., Kitaev N.N. Identifikatsiya lichnosti po pohodke i osanke // Proverka versii o vinovnom / pod obsch. red. G.A. Gustova. — SPb., 1992. — S. 11—12.

6. Kitaev N.N., Negreeva M.B., Shenderov V.A. Identifikatsionnyie vozmozhnosti biomehanicheskoy ekspertizyi v kriminalistike // Vestnik kriminalistiki. — 2007. — № 2(22). — S. 61—63.

7. Rossinskaya E.R. Kommentariy k Federalnomu zakonu «O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii». — М.: Yurayt, 2002. — S. 115.

8. Dolzhenko N.I. Obratzsyi dlya sravnitel'nogo issledovaniya i taktika polucheniya eksperimental'nykh obratzsov. — М., 2007. — S. 43.

9. Gavrilin Yu.V. Sledstvennyie deystviya. — М.: Knizhnyy mir, 2009.

10. Goryachev E.K., Tishutina I.V. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy: monografiya. — М., 2006.

11. Pobedkin A.V. K voprosu o suschnosti otelnykh sledstvennykh deystviy // Sledovatel. — 2006. — № 3.

12. Zhbantkov V.A. Poluchenie obratzsov dlya sravnitel'nogo issledovaniya. — М., 1992.

13. Isyutin-Fedotkov D.V. Obratzsyi dlya sravnitel'nogo issledovaniya v ugolovnom protsesse i kriminalistike. — Minsk, 2005.

14. Sheyfer S.A. Sledstvennyie deystviya: sistema i protsessual'naya forma. — М.: Yurlitinform, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Николай Николаевич. Адыюнт кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы.

Московский университет МВД России.

E-mail: Nick703@yandex.ru.

Россия, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ilyin Nikolay Nikolaevich. The post-graduated of technical criminalistic ensuring expert researches chair of an educational and scientific complex of judicial examination.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: Russia, 117437, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Ключевые слова: получение образцов для сравнительного исследования; видеозапись; видеоизображения; признаки внешнего облика; портретная экспертиза.

Key words: receiving samples for comparative research; video; video images; appearance signs; portrait examination.

УДК 343.98

С.Ю. Солонина

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО
НА ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО
(ОБВИНЯЕМОГО) В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН**

**TO THE QUESTION ABOUT THE NEED TO TERMINATE CONSENT
OF THE VICTIM OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST
A JUVENILE SUSPECT (DEFENDANT) IN CONNECTION
WITH THE RECONCILIATION OF THE PARTIES**

В статье анализируются отдельные проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). В частности, автором рассматривается вопрос о необходимости согласия потерпевшего для прекращения уголовного дела.

This article analyzes some problems termination of criminal case in connection with the conciliation of parties in respect of a minor suspect (defendant). In particular, the author discusses the need for the consent of the victim to the criminal case.

В настоящее время не только в международных стандартах, но и в российском законодательстве уделяется повышенное внимание вопросу предупреждения преступности несовершеннолетних и возможности применения к ним норм, предусматривающих прекращение уголовного дела на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Так, Минимальные стандартные правила ООН [1] ориентируют на то, чтобы дела несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) по возможности не доводились до суда, а прекращались компетентными органами, ведущими досудебное производство. В нормах Левенской декларации содержится положение о необходимости поддержки восстановительного подхода к подростковой преступности, определены как общие подходы, так и принципы

восстановительного правосудия по уголовным делам [2].

Верховный Суд Российской Федерации, проанализировав судебную практику применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, указал, что в каждом случае отправления правосудия в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) подлежит обсуждению вопрос о возможности применения к ним положений статей 75—78 УК РФ (в том числе о примирении с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести) и статей 24—28 УПК РФ об освобождении от уголовной ответственности [3].

В связи с этим потерпевшему и несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому), который впервые совершил преступление,

должна быть предоставлена возможность урегулировать уголовный конфликт на досудебном этапе. Однако несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) должен осознать не только противоправность своего поведения, но и неотвратимость наказания, что будет способствовать предотвращению совершения им повторных преступлений.

Так, по мнению В.Н. Ткачева, процедуры восстановительного правосудия имеют воспитательное значение и способствуют подлинной ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя, поскольку формируют у него ответственное отношение к своим поступкам, а также позволяют реально защитить законные интересы потерпевшего [4].

Согласимся также с мнением Е.В. Марковичевой, которая говорит о том, что в настоящее время парадигма восстановительного правосудия рассматривается как одна из предпочтительных моделей реакции общества на правонарушение, совершенное подростком [5].

Необходимо отметить, что преступность несовершеннолетних на протяжении последних нескольких лет находится на высоком уровне. Так, в 2010—2011 годах каждое восемнадцатое преступление (5,5%) было совершено несовершеннолетними или при их соучастии, в 2012 — каждое двадцатое (5,1%); за 9 месяцев 2013 г. — также каждое двадцатое преступление (4,9%) [6].

Законодатель, по нашему мнению, может разрешить эту проблему, обратившись к программе восстановительного правосудия, к ее правовым условиям. Так, в УПК РФ предусмотрено основание прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УК РФ) по определенным категориям дел. Следователь (дознатель) или суд в случае примирения сторон вправе прекратить уголовное дело, если преступление совершено лицом впервые. Уголовный кодекс содержит составы частного обвинения, по которым уголовные дела могут возбуждаться только по заявлению потерпевшего. По таким делам при примирении сторон дело прекращается в обязательном порядке. Кроме того, если дело не подлежит прекращению, заглаживание причиненного преступлением вреда служит смягчающим обстоятельством при назначении наказания (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Утвержденная Указом Президента РФ «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 годы» [7] предусмотрела разработку программы восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, в которой прописан комплекс воспитательных мер и мер социально-психологического и педагогического

сопровождения, а также обеспечение взаимодействия судов и правоохранительных органов со специалистами по ювенальным технологиям — медиаторами, психологами, социальными педагогами и социальными работниками — при ее реализации.

Приведенные нормы, как считает Л.М. Карнозова, стали «входными воротами» для использования медиации по уголовным делам [8].

Но пока идеи восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних начинают постепенно внедряться в нашу правовую систему, проблемы примирения сторон на основании статьи 25 УПК РФ в уголовном процессе остаются нерешенными.

Одна из таких проблем применительно к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) заключается в том, что одним из условий применения ст. 25 УПК РФ является заявление потерпевшего или его законного представителя о прекращении уголовного дела, т. е. инициатива примирения сторон должна исходить от участников уголовного процесса со стороны обвинения. Но как поступать, когда по некоторым составам преступлений (например, ст. 306 УК РФ) потерпевший отсутствует или не идет на примирение по корыстным либо иным субъективным причинам (ненависть к обвиняемому, принадлежность к другой национальности или социальному слою и т.п.)?

Пленум Верховного Суда Российской Федерации вынес постановление от 27.06.2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» для разъяснения вопросов, возникающих у судов при применении норм главы 11 УК РФ. В частности, в нем идет речь о том, что «если мнение несовершеннолетнего потерпевшего по вопросу о примирении с обвиняемым и прекращении уголовного дела не совпадает с мнением его законного представителя, то основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствуют».

Однако вопрос о необходимости такого согласия и форме его выражения в данном постановлении не рассматривается, также не дается разъяснений по поводу одного из условий прекращения дела — заявления потерпевшего, в частности — его содержания.

В связи с этим в науке сложилось мнение о том, что при написании заявления о прекращении уголовного дела потерпевший тем самым выражает свое согласие на применение ст. 25 УПК РФ, причем проявляя при этом инициативу. В то же время, согласно постановлению Пленума Верховного Суда, «освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон возможно при выпол-

нении двух условий: примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда» [9].

Вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением, играет важную роль в решении восстановительных задач процессуальной деятельности, в связи с чем многие ученые-процессуалисты высказывают предложения о необходимости дачи согласия на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. Так, Д.П. Чекулаев считает, что «согласие потерпевшего является одним из необходимых условий только для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон» [10]. Е.С. Трясейкина пишет: «Предоставление потерпевшему права заявить о прекращении уголовного преследования в порядке части 2 статьи 20 УПК РФ по уголовным делам частного обвинения и в порядке статьи 25 УПК РФ может расцениваться как такое распределение благоприятных для государства и общества целей, при котором прекращение уголовного преследования, в том числе за счет удовлетворения индивидуальных потребностей потерпевшего со стороны обвиняемого, признается социально более приемлемым, нежели реализация уголовной ответственности» [11]. С.П. Желтобрюхов отмечает: «Мириться либо не мириться, соответствует компенсированный вред причиненному преступлением или не соответствует — решает исключительно потерпевший. И если он считает, что причиненный преступлением ущерб ему возмещен, это его волеизъявление, и никто из участников уголовного судопроизводства не вправе давать свою оценку принесенной потерпевшему компенсации за причиненный вред» [12].

Представляется, что процитированные авторы не в полной мере учитывают публичное начало уголовного процесса при использовании ст. 25 УПК РФ, а также ситуации, которые могут возникнуть на практике. Ведь потерпевший, даже в случае заглаживания причиненного ему несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) вреда, может не написать заявление о примирении, причем никак не мотивировав свою позицию. Другое дело, что в законе следовало бы закрепить положение, согласно которому потерпевший (или его законный представитель), который возражает против прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (при наличии к тому оснований), был бы обязан изложить следователю (дознавателю) и суду мотивы своих возражений. Например, такое положение законодатель предусмотрел в случае отказа государственного обвинителя от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Таким образом, в ситуации, когда позиция потерпевшего не обоснована или мотивирована не желанием активно участвовать в предварительном след-

ствии или судебном разбирательстве непосредственно, а иными причинами, следователя (дознавателя) и суд целесообразно наделить обязанностью прекратить уголовное дело независимо от воли потерпевшего, если материальный и моральный вред был ему возмещен.

Кроме того, в определенных случаях в государстве издаются акты об амнистии или помиловании. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается вследствие акта об амнистии.

При этом для объявления амнистии не требуется согласие потерпевшего или его законного представителя. Однако даже это, на наш взгляд, не ущемляет права потерпевшего на судебную защиту и восстановление нарушенных преступлением прав и интересов.

По этому вопросу есть и иное мнение. Так, Е.А. Артамонова пишет: «Не менее актуальным остается вопрос ограничения прав и законных интересов потерпевшего при прекращении уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям. Сегодня закон предусматривает обязанность должностных лиц, уполномоченных прекращать уголовное преследование (дело), испрашивать согласие на прекращение уголовного преследования (дела) лишь у лица, совершившего преступное деяние (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). Это представляется неверным, так как ограничивает возможности потерпевшего при расследовании и рассмотрении уголовного дела отстаивать свои права и законные интересы, нарушенные преступным посягательством. Согласие потерпевшего наравне с согласием обвиняемого должно быть законодательно признано необходимым условием для прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям» [13]. В связи с этим Е.А. Артамонова предлагает законодательно закрепить согласие потерпевшего в качестве необходимого условия для прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям.

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24.04.2003 г. №7-П обратил внимание на то, что обязанность государства обеспечивать восстановление прав потерпевшего от преступления не предполагает наделяния его правом предопределять необходимость осуществления уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности. Такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов.

Вместе с тем, реализуя данное право, в том числе отказываясь от уголовного преследования отдельных категорий лиц вследствие амнистии, государство не должно ограничивать незывлемые конституционные права человека и гражданина, включая закрепленные ч. 1 ст. 46, ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений, которые, по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, не подлежат ограничению [14].

Полагаем, что в главе 50 УПК РФ необходимо закрепить норму, предусматривающую упрощенный порядок прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), в которой (в отличие от ст. 25 УПК РФ) получение заявления от потерпевшего (его законного представителя) на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон будет исключено. Так как по уголовным делам частного публичного и публичного обвинения принятие решения по делу не должно зависеть от воли потерпевшего (законного представителя), чтобы не нарушать тем самым публичный интерес, мы считаем, что воля потерпевшего должна учитываться только по уголовным делам частного обвинения, где инициатива возбуждения дела исходит непосредственно от потерпевшего. Там же, где имеется должностное лицо, призванное осуществлять уголовное преследование, принятие решения о прекращении дела должно осуществляться им.

Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (при наличии соответствующих условий) должно являться обязанностью органа, ведущего производство по делу, в связи с чем из уголовно-процессуального закона должно быть исключено участие в какой-либо форме потерпевшего (или его законного представителя) в принятии такого решения. В этом случае приоритетными должны являться интересы несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), а гарантией интересов потерпевшего может служить право на обжалование принятого решения, предусмотренное гл. 16 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29.11.1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. — М.: НОРМА-ИНФРА, 2000.
2. О необходимости поддержки восстановительного подхода к подростковой преступности: Левенская декларация от 13 мая 1997 г. // Правосудие по делам несовершеннолетних: перспективы развития. — М. Судебно-правовая реформа, 1999. — Вып. 1.
3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12082757/> (дата обращения: 30.10.2013).
4. Ткачев В.Н. Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области и ее распространение в регионах России [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rostoblud.ru/to_3524582 (дата обращения: 03.11.2013).
5. Марковичева Е.В. Ювенальное уголовное судопроизводство. Модели, функции, принципы. — М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2010. — С. 16.
6. Состояние преступности за 2010—2013 годы [Электронный ресурс]. — URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics> (дата обращения: 10.11.2013).
7. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 — 2017 годы: Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 23. — Ст. 2994.
8. Карнозова Л.М. Медиация как способ реагирования на деяния, запрещенные уголовным законом // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001 — 2011 гг.: сборник научных статей / под ред. И.Б. Михайловской. — М.: Проспект, 2012. — С. 137—172.
9. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.yourist-ufa.ru> (дата обращения: 10.11.2013).
10. Чекулаев Д.П. Участие потерпевшего в решении вопроса о прекращении уголовных дел [Электронный ресурс]. — URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=659 (дата обращения: 30.10.2013).
11. Трясейкина Е.С. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в условиях состязательности уголовного процесса // Общество и право. — 2011. — №1. — С. 18—21.
12. Желтобрюхов С.П. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон // Уголовный процесс. — 2005. — №1 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ugpr.ru/avtor4_serget_petrovich_zheltobruhov.html (дата обращения: 30.10.2013).

13. Артамонова Е.А. Права потерпевшего и права обвиняемого в уголовном судопроизводстве должны быть сбалансированы // Российская юстиция. — 2001. — №2. — С. 24—28.

14. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 г. № 7П [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=8401> (дата обращения: 12.11.2013).

REFERENCES

1. Minimalnyie standartnyie pravila Organizatsii Ob'edinennyih Natsiy, kasayushiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila): prinyaty 29.11.1985 g. Rezolyutsiei 40/33 na 96-m plenarnom zasedanii Generalnoy Assamblei OON. — М.: NORMA-INFRA, 2000.

2. О необходимости подderzhki vosstanovitel'nogo podhoda k podrostkovoy prestupnosti: Levenskaya deklaratsiya ot 13 maya 1997 g. // Pravosudie po delam nesovershennoletnih: perspektivy razvitiya. — М. Судебно-правовая реформа, 1999. — Вып.1.

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 1 fevralya 2011 g. №1 [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12082757/> (data obrascheniya: 30.10.2013).

4. Tkachev V.N. Opyitnaya model yuvenalnoy yustitsii v Rostovskoy oblasti i ee rasprostranenie v regionah Rossii [Elektronnyiy resurs]. — URL: http://www.rostobsud.ru/to_3524582 (data obrascheniya: 03.11.2013).

5. Markovicheva E.V. Yuvenalnoe ugovnoe sudoproizvodstvo. Modeli, funktsii, printsipy. — М.: Yuniti-Dana, Zakon i pravo, 2010. — S.16.

6. Sostoyanie prestupnosti za 2010—2013 godyi [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://mvd.ru/>

[presscenter / statistics](#) (data obrascheniya: 10.11.2013).

7. O Natsionalnoy strategii deystviy v interesah detey na 2012 — 2017 godyi: Ukaz Prezidenta RF ot 01.06.2012 g. № 761 // Sobranie zakonodatelstva RF. — 2012. — № 23. — St. 2994.

8. Karnozova L.M. Mediatsiya kak sposob reagirovaniya na deyaniya, zapreshchennyye ugovolnym zakonom // Ugolovno-protsessualnoe zakonodatelstvo RF 2001 — 2011 gg.: sbornik nauchnykh statey / pod red. I.B. Mihaylovskoy. — М.: Prospekt, 2012. — S. 137—172.

9. O primenenii sudami zakonodatelstva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 iyunya 2013 g. № 19 [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.yourist-ufa.ru> (data obrascheniya: 10.11.2013).

10. Chekulaev D.P. Uchastie poterpevshego v reshenii voprosa o prekraschenii ugovolnykh del [Elektronnyiy resurs]. — URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=659 (data obrascheniya: 30.10.2013).

11. Tryaseykina E.S. Prekraschenie ugovnogo dela v svyazi s primireniiem storon v usloviyakh sostyazatelnosti ugovnogo protsessa // Obschestvo i pravo. — 2011. — №1. — S. 18—21.

12. Zheltobryuhov S.P. Prekraschenie ugovnogo dela v svyazi s primireniiem storon // Ugolovnyiy protsess. — 2005. — №1 [Elektronnyiy resurs]. — URL: http://www.ugpr.ru/avtor4_sergeri_petrovich_zheltobryuhov.html (data obrascheniya: 30.10.2013).

13. Artamonova E.A. Prava poterpevshego i prava obvinyaemogo v ugovnom sudoproizvodstve dolzhny byt sbalansirovani // Rossiyskaya yustitsiya. — 2001. — №2. — S. 24—28.

14. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya punkta 8 Postanovleniya Gosudarstvennoy Dumyi ot 26 maya 2000 goda «Ob ob'yavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941—1945 godov» v svyazi s zhaloboy grazhdanki L. M. Zaporozhets: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.04.2003 g. № 7P [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=8401> (data obrascheniya: 12.11.2013).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Солонина Светлана Юрьевна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: solonina.vimvd@gmail.com
Россия, 39065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-44.

Solonina Svetlana Yuryevna. Post-graduate cadet of the criminal proceeding chair.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53, Tel. (473) 200-53-44.

Ключевые слова: восстановительное правосудие; несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый); примирение сторон; заглаживание причиненного вреда; прекращение уголовного дела.

Key words: restorative justice; minor suspect (defendant); conciliation of the parties; reparation for the damage caused; termination of criminal proceedings.

УДК 343.1

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Овсянников И.В.

Документальные проверки и ревизии как квазипроцессуальный феномен: монография / И.В. Овсянников. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2013. — 132 с.

Проводится сравнительный анализ данного института и института судебной экспертизы. Исследуется проблемный вопрос о доказательственном значении акта документальной проверки, ревизии. В криминалистическом аспекте вскрываются негативные последствия производства документальных проверок, ревизий на стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях экономической направленности.

Предназначена для следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов, судей, а также для научных работников, преподавателей, адъюнктов (аспирантов), студентов (слушателей, курсантов) юридических учебных заведений.

Н.Н. Балюк,
*Воронежский государственный
аграрный университет*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF TAX CRIMES

В статье содержится развернутый анализ юридических составов налоговых преступлений; исследуются проблемы определения объекта и предмета налогового преступления, характеристики объективной и субъективной стороны. Автор предлагает использование комплексного подхода к анализу объекта налоговых преступлений и их квалификации.

Article contains the developed analysis of legal structures of tax crimes; problems of definition of object and subject of a tax crime, the characteristic of the objective and subjective party are investigated. The author offers use of an integrated approach to the analysis of object of tax crimes and their qualification.

В отечественной уголовно-правовой науке анализ налоговых преступлений был постоянно сопряжен с трудностями классификации хозяйственных преступлений в целом и финансовых в частности. Действующий УК РФ помещает налоговые преступления в главу 24 с названием «Преступления в сфере экономической деятельности». Данное название представляет собой слишком обширную по смысловому значению формулировку и указывает на еще более масштабную сферу общественной жизни. Более того, оно практически дословно повторяет заголовок раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». На наш взгляд, такое несовершенство юридической техники негативно отражается на квалификации налоговых преступлений и порождает целый комплекс проблем.

Сфера преступного посягательства для налоговых преступлений имеет определяющее значение, так как выступает в качестве важнейшего квалифицирующего признака данной группы преступных деяний. Отечественные специалисты совершенно справедливо уточняют ее характер, подчеркивающий общественную опасность составов, закрепленных ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ. Исходя

из видового объекта преступления, как правило, выделяют отдельную группу в виде посягательств на общественные отношения, основанные на принципе добропорядочности субъектов экономической деятельности, и справедливо относят к ней налоговые преступления [23].

Продолжая систематизацию экономических преступлений по видовому объекту («общественные отношения и интересы, возникающие по поводу осуществления нормальной экономической деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг»), ученые также уточняют, что те могут быть разделены на подгруппы в зависимости от непосредственных объектов преступных посягательств. Исходя из этого, ими отмечены преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; в сфере кредитно-денежного обращения; в сфере финансовой и фискальной деятельности государства (ст. ст. 188—194, 198—199.2 УК РФ) [24].

Финансовая преступность уже длительное время считается самостоятельной разновидностью экономической преступности, и российские исследователи однозначно относят налоговые

преступления к преступлениям в сфере финансовой или финансово-кредитной деятельности (по родовому объекту), называя их совершаемыми против порядка уплаты таможенных платежей и налогов, где объектом охраны (преступного посягательства) выступают финансовые интересы государства [18, 23, 28].

Например, И. А. Клепицкий выделяет в качестве отдельной группы экономических преступлений преступления в сфере финансов (уклонение от уплаты налогов и таможенных платежей (ст. ст. 194, 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ)) [5], Б.В. Волженкин, детально конкретизируя объект финансового преступления, выделяет преступления против установленного порядка уплаты налогов и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды (налоговые преступления) в форме уклонения физического лица или организации от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды [2]. Кроме того, некоторые специалисты, отдельные ученые в сфере уголовно-правовой науки, в частности, полагают, что следует также выделять: 1) преступления в сфере формирования бюджета и внебюджетных фондов; 2) преступления в сфере обращения платежных средств; 3) преступления в сфере кредитования. К первой группе они относят налоговые преступления (ст. ст. 198—199.2), а также составы, закрепленные ст. ст. 192 и 194 УК РФ [28].

Финансовые преступления, как считает О.Г. Карпович, — это деяния, посягающие на отношения собственности, которые развиваются, изменяются и прекращаются внутри финансовой системы России [4].

Существует также интересная точка зрения, согласно которой финансовые преступления считаются системой преступлений в сфере финансовой безопасности и им соответствует определенный системный комплекс уголовно-правовых норм, который направлен на охрану общественных отношений в этой сфере [17]. Следует признать, что последствия финансовой (в том числе, налоговой) преступности усугубляют финансовые проблемы государства и в связи с этим являются одной из наиболее существенных угроз финансовой безопасности [8].

Становится очевидным, что при объективном анализе данной группы преступлений наблюдается смешение экономических и правовых критериев квалификации. Невозможно отрицать, что совершение налоговых преступлений, с одной стороны, направлено на деформацию отношений, возникающих по поводу реализации права государственной и муниципальной собственности, и с другой, опосредованно, — на разрушение всей финансовой системы государства.

Примечательным является тот факт, что обязанность всех граждан платить законно

установленные налоги и сборы закреплена Конституцией РФ (ст. 57) и является неотъемлемым элементом их правового статуса. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» в п. 1 прямо указал, что уклонение от уплаты налогов и сборов рекомендуется считать умышленным невыполнением конституционной обязанности платить законно установленные налоги и сборы, а общественная опасность в данном случае заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации.

Опираясь на господствующую в отечественной уголовно-правовой науке точку зрения, высказанную еще профессором А. Н. Трайниным, отметим, что объектом преступления могут быть только общественные отношения, при этом уточнения объекта могут производиться только в отношении конкретного объекта, который является элементом определенного преступления [21]. В свою очередь, Н. Ф. Кузнецова, анализируя содержание понятия «преступление» и «преступное деяние», также акцентировала внимание на том, что в процессе их совершения вред причиняется именно общественным отношениям [12].

По мнению других исследователей, логика рассуждения ученых, усматривающих в объекте преступления общественные отношения, позволяет обнаружить две исходные посылки:

1) объектом преступления признается то, чему преступление причиняет вред или создает угрозу его причинения; если общественному явлению не может быть причинен ущерб, оно не нуждается в уголовно-правовой охране;

2) преступление наносит вред или создает угрозу несения вреда именно общественным отношениям, а не чему-то иному (например, нормам права, правовому благу, имуществу и т.д.) [16].

Несмотря на то, что концепция объекта преступления как общественного отношения действительно господствовала в советском уголовном праве, существовала и другая точка зрения об объекте преступления как некоем комплексе явлений (интересов) в контексте общественного отношения, против которых преступление было направлено и которые охранялись уголовным правом. При этом Б. С. Никифоров также уточнял, что участники общественных отношений, носители соответствующих охраняемых правом интересов, государственные и общественные институты, которым преступление причиняет вред (ущерб), охватываются понятием охраняемого уголовным правом общественного отношения, то есть понятием объекта преступления, так как вместе с этими интересами они образуют объект преступления [15].

Как отмечал Н. И. Коржанский, совершение преступления действительно было возможно только в случае непосредственного воздействия на общественные отношения, элементами которого являются: субъекты (носители) общественных отношений; предмет (объект), по поводу которого осуществляется общественное отношение; социальная связь как содержание общественных отношений в рамках социальной деятельности субъектов [9].

Представляется, что данные уточнения являются верными и подчеркивают то обстоятельство, что понятие родового и видового объекта преступления зачастую не может исчерпываться абстрактным указанием только на виды общественных отношений. Полагаем, что социальные связи субъектов правоотношений и их законные интересы придают общественному отношению определенную направленность и позволяют наиболее точно определить объект преступного посягательства. Исходя из этого, предлагается считать объект налоговых преступлений сложносоставным, что вполне оправданно, так как в результате их совершения наносится вред не только финансово-бюджетной и налоговой системам Российской Федерации, но и ее финансовым интересам.

Итак, преступления, составы которых закреплены в ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ, полностью совпадают не только по родовому объекту (общественные отношения экономического характера и экономические интересы государства), но и видовому, которым являются финансовые и бюджетные отношения вкупе с финансовыми и бюджетными интересами государства. Непосредственный объект данной группы преступлений также может быть обобщен и сформулирован единообразно как общественные отношения, складывающиеся по поводу законодательно установленного порядка уплаты налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации, и конкретные финансовые интересы государства, возникающие в процессе установления, исчисления и взимания налогов и сборов.

Что касается предмета преступления, то для составов, закрепленных ст. ст. 198, 199 УК РФ, он также совпадает и представляет собой все налоги и сборы, подлежащие уплате физическими или юридическими лицами. Предмет преступления, закрепленного ст. 199.1 УК РФ, несколько отличен и представляет собой налоги, подлежащие исчислению и удержанию у налогоплательщика, а также последующему перечислению в бюджетную систему Российской Федерации. Предметом преступления, закрепленного ст. 199.2 УК РФ, являются денежные средства либо имущество юридического лица или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам.

В связи с этим И. Н. Соловьев полагает, что предметом налоговых преступлений (ст. ст. 198 и 199 УК РФ) в конечном итоге являются денежные суммы, уплачиваемые во исполнение налоговой обязанности и обязанности по уплате сборов [20]. Данная точка зрения нам близка, так как позволяет оценить невыплаченные налоги или сокрытое имущество в их денежном выражении, что на практике является единственно возможным и приемлемым вариантом.

В свое время профессор А. Н. Трайнин справедливо указывал, что характеризовать преступления следует именно по объективной стороне, в которой отражается их специфика и проходит грань, отделяющая преступное поведение от непроступного [21]. Профессор Н. Ф. Кузнецова подчеркивала, что субъективная и объективная стороны преступления одинаково важны, и ни одной из этих «диалектически связанных сторон поведения» не может отдаваться предпочтение. Преступное действие и бездействие, по ее справедливому мнению, имеют двуединую природу, то есть являются проявлением воле субъекта и выступают как причины определенных последствий воздействия человека на внешний мир [12]. Профессор В. Н. Кудрявцев особо выделял объективную сторону преступления и подчеркивал ее значение как внешнего проявления преступного поведения, рассматривая его как процесс противоправного посягательства на охраняемые уголовным законом интересы [11].

Объективную сторону налоговых преступлений, прежде всего, образуют способ их совершения в виде противоправного деяния или бездействия конкретного характера, а также их специальный квалифицирующий признак — крупный и особо крупный размер.

Принимая во внимание общественную опасность налоговых преступлений, О. Г. Карпович полагает, что составы всех налоговых преступлений УК РФ должны квалифицироваться как финансовое мошенничество. Сущность общественной опасности такого мошенничества определяется им объективной способностью подобных действий продуцировать негативные изменения в финансовой сфере, нарушать упорядоченность системы общественных отношений собственности, деформировать и вносить элементы дезорганизации в сложившийся порядок производства, распределения и обмена материальными благами и услугами [4].

Данная точка зрения, безусловно, вызывает интерес и выглядит обоснованной, однако способы совершения налоговых преступлений и мошеннических действий, на наш взгляд, различны, несмотря на схожую конечную цель — незаконное присвоение чужого имущества. В связи с этим также следует уточнить, что налоговые преступ-

ления являются посягательствами на государственную или муниципальную собственность в части формирования бюджетов соответствующего уровня, то есть имеют принципиально другой объект. Элементы объективной стороны, в частности способы совершения преступного деяния (бездействия), также не совпадают.

Способом негативного воздействия на общественные отношения при совершении преступления является в том числе разрыв социальной связи как содержания общественного отношения, что возможно при невыполнении субъектом возложенной на него обязанности [10] и наиболее характерно для налоговых преступлений. Способ совершения преступлений, закрепленных ст. ст. 198, 199 УК РФ, выражается в уклонении налогоплательщика от уплаты налогов и/или сборов путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений.

Под уклонением от уплаты налогов и/или сборов следует понимать действия или бездействие, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации соответствующего уровня.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, характеризуется противоправным бездействием, которое заключается в нарушении установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в бюджетную систему Российской Федерации законно установленных налогов.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, характеризуется противоправным деянием, которое заключается в сокрытии денежных средств либо иного имущества, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю — налогоплательщику (налоговому агенту, плательщику сборов), за счет которых должно производиться взыскание недоимки по налогам и/или сборам.

Рассматривая элементы объективной стороны преступления, А.П. Козлов отмечает, что действия и бездействия могут быть трех разновидностей: действие или бездействие по исполнению преступления, действие или бездействие как способ преступления и действие или бездействие по созданию способа [6]. В связи с тем, что бездействие сложнее квалифицировать, А. В. Корнеева указывает на субъективный критерий бездействия как на реальную возможность совершить конкретное действие в конкретной обстановке с учетом субъективных

свойств определенного лица. Чистым бездействием является прямое неисполнение лицом возложенной на него обязанности, а смешанным — частичное выполнение функции [10].

При этом А. И. Бойко выделяет две формы бездействия: полное и частичное — и делает вывод, что при криминализации бездействия законодатель явно продемонстрировал то, как он заботится о защите публичного интереса, особенно если при этом субъект преступления является специальным [1]. Более того, как подчеркивала Т. В. Церетели, само бездействие может иметь мотивирующее значение для поведения других лиц и может побудить их к активным действиям. При таких обстоятельствах оно становится способом совершения преступления [30].

В связи с этим полагаем, что для налоговых преступлений, рассмотренных выше, конкретные действия (бездействие) являются способом совершения преступления.

Обязательным квалифицирующим признаком преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ, является крупный или особо крупный размер неуплаченного налога или сбора или совокупности налогов и сборов. При квалификации учитывается размер неуплаченных налогов и/или сборов в пределах трех финансовых лет подряд, однако ответственность может наступить и за отдельный налоговый период, установленный НК РФ, если уклонение от уплаты одного или нескольких налогов (сборов) по сумме составило крупный или особо крупный размер и истекли установленные сроки их уплаты.

Большинство исследователей относят налоговые преступления к длящимся или продолжаемым противоправным деяниям (бездействию), которые считаются оконченными с момента фактической неуплаты налогов за определенный налоговый период [14, 25, 31]. Эту точку зрения почти опровергает Н. Ф. Кузнецова, которая полагает, что ввиду законодательного установления конкретных жестких сроков уплаты налогов и сборов налоговое преступление будет считаться оконченным в эти сроки. Следовательно, если в следующем финансовом году подобная ситуация повторится, такое преступление нельзя считать длящимся или продолжающимся, оно должно образовывать новый состав [13].

Действительно, и НК РФ, и УК РФ устанавливают сроки, по истечении которых может быть засвидетельствована неуплата налогов и сборов. Следовательно, длительность налогового преступления определяется длительностью конкретного налогового периода и предусматривает уголовную ответственность именно за этот период. Именно поэтому мы полностью согласны с Н.Ф. Кузнецовой и полагаем, что, если срок совершения налогового преступления значительно

превышает указанный в законе временной интервал, допустимо образование нового состава налогового преступления. В противном случае уголовное наказание может не соответствовать степени тяжести совершенного преступления.

Субъект всей группы налоговых преступлений является специальным, им признается налогоплательщик, его представитель или налоговый агент. Для составов, закрепленных ст. ст. 198, 199.2 УК РФ, это — достигшее шестнадцатилетнего возраста физическое лицо-налогоплательщик; индивидуальный предприниматель; частный нотариус; адвокат, учредивший адвокатский кабинет; глава крестьянского (фермерского) хозяйства; иное физическое лицо, осуществляющее представительство в совершении действий, регулируемых налоговым законодательством; иное лицо, фактически осуществляющее свою предпринимательскую деятельность через подставное лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя.

Для составов, закрепленных ст. ст. 199, 199.2 УК РФ, субъект преступления — это лица, на которых в соответствии с их должностным или служебным положением возложены обязанности подписания отчетной документации в налоговые органы и обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов. Среди таких лиц должны быть названы: руководитель юридического лица; главный бухгалтер (бухгалтер) юридического лица; иное лицо, специально уполномоченное органом управления юридического лица на совершение указанных действий; лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера) юридического лица.

Дополнительным квалифицирующим признаком состава, закрепленного ч. 2 ст. 199 УК РФ, является совершение уклонения от уплаты налогов и сборов с организации, совершенное группой лиц по предварительному сговору. В этом случае Верховный Суд РФ рекомендует квалифицировать содеянное по пункту «а» ч. 2 ст. 199 УК РФ, если указанные выше лица заранее договорились о совместном совершении действий, направленных на уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации.

А. П. Козлов полагает, что такое соучастие следует квалифицировать как преступную группу с предварительным соглашением, стихийно образованную, без глубокого планирования преступления и конкретизации роли каждого из участников. Такое преступное образование является одноразовым, исключение составляют случаи привлечения к уголовной ответственности по нескольким составам [7].

В качестве специального субъекта преступления, закрепленного ст. 199.1 УК РФ, указан налоговый агент, которым в соответствии с п. 1 ст. 24 НК РФ является лицо, на которое возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации. Как правило, обязанность налогового агента по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов возникает у юридических лиц, перечень которых установлен НК РФ.

Субъективная сторона всех налоговых преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ, характеризуется исключительно прямым умыслом и целью полной или частичной неуплаты налогов и/или сборов. В данной связи Конституционный Суд Российской Федерации признал составообразующим только такое деяние, которое совершается с прямым умыслом и направлено на избежание уплаты налога или сбора в нарушение установленных налоговым законодательством правил (Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П).

Следует отметить, что при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела, возбужденного по ст. ст. 198, 199 УК РФ, недопустимо устанавливать ответственность за такие действия или бездействие налогоплательщика, которые имеют следствием неуплату налога либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога (налоговых льгот) или выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности или оптимального вида платежей. Помимо этого при решении вопроса о наличии у лица умысла на уклонение от уплаты налога (сбора) Верховный Суд РФ рекомендует учитывать обстоятельства, исключаящие вину лица в совершении налогового правонарушения (ст. 111 НК РФ).

В советском уголовном праве сложилось понятие вины, которое превалирует и в современной науке. Под виной традиционно понималось психическое отношение субъекта преступления к совершенному им деянию в форме умысла или неосторожности [32]. Советскими учеными также были установлены существенные признаки вины как общего основания уголовной ответственности:

1) наличие субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих преступника, совершенное им преступление, его последствия, условия и мотивы совершения;

2) отрицательная общественная (морально-политическая) оценка всех указанных обстоятельств;

3) убеждение суда, что действия преступника на основании этой оценки должны повлечь за собой уголовную ответственность [29].

Как уже отмечалось, указанное понятие вины надежно закрепилось в отечественной уголовно-правовой науке, что является вполне оправданным даже с позиции современных реалий общественной жизни [22, 26, 27]. Умышленная форма вины, в свою очередь, может выражаться в осознании преступником общественной опасности совершенного действия или в предвидении и желании, или сознательном допущении общественно опасных последствий [3].

Действительно, важным обстоятельством для квалификации является то, что вина как психическое отношение личности к происхождению подчеркивает наличие осознанности при совершении преступления. Отсюда специалисты оценивают вину как психическую оценку личностью собственного поведения в конкретной ситуации [33].

В процессе анализа современных законодательных формулировок, закрепляющих содержание и формы вины, специалисты также приходят к выводу о том, что вина в действующем УК РФ — это степень осознания лицом характера совершаемых им действий (бездействия) и их последствий, где осознание преступником своих действий включает в себя осознание общественной опасности совершаемых действий, их уголовной, гражданской, конституционной, административной противоправности, а также того, что его действия нарушают нормы других отраслей права, нормы морали, не одобряются обществом и др. [19].

Таким образом, проанализировав все составы (ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ), мы пришли к выводу о том, что налоговые преступления отнесены законодателем к группе экономических преступлений обоснованно и должны классифицироваться как разновидности финансовых преступлений. Внутри этого массива они образуют особую группу, так как подрывают основы финансово-фискальной системы государства и наносят вред бюджету соответствующего уровня.

Полагаем целесообразным рассматривать объект налоговых преступлений сложносоставным и принимать во внимание не только виды общественных отношений, правовые институты, но и соответствующие им общественные интересы. Исходя из этого, преступления, составы которых закреплены в ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ, полностью совпадают не только по родовому (общественные отношения экономического характера и экономические интересы государства), но и видовому объекту (финансовые и бюджетные отношения в совокупности с финансовыми и бюджетными интересами государства).

Непосредственным объектом налоговых преступлений являются общественные отношения,

складывающиеся по поводу установленного порядка уплаты налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации, и финансовые интересы государства, возникающие в процессе установления, исчисления и взимания налогов и сборов с граждан и организаций. Однако в конечном итоге предметом всех налоговых преступлений, независимо от их состава, являются исключительно денежные средства, в которых выражается вся сумма налога (сбора) или недоимки.

Полагаем необходимым уточнить вопрос о сроке налоговых преступлений, который точно ограничивается определенным налоговым периодом, что не позволяет относить их к категориям длящихся или продолжающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко А.И. Преступное бездействие. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 320 с.
2. Волженкин Б.В. Экономические преступления. — СПб: Юридический центр Пресс, 1999. — 312 с.
3. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. — М.: Юридическая литература, 1972. — 264 с.
4. Карпович О.Г. Понятие, признаки и виды финансового мошенничества // Юридический мир. — 2010. — № 8. — С. 38—40.
5. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. — М.: Статут, 2005. — 572 с.
6. Козлов А.П. Понятие преступления. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 819 с.
7. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 362 с.
8. Кондрат Е.Н. Финансовая преступность как объект финансового контроля // Российская юстиция. — 2011. — № 11. — С. 56—60.
9. Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: учебное пособие. — Волгоград, 1976. — 120 с.
10. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений / под ред. А. И. Рагоа. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008. — 176 с.
11. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. — М.: Госюриздат, 1960. — 244 с.
12. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 834 с.
13. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу / науч. ред. В. Н. Кудрявцева. — М.: Городец, 2007. — 336 с.
14. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. — М.: Юридическая литература, 2004. — 832 с.
15. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1960. — 230 с.

16. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. — М.: Норма, 2001. — 208 с.

17. Петросян О.Ш. К вопросу о месте преступлений в сфере обеспечения финансовой безопасности в системе Особенной части УК РФ // Юридический мир. — 2011. — № 1. — С. 8—11.

18. Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Проспект, 2007. (Т. 2. Особенная часть) — 664 с.

19. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 326 с.

20. Соловьев И.Н. Налоговые преступления и преступность. — М.: Экзамен, 2006. — 526 с.

21. Трайнин А.Н. Избранные труды. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 898 с.

22. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2006. — 540 с.

23. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. — М.: Эксмо, 2009. — 704 с.

24. Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 808 с.

25. Уголовное право России: курс лекций / под ред. А.И. Рарога. — М.: ТК Велби, Проспект, 2007. — 496 с.

26. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. — М.: Норма, 2005. (Т. 1. Общая часть) — 592 с.

27. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2005. — 553 с.

28. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Гаухмана, С.В. Максимова. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2005. — 704 с.

29. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. — М.: Госюриздат, 1950. — 320 с.

30. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. — М.: Госюриздат, 1963. — 383 с.

31. Черненко Т.Г., Силаев С.О. соотношении длящихся и продолжаемых преступлений (на примере уклонения от уплаты налогов и сборов) // Уголовное право. — 2010. — № 4. — С. 73-78.

32. Шаргородский М.Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. — М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1945. — 56 с.

33. Якушин В.А., Каштанов К.Ф. Вина как основа субъективного вменения. — Ульяновск: Средневожский научный центр, 1997. — 65 с.

REFERENCES

1. Boyko A.I. Prestupnoe bezdeystvie. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. — 320 s.

2. Volzhenkin B.V. Ekonomicheskie prestupleniya. — SPb: Yuridicheskiy tsentr Press, 1999. — 312 s.

3. Zlobin G.A., Nikiforov B.S. Umyisel i ego formy. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1972. — 264 s.

4. Karpovich O.G. Ponyatie, priznaki i vidy finansovogo moshennichestva // Yuridicheskiy mir. — 2010. — № 8. — S. 38—40.

5. Klepitskiy I. A. Sistema hozyaystvennykh prestupleniy. — M.: Statut, 2005. — 572 s.

6. Kozlov A.P. Ponyatie prestupleniya. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. — 819 s.

7. Kozlov A. P. Souchastie: traditsii i re-álnost. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2001. — 362 s.

8. Kondrat E.N. Finansovaya prestupnost kak ob'ekt finansovogo kontrolya // Rossiyskaya yustitsiya. — 2011. — № 11. — S. 56—60.

9. Korzhanskiy N.I. Ob'ekt posyagatelstva i kvalifikatsiya prestupleniy: uchebnoe posobie. — Volgograd, 1976. — 120 s.

10. Korneeva A.V. Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestupleniy / pod red. A. I. Raroga. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2008. — 176 s.

11. Kudryavtsev V.N. Ob'ektivnaya storona prestupleniya. — M.: Gosyurizdat, 1960. — 244 s.

12. Kuznetsova N.F. Izbrannyye trudy. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. — 834 s.

13. Kuznetsova N.F. Problemy kvalifikatsii prestupleniy: lektzii po spetskursu / nauch. red. V. N. Kudryavtseva. — M.: Gorodets, 2007. — 336 s.

14. Naumov A.V. Rossiyskoe ugovnoe pravo: kurs lektsiy: v 2 t. — M.: Yuridicheskaya literatura, 2004. — 832 s.

15. Nikiforov B.S. Ob'ekt prestupleniya po sovetскому ugovnomu pravu. — M., 1960. — 230 s.

16. Novoselov G. P. Uchenie ob ob'ekte prestupleniya. — M.: Norma, 2001. — 208 s.

17. Petrosyan O.Sh. K voprosu o meste prestupleniy v sfere obespecheniya finansovoy bezopasnosti v sisteme Osobnoy chasti UK RF // Yuridicheskiy mir. — 2011. — № 1. — S. 8—11.

18. Rossiyskoe ugovnoe pravo: uchebnik: v 2 t. / Pod red. L.V. Inogamovoy-Hegay, V. S. Komissarova, A. I. Raroga. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Проспект, 2007. (Т. 2. Osobennaya chast) — 664 s.

19. Sklyarov S.V. Vina i motivy prestupnogo povedeniya. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. — 326 s.

20. Solov'ev I.N. Nalogovyye prestupleniya i prestupnost. — M.: Ekzamen, 2006. — 526 s.

21. Traynin A.N. Izbrannyye trudyi. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. — 898 s.
22. Uголовное право Rossii. Obschaya chast / pod red. V.N. Kudryavtseva, V.V. Luneeva, A.V. Naumova. — 2-e izd., perab. i dop. — M.: Yurist', 2006. — 540 s.
23. Uголовное право Rossii. Osobennaya chast: uchebnik / pod red. A.I. Raroga. — M.: Eksmo, 2009. — 704 s.
24. Uголовное право Rossii. Prakticheskiy kurs / pod obsch. red. A.I. Bastyrikina; pod nauch. red. A.V. Naumova. — M.: Volters Kluver, 2007. — 808 s.
25. Uголовное право Rossii: kurs lektsiy / pod red. A.I. Raroga. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2007. — 496 s.
26. Uголовное право Rossii: uchebnik dlya vuzov: v 2 t. / pod red. A.N. Ignatova, Yu.A. Krasikova. — M.: Norma, 2005. (T. 1. Obschaya chast) — 592 s.
27. Uголовное право Rossiyskoy Federatsii. Obschaya chast: uchebnik / pod red. L.V. Inogamovoy-Hegay, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. — M.: INFRA-M, KONTRAKT, 2005. — 553 s.
28. Uголовное право. Osobennaya chast: uchebnik / pod red. L.V. Gauhmana, S.V. Maksimova. — 2-e izd. pererab. i dop. — M.: Eksmo, 2005. — 704 s.
29. Utevskiy B.S. Vina v sovetskom ugovnom prave. — M.: Gosyurizdat, 1950. — 320 s.
30. Tsereteli T.V. Prichinnaya svyaz v ugovnom prave. — M.: Gosyurizdat, 1963. — 383 s.
31. Chernenko T.G., Silaev S.O. sootnoshenii dlyaschihsya i prodolzhaemyih prestupleniy (na primere ukloneniya ot uplatyi nalogov i sborov) // Uголовное право. — 2010. — № 4. — S. 73-78.
32. Shargorodskiy M.D. Vina i nakazanie v sovetskom ugovnom prave. — M.: Yurid. izd. NKYu SSSR, 1945. — 56 s.
33. Yakushin V.A., Kashtanov K.F. Vina kak osnova sub'ektivnogo vmeneniya. — Ulyanovsk: Srednevolzhskiy nauchnyiy tsentr, 1997. — 65 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Балюк Надежда Николаевна. Ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин.
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I.
E-mail: civil_law@pedagogik.vsau.ru
Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Мичурина, 1. Тел.: (473) 253-79-17.

Baliuk Nadezhda Nikolaevna. Assistant of the chair of civil disciplines.
Voronezh State Agricultural University named by Emperor Peter I.
E-mail: civil_law@pedagogik.vsau.ru
Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Мичурина, 1. Тел. (473) 253-79-17.

Ключевые слова: налоговые преступления; финансовая преступность; состав преступления; квалификация преступлений; объект преступления; объективная сторона; субъективная сторона; субъект преступления; умысел.

Keywords: tax crimes; financial crime; crime structure; qualification of crimes; object of a crime; objective party; subjective party; subject of a crime; intention.

УДК 347

А.Л. Пошвин,
*Управление ФСКН России
по Воронежской области*

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

THE POSSIBILITIES OF DIAGNOSTIC JUDICIAL HANDWRITING STUDIES DURING THE PROCESS OF CRIMINAL CASES INVESTIGATION IN THE SPHERE OF ILLICIT TRAFFIC IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Статья содержит информацию о существующих методиках по установлению пола и возраста исполнителей рукописных текстов, о возможностях и некоторых результатах их практического применения в экспертно-криминалистической службе Управления ФСКН России по Воронежской области.

This article contains information on existing methods of age and sex establishing of handwritten texts performers, the possibilities and some results of their practical application in the Forensics Department of the Authority of Federal Drug Control Service of the Russian Federation in Voronezh region.

За последние годы большую актуальность в деятельности органов наркоконтроля приобрела необходимость проведения почерковедческих исследований диагностического характера. Так, из 152 почерковедческих исследований, проведенных экспертами экспертно-криминалистической службы Управления ФСКН России по Воронежской области в 2011 году, 23 являлись диагностическими (в 2010 — 67, из них 9 — диагностические). Результаты исследований на ранней стадии расследования уголовных дел позволяли получать объективные данные, которые заметно сужали круг потенциальных исполнителей исследуемых рукописей.

Итак, что же такое диагностическое исследование почерка и какие задачи оно позволяет решать?

Диагностика (от греч. «dianostikos» — учение о методах и принципах распознавания [1]) является особой формой познавательной деятельности человека, направленной на распознавание сущности и состояния объектов, явлений материального мира и возможности их практического исследования. Таким образом, диагностика позволяет распознать сходство объекта с ранее известным, дифференцировать его от ему подобных и определить его свойства, качества, состояния и т.д. [2].

К задачам диагностических исследований почерка относится определение:

- 1) общефизических свойств личности исполнителя (пола, возраста и т.д.);
- 2) психофизиологических и патологических состояний личности в момент исполнения рукописи;
- 3) различных навыков писавшего: професси-

ональных, стенографических, чертежных и т.д.;

4) социально-демографических данных о личности (национальность, уровень образования и т.д.);

5) индивидуальных качеств личности (например, аккуратность, неряшливость и т.д.).

Все перечисленные задачи диагностических исследований направлены на сужение круга предполагаемых исполнителей.

В статье мы остановимся на конкретных методиках, позволяющих экспертам решать такие задачи диагностического характера, как установление пола и возраста исполнителя.

На практике наибольшее распространение получили методики установления по почерку пола исполнителя.

Так, в 1970 году коллективом авторов ВНИИ МВД СССР впервые была предложена методика дифференциации рукописей на мужские и женские [3]. Разработка данного метода осуществлялась на 480 рукописях, выполненных высоковыработанным почерком, в процессе чего разработчики установили комплекс признаков. Наиболее информативными оказались 21. У каждого из признаков существует свой коэффициент вероятности, являющийся количественным показателем его информативности в процессе установления пола исполнителя исследуемой рукописи. Десять признаков с коэффициентом в пределах от 1,3 до 2,43 наиболее распространены в почерках мужчин, а 11 — с коэффициентом в пределах от 0,35 до 0,82 — чаще встречаются в рукописях женщин.

К достоинствам метода необходимо отнести несложность методики и высокий процент надежности, но обязательными условиями его применения являются обычность выполнения исследуемой рукописи, достаточный объем (не менее одной страницы стандартного листа бумаги) и высокая степень выработанности почерка [3].

Необходимо остановиться на работе коллектива авторов ВНИИСЭ МЮ СССР, которые в 1974 году предложили метод распознавания по мало- и средневыработанному почерку возраста и пола исполнителя рукописи [4]. В основе данного метода лежит математический подход при обработке признаков путем оценки суммы их коэффициентов. Половая принадлежность данным методом выявляется после определения возраста исполнителя. Учитывая, что возможность распознавания пола находится в прямой зависимости от уровня образования пишущего, уверенно определить пол исполнителя рукописи можно начиная с возраста школьников 7 класса. Для этих целей в соответствующей возрастной группе используются суммы коэффициентов и графики распределения этих сумм в каждой группе разнополых лиц [1].

Сложность математических расчетов, трудоемкость освоения и применения данного метода предопределили его существенную модификацию, результатом которой стала методика установления пола исполнителя по средневыработанному почерку [4].

Этот метод авторы подготовили на основе данных эксперимента по подсчету частот встречаемости признаков в почерках разных групп лиц, проведенного З.И. Кирсановым и А.П. Рогозиным.

Процесс исследования рукописей складывается из трех этапов. На первом этапе устанавливается пригодность рукописи для решения задачи, необходимыми условиями которой являются: обычное выполнение рукописи, достаточный объем (не менее 1,5-2 страниц текста) и средняя или несколько выше средней степень выработанности почерка. На втором этапе выявляется информативность признаков. Для этого авторы метода разработали таблицу, состоящую из 41 признака и содержащую их графическое изображение, качественное описание и количественный показатель информативности. На третьем этапе исследования эксперт оценивает выявленную совокупность признаков и принимает решение. Данный метод заметно отличается от ранее разработанного меньшей сложностью и более высокой надежностью результатов [5].

Практика применения почерковедами методик установления по почерку пола исполнителя показала высокую надежность получаемых результатов, а также простоту их освоения и применения. Однако при этом требуется значительный объем почеркового материала (1-2 страницы рукописного текста). На практике рукописные тексты большого объема встречаются крайне редко, поэтому применение данных методик не всегда возможно. Показателен тот факт, что экспертная методика дифференциации рукописей на мужские и женские применялась экспертами экспертно-криминалистической службы Управления ФСКН России за последние три года всего один раз.

Чаще всего объектами указанных диагностических исследований, проводившихся экспертами службы, выступали краткие записи, состоящие из 3-10 слов и расположенные на почтовых конвертах и содержащихся в них вложениях.

Здесь стоит отметить, что в настоящее время почтовый канал является одним из основных источников поступления наркотиков в незаконный оборот на территорию Воронежской области и достаточно активно используется для доставки различных видов наркотиков. Тому подтверждение — выявленные фак-

ты пересылки героина, амфетамина, марихуаны, метадона, производных эфедрона и других наркотических средств. География поступления наркотиков в незаконный оборот на территорию Воронежской области обширна — Москва, Санкт-Петербург и другие города России, а также Украина, Нидерланды, Литва, Великобритания. Всего в январе—декабре 2011 года сотрудниками управления было перекрыто 50 каналов поставки наркотиков, из них 20 — почтовой связи. И как следствие рост количества уголовных дел о преступлениях, связанных с пересылкой наркотических средств и психотропных веществ, находившихся в производстве следственной службы Управления. Так, в 2010 году количество таких дел составило 23, а в 2011 году — уже 32.

В связи с ограниченностью в большинстве случаев объема почерковой информации в представляемых объектах для решения вопроса об установлении пола исполнителя применялась методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов.

Метод определения пола исполнителя кратких рукописных текстов с использованием почерковой информации в прописных и строчных буквах русского алфавита был предложен в 1990 году авторским коллективом Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР во главе с А.Б. Левицким [6].

В процессе разработки методики авторами были проведены исследования признаков почерка в прописных буквах русской скорописи, которые, ввиду особенностей своей конструкции, несут большую идентификационную и диагностическую информацию, чем строчные. Здесь необходимо добавить, что в вышеназванных методиках установления пола исполнителя рукописей использовались лишь сведения о частоте встречаемости признаков почерка в строчных буквах русского алфавита, а исследования признаков в прописных буквах русской скорописи не проводились.

Анализ признаков с целью поиска критериев разграничения мужских и женских рукописей проводился авторами методики на 800 образцах с использованием ЭВМ.

В процессе апробации методики, проводившейся по 100 образцам рукописных текстов, были получены следующие результаты: ошибочный вывод — один, отказ от решения вопроса — 12%. Наряду с этим проводилась апробация методики на рукописях, выполненных на языках народов СССР, использующих в своей письменности кириллицу [6].

Данная методика включает в себя следующие этапы исследования:

1. Установление пригодности объекта для решения задачи.

2. Выделение признаков и определение их суммарной информативности.

3. Выбор уровня доверия при принятии решения по отдельной букве и определение величины суммарной информативности букв.

4. Принятие решения о поле исполнителя рукописи, оценка вероятности ошибки и вывод.

Условия применения методики:

1. Текст должен быть выполнен почерком не ниже средней степени выработанности, независимо от его структурной сложности;

2. Использование метода недопустимо, если рукопись выполнена намеренно измененным почерком или в необычных условиях;

3. Необходимый объем исследуемого текста находится в зависимости от количества и информативности выделенных признаков: чем выше информативность, тем меньше требуется признаков (а значит, и самих письменных знаков) для решения вопроса и обоснования выводов.

После определения пригодности рукописи для исследования проводится выделение в прописных и строчных буквах частных признаков почерка согласно специальным таблицам, разработанным авторами данной методики. Далее суммируются соответствующие им значения информативности (вес признака). Данные значения суммируются по каждой прописной букве в отдельности, а построчным — в целом. Если нет уверенности в отнесении выделенного признака к тому или иному табличному варианту, то этот признак не учитывается. Для удобства и наглядности подсчета суммарной информативности признаков рекомендуется заполнять таблицу. По значению суммарной информативности выделенной совокупности букв принимается решение о поле исполнителя рукописи [6].

По итогам практического применения данной методики, начиная с 2005 года по настоящий момент, можно отметить следующие положительные аспекты. Во-первых, указанная методика зарекомендовала себя как достаточно эффективная и надежная. Полученные результаты находили свое подтверждение в ходе расследования уголовных дел, т.е. пол исполнителя устанавливался верно. Во-вторых, условия применения позволили использовать методику почти во всех случаях. Из числа проведенных в 2011 году исследований только один раз экспертом был дан вывод о невозможности решения поставленного вопроса. В остальных же случаях эксперт приходил к выводу о поле исполнителя с высокой долей вероятности. В-третьих, данный метод зарекомендовал себя достаточно неслож-

ным в освоении и применении. Так, в 2012 году в ходе проведения обучения сотрудников ЭКП органов наркоконтроля на базе экспертно-криминалистической службы Управления ФСКН России по Воронежской области по специальности «Почерковедческая экспертиза» в рамках предусмотренной темы «Диагностические и ситуационные исследования почерка. Установление исполнителя рукописного текста» были проведены теоретические и практические занятия по применению данного метода, обучаемые весьма успешно освоили применение данной методики при производстве учебной экспертизы.

Не вызывает сложностей и оформление результатов экспертного заключения, которое составляется по общей схеме для всех почерковедческих экспертиз: вводная часть пишется как обычно, в исследовательской — после описания общих признаков исследуемого почерка делается ссылка на используемую методику и перечисляются выявленные признаки с указанием значений информативности в табличной форме.

Теперь остановимся подробнее на существующих методиках определения возраста исполнителя рукописи.

Как уже отмечалось выше, З.И. Кирсановым и А.П. Рогозиным была предложена методика [4], на первом этапе применения которой по почерку распознается возраст исполнителя рукописи. В своей работе авторы дифференцировали исполнителей на три возрастные группы:

- подростки до 15 лет;
- учащиеся 8—10 классов и взрослые до 24 лет, имеющие образование 5—8 классов, но малую практику письма;
- взрослые от 25 лет с малой практикой письма.

В процессе проведенного исследования с последующей оценкой полученной суммы коэффициентов признаков эксперт может прийти к выводу о принадлежности исполнителя к установленной возрастной группе со степенью надежности более 90%, также возможно вероятное суждение о возрасте либо отказ от решения поставленного вопроса [1].

В 1984 году Т.А. Чепульченко и А.В. Смирнов в своей работе дифференцировали возраст исполнителя рукописи на пожилой или старческий и молодой или средний [7].

Авторы метода выявили 17 признаков, с помощью которых можно дифференцировать почерк. Каждый признак получил свое описание и условную значимость, а также показатель частоты встречаемости в почерках лиц данной категории. Эти сведения приведены в таблице и прилагаются к описанию метода.

В процессе проведения исследования эксперт выявляет в рукописи необходимые признаки, описывает их вместе с дифференционной значимостью и суммирует показатели. Необходимые условия применения данного метода: достаточный объем исследуемой рукописи (560 знаков), обычность выполнения рукописи и высокая степень выработанности почерка [1].

Практическое применение в экспертно-криминалистической службе Управления ФСКН России по Воронежской области начиная с 2006 года и по сегодняшний день получила методика определения возраста исполнителя рукописных текстов, на которой хотелось бы остановиться более подробно.

Методика была предложена в 1995 году авторским коллективом Экспертно-криминалистического центра МВД России во главе с А.Б. Левицким [8], в отличие от вышеописанных методик разработчики выделили шесть возрастных групп исполнителей: не более 19 лет, 20—24, 25—33, 34—37, 38—43, более 43 лет.

В качестве исходного набора признаков для описания рукописей авторы выбрали частные признаки почерка как прописных, так и строчных букв русской скорописи. Анализ признаков проводился на 690 образцах.

Методика прошла успешную апробацию на материалах почерковедческих экспертиз и исследований, проведенных в ЭКЦ МВД России, а также образцах рукописных текстов, выполненных мужчинами и женщинами.

Методика включает в себя пять этапов проведения исследования:

1. Установление пригодности объекта для решения задачи.
2. Выделение признаков почерка.
3. Определение суммарной информативности признаков по каждой букве.
4. Определение величины суммарной информативности всех выделенных букв.
5. Принятие решения о возрасте исполнителя рукописи. Оценка ошибки либо общий вывод.

Соблюдение требуемых условий и последовательности выполнения каждого этапа работы позволяет достаточно надежно и обоснованно решить поставленную задачу.

Условия применения методики:

1. Рукописный текст должен быть выполнен почерком не ниже средней степени выработанности независимо от его структурной сложности.
2. Рукопись должна быть выполнена в обычных условиях (если рукопись выполнена намеренно измененным почерком или в необычных условиях, использование методики недопустимо).

3. Необходимый объем исследуемого текста находится в зависимости от количества и информативности выделенных признаков: чем выше информативность, тем меньше требуется признаков (а значит, и самих письменных знаков) для решения вопроса и обоснования выводов. Оптимальное количество прописных букв, необходимых для принятия решения, — десять; если их меньше или они малоинформативны, вероятность решения вопроса снижается.

После определения пригодности рукописи для исследования проводится выделение в буквах частных признаков почерка, указанных в специальных таблицах, разработанных авторами методики. Для удобства и наглядности подсчета суммарной информативности признаков в буквах рекомендуется заполнять таблицу. Полученные значения суммируются, а далее принимается решение о возрасте исполнителя, оценивается вероятность ошибки и делается вывод [8].

По результатам практического применения данной методики в экспертно-криминалистической службе, следует выделить те же положительные моменты, что и в методике определения пола исполнителя кратких рукописных текстов, разработанной этим же авторским коллективом.

Пример оформления применения данной методики изложен авторами в своей работе.

В качестве положительного примера приведем случай из практики Управления ФСКН России по Воронежской области.

20 января 2012 г. в ходе проведения ОРМ «Контроль почтовых отправлений», а также последовавшего за ним ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования» в служебном кабинете УФПС Воронежской области филиала ФГУП «Почта России» по адресу: г. Воронеж, ул. Кольцовская, 14 «а» сотрудниками УФСН России по Воронежской области был изъят почтовый конверт с вложением из листа бумаги формата А4 и свертка, содержащего вещество растительного происхождения (наркотическое средство JWH-210 — производное JWH-122). На конверте в графах отправителя и получателя были расположены соответствующие рукописные записи.

Проведенным почерковедческим исследованием с применением методики определения пола исполнителя кратких рукописных текстов [9] было установлено, что записи, расположенные на лицевой стороне почтового конверта, выполнены мужчиной, вероятность вывода составила свыше 95%. По результатам проверки исследуемого рукописного текста по почерковедческим учетам ЭКС Управления установить исполнителя записей не удалось. В ходе дальнейших опе-

ративно-розыскных мероприятий, в том числе с использованием полученной почерковедческой информации о поле исполнителя, было установлено, что данный конверт был отправлен Горбуновым А.В., который был впоследствии задержан. Поиск отправителя был осложнен и тем, что в графах отправителя почтового конверта был указан несуществующий адрес. Как пояснил впоследствии задержанный, зная о том, что незаконный оборот наркотиков на территории РФ запрещен, он в целях конспирации в графе «От кого» собственноручно написал вымышленный адрес и имя.

В ходе дальнейшего расследования уголовного дела у Горбунова А.В. были отобраны экспериментальные, а также изъяты свободные образцы почерка. Проведенной почерковедческой экспертизой было установлено, что рукописные записи на почтовом конверте выполнены самим Горбуновым А.В.

18 июня 2012 г. приговором Центрального районного суда г. Воронежа гр. Горбунов А.В. признан виновным в совершении преступления, ст. 228-1, ч. 3, п. «г» УК РФ) и осужден на 4 года условно с испытательным сроком 2 года.

Автор статьи надеется, что представленная информация будет полезной для сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, специализирующихся на исследовании почерка, и позволит им более квалифицированно и успешно решать поставленные перед ними задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / под ред. В.В. Серегина. — Волгоград: ВА МВД России, 2002. — 228 с.
2. Серегин В.В., Шкоропат Е.А. Диагностические исследования в почерковедческой экспертизе // Современные проблемы теории и практики криминалистического исследования документов. — Волгоград: ВА МВД России. — 2007. — С. 69—70.
3. Кулагин П.Г., Колонутова А.И.. Экспертная методика дифференциации рукописей на мужские и женские: пособие для экспертов-криминалистов. — М., 1970. — 60 с.
4. Кирсанов З.И., Рогозин А.П. Методика распознавания по почерку возраста и пола исполнителя рукописи. Вероятностно-статистические методы почерковедческих исследований. — М., 1974. — 74 с.
5. Каюнов О.Н., Сахарова Н.Г., Смирнов А.В. Модификационный метод определения пола исполнителя рукописи по средневыврабатанному почерку // Экспертная практика и новые методы исследования. — 1982. — №9. — С. 24—26.

6. Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов / А.Б. Левицкий [и др.]. — М., 1990. — 185 с.

7. Чепульченко Т.А., Смирнов А.В. Установление пожилого и старческого возраста исполнителя рукописного текста. — М., 1984. — 122 с.

8. Методика определения возраста исполнителя рукописных текстов / А.Б. Левицкий [и др.]. — М., 1995. — 255 с.

9. Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов / А.Б. Левицкий [и др.]. — М., 1990. — 240 с.

REFERENCES

1. Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ekspertiza: kurs lektsiy / pod red. V.V. Seregina. — Volgograd: VA MVD Rossii, 2002. — 228 s.

2. Seregin V.V., Shkoropat E.A. Diagnosticheskie issledovaniya v pocherkovedcheskoy ekspertize // Sovremennyye problemy teorii i praktiki kriminalisticheskogo issledovaniya dokumentov. — Volgograd: VA MVD Rossii. — 2007. — S. 69—70.

3. Kulagin P.G., Kolonutova A.I.. Ekspert-naya metodika differentsiatsii rukopisey na muzhskie i zhenskie: posobie dlya ekspertov-kriminalistov. — М., 1970. — 60 s.

4. Kirsanov Z.I., Rogozin A.P. Metodika raspoznavaniya po pocherku vozrasta i pola ispolnitelya rukopisi. Veroyatnostno-statisticheskie metodyi pocherkovedcheskih issledovaniy. — М., 1974. — 74 s.

5. Kayunov O.N., Saharova N.G., Smirnov A.V. Modifikatsionnyiy metod opredeleniya pola ispolnitelya rukopisi po srednevyirabotannomu pocherku // Ekspertnaya praktika i novyye metodyi issledovaniya. — 1982. — №9. — S. 24—26. i

6. Metodika opredeleniya pola ispolnitelya kratkih rukopisnyih tekstov / A.B. Levitskiy [i dr.]. — М., 1990. — 185 s.

7. Chepulchenko T.A., Smirnov A.V. Ustanovlenie pozhilogo i starcheskogo vozrasta ispolnitelya rukopisnogo teksta. — М., 1984. — 122 s.

8. Metodika opredeleniya vozrasta ispolnitelya rukopisnyih tekstov / A.B. Levitskiy [i dr.]. — М., 1995. — 255 s.

9. Metodika opredeleniya pola ispolnitelya kratkih rukopisnyih tekstov / A.B. Levitskiy [i dr.]. — М., 1990. — 240 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пешвин Алексей Леонидович. Начальник экспертно-криминалистической службы. Управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Воронежской области.

E-mail: poshvin@mail.ru

Россия, 394000, г. Воронеж, ул. Средне-Московская, 88.

Тел. 8-909-215-36-74; 950-757-03-95.

Poshvin Aleksey Leonidovich. Chief of Forensics Department.

Authority of Federal Drug Control Service of the Russian Federation in Voronezh region.

E-mail: poshvin@mail.ru

Russia, 394000, Voronezh, Sredne-Moskovskaya Str., 88.

Tel. 8-909-215-36-74; 950-757-03-95.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза; рукописные тексты; методики исследования почерка; диагностика лица по почерку.

Key words: handwriting analysis; handwriting; handwriting methods of investigation; diagnosis person's handwriting.

УДК 343.983